

Success Story

A romantic couple embracing on a beach at sunset. The man is wearing a light blue shirt and the woman is wearing a light blue dress. They are sitting on the sand, and the woman is leaning her head against the man's chest. The background is a warm, golden sunset over the ocean.

**Избранница
волка**

Annotation

Жизнь Веты перевернулась с ног на голову, когда любимый ее предал, а она, спасая свою жизнь, наткнулась на раненого мужчину. Но откуда ей было знать, что несчастный, которому она так опрометчиво решила помочь, на самом деле не человек, и ее добрые намерения свяжут их жизни навсегда? Теперь девушке никуда не деться от своего случайного избранника, который, едва очнувшись, уволок ее в свой мир и, по какой-то неведомой причине, пленил в своем замке. Только землянки так просто не сдаются! И слабая девушка вполне может противостоять самоуверенному оборотню, даже если он наделен безграничной властью в своем королевстве. Главное теперь не влюбиться в того, у кого вместо сердца кусок камня.

- [Алеся Лис](#)
- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)

- [Глава 21](#)
- [Глава 22](#)
- [Глава 23](#)
- [Глава 24](#)
- [Глава 25](#)
- [Глава 26](#)
- [Глава 27](#)
- [Глава 28](#)
- [Глава 29](#)
- [Глава 30](#)
- [Глава 31](#)
- [Глава 32](#)
- [Глава 33](#)
- [Глава 34](#)
- [Глава 35](#)
- [Глава 36](#)
- [Глава 37](#)
- [Глава 38](#)
- [Глава 39](#)
- [Глава 40](#)
- [Глава 41](#)
- [Глава 42](#)
- [Глава 43](#)
- [Глава 44](#)
- [Глава 45](#)
- [Глава 46](#)
- [Глава 47](#)
- [Глава 48](#)
- [Глава 49](#)
- [Глава 50](#)
- [Глава 51](#)
- [Глава 52](#)
- [Глава 53](#)
- [Глава 54](#)
- [Глава 55](#)
- [Глава 56](#)
- [Глава 57](#)

- [Глава 58](#)
 - [Глава 59](#)
 - [Глава 60](#)
 - [Глава 61](#)
 - [Глава 62](#)
 - [Глава 63](#)
 - [Глава 64](#)
 - [Глава 65](#)
 - [Глава 66](#)
 - [Глава 67](#)
 - [Глава 68](#)
 - [Глава 69](#)
 - [Глава 70](#)
 - [Глава 71](#)
 - [Глава 72](#)
 - [Глава 73](#)
 - [Глава 74](#)
 - [Глава 75](#)
 - [Эпилог](#)
-

Алеся Лис
Избранница волка

Глава 1

Мне не нравятся друзья Сергея. Когда их липкие взгляды пробегают по моей фигуре, хочется спрятаться за спину любимого, а еще лучше уехать отсюда. Да и платье это, не спорю, красивое, таких у меня в жизни не было, то и дело норовит сползти с плеча. Осторожно поправляю тонкую бретельку и встречаюсь глазами с одним из присутствующих здесь мужчин. В чернильной глубине его очей горит пламя, которое пугает меня еще больше. Почему-то сейчас я ощущаю себя маленьким трепещущим мотыльком, которого вот-вот сожжет огонь свечи. Страх смешанный с тошнотой давящим комком застрекает в горле. Опускаю взгляд и невольно сжимаю ладонь Сережи еще сильнее.

– В чем дело, котенок, – склонившись ко мне, шепчет на ухо любимый.

Поднимаю голову и так же тихо спрашиваю.

– Когда мы поедем домой? Я... – сказать правду, что один из тех, с кем Серега еще секунду назад смеялся над каким-то анекдотом, пытался зажать меня в коридоре и нагло лез под юбку? Нет, это не вариант. Драка на дне рождения совсем не нужна. Тем более что их трое, а Сережа один. – Я просто плохо себя чувствую, – нагло вру и чувствую, как щеки заливают краска. Обманывать я не умею совсем, а в жизни это очень бы пригодилось.

– Очень плохо? – кидает скептический взгляд на мое покрасневшее лицо любимый. – Если так, то мы сразу же едем. Но, если ты можешь потерпеть, мне не хотелось бы обижать именинника, с Колей мы не виделись еще со времен выпускного.

Коля и есть тот самый черноглазый, который раздевает меня взглядом все то время, которое мы сидим за праздничным столом.

– Нет, все нормально, я потерплю, – обреченно соглашаюсь. И получаю утешительный поцелуй в лоб.

– Обещаю, через час мы уже домой, – довольно сверкает глазами любимый, снова возвращаясь к разговору с соседом.

– Серый, если твоя... – черноглазый на секунду запинается. – Невеста хочет отдохнуть, то можешь проводить ее в гостевую спальню на втором этаже. Ей, наверное, скучно с нами сидеть и слушать школьные байки.

– Вета, как ты на это смотришь? – снова поворачивается ко мне любимый.

Мне не слишком хочется оставаться одной. Рядом с Сергеем я чувствую себя в безопасности, но уединение в спальне может оградить меня от похабных взглядов и это небольшой, но плюс. К тому же я прекрасно вижу, что мужчины явно сдерживаются в моей компании, избегая употреблять крепкие словечки, скабрёзно шутить и вести не слишком приличные разговоры.

– Да, думаю, так будет лучше, – слегка улыбаюсь и позволяю отвести себя наверх.

Гостевая спальня приятно удивляет нежным, я бы даже сказала, женским интерьером. Огромное окно настежь открыто, и теплый ветерок колышет лиловые шторы, а кровать, накрытая снежно белым покрывалом так и манит прилечь.

Присаживаюсь, с удовольствием ощущая, как призывно пружинит подо мной мягкий матрас.

Устала я жутко, чего уж тут скрывать. День сегодня длился невероятно долго. Сначала пришлось все пары отсидеть в университете, затем отстоять шесть часов на работе. Труд промоутера кому-то может показаться легким, но попробуй-ка проведи на ногах полдня, имея возможность лишь единожды отлучиться в туалет. А начальник у нас – мужик жесткий и суровый. Один раз я, махнув рукой на правила, попробовала покинуть место работы по нужде в неурочный час, так мне сразу же позвонили на мобильный с вопросами – где меня носит.

А, когда я уже думала, что мои мучения окончились и, наконец-то, появится возможность отдохнуть, неожиданно пришлось ехать на день рождения какого-то неизвестного мне Николая. Сережа даже на работу за мной заехал и прямо там же, в торговом центре, где находится моя точка, купил это потрясающее платье.

– Не в джинсах же тебе идти? – заметив мой удивленный взгляд, объяснил любимый, преподнося наряд.

Тогда я с ним согласилась, а теперь вот жалею. Лучше бы джинсы и футболка, может, не так бы смотрели на меня все эти мужчины. Хотя платье на самом деле не очень-то и открытое – длиной в пол, с расклешенной юбкой, на бретелях, больше похоже на летний сарафан, чем на вечерний наряд. Но ведь и праздник намечался не в ресторане, а на загородной даче вблизи соснового леса. Сама не понимаю, что их так привлекло...

Широко зевнув, сдаюсь на милость усталости и склоняю голову на подушку, оставив ноги свисать с края кровати, чтобы иметь возможность в любую минуту вскочить и собраться домой, и незаметно для себя засыпаю.

Громкая птичья трель заставляет распахнуть глаза и резко сесть. От неудобной позы все тело ломит, а в голове пульсирует боль. Сколько же я проспала? Явно больше часа. Окно по-прежнему открыто, и за ним занимается багряный рассвет. Больше часа? Наивная! Да я проспала не меньше семи часов!

Вскакиваю, как ужаленная, и кидаюсь к двери. Где же Сергей? Что с ним? А вдруг они действительно подрались и любимый сейчас в больнице или еще хуже... Иначе, почему он не со мной? Не зря мне не понравилась эта компания.

Дергаю за ручку раз, второй и непонимающе смотрю на плотно закрытую створку. Это что получается? Меня закрыли? Нет... Быть такого не может... Замок заклинил, наверное... Нужно просто кого-нибудь позвать.

Глава 2

Кричать в пять утра очень неловко, но и сидеть взаперти я не могу, когда где-то там мой Сергей, возможно пострадавший от рук этих подозрительных типов. Преодолеваю присущую мне стеснительность и начинаю громко стучать. Потом, когда замечаю, что эффекта от моих действий нет никакого, еще громче. Чуть позже к стуку, стыдливо покраснев, присоединяю голос. И только после этого возле двери раздаются тяжелые мужские шаги и, наконец, щелкает язычок замка.

– Ну, чего тебе? – на пороге стоит хмурый мужчина. Саша или Паша, совсем не помню, как его зовут.

– Где Сергей? – спрашиваю то, что больше всего меня тревожит.

– Дома, наверное. Откуда я знаю, – небрежно сплевывает на деревянный пол собеседник. – А может в баре каком-то... Надо же сделку отпраздновать.

– В каком баре? Какую сделку? – непонимающе трясую головой.

Мой Сережа не ходит по барам, и сделки никакие не заключает. Он аспирант в институте. Этот человек явно что-то выдумывает.

– Пустите меня! – хмуро восклицаю и пытаюсь оттолкнуть с дороги тушу этого Саши-Паши.

Но куда там! Мужчина сразу же перехватывает мою руку и больно выкручивает за спину. С губ срывается всхлип. Суставы пронзает острая боль, приходит ощущение, что еще чуть-чуть, и этот амбал что-нибудь мне сломает.

– Отпусти ее, Павел, – вдруг слышится тихий злой голос. Значит, все-таки Паша... Давление сразу же ослабевает, и я выпрямляюсь. Рука безвольной плетью повисает вдоль тела. – Девочке просто нужно все объяснить. Правда, малышка?

Вскидываю взгляд на говорящего и, почему-то, совсем не удивляюсь, увидев, что голос принадлежит черноглазому Николаю. Он, не дожидаясь моего ответа, заталкивает меня обратно в спальню и захлопывает за собой дверь.

– Что вы делаете? – возмущенно вскрикиваю. Мне становится по-настоящему страшно.

– То, что хотел с самого начала, – прижимает он меня к себе, буквально впечатывая в налитую сталью грудь. – А ты заткнись и слушай, Цветана. Так ведь тебя зовут?

Вторая рука ложится мне на шею, и мягко надавливает на гортань, не сильно, но достаточно, чтобы я поняла, что стоит ему нажать чуть сильнее, и я задохнусь. Мне приходится чуть заметно кивнуть, чтобы ответить, и шершавая кожа на его ладони едва ощутимо царапает кожу.

– Твой Сергей мне висел должок. Давно висел... Проценты накапали порядочные, – произносит мужчина, склоняясь так близко, что я чувствую его дыхание на своей щеке. – Я бы мог его убить и прикопать тут в лесу, но это ведь не принесет мне деньги, правда? Их мне принесешь ты!

Он, судорожно вдыхая, проводит носом по моей коже от уголка дрожащих губ до виска.

– Я-я-я-я? – выдавливаю из себя удивленный писк. – Но у меня ничего нет!

С губ Николая срывается смешок, и он прижимает меня к себе еще крепче.

– Как же ты ошибаешься, малышка. Работая на меня, ты сможешь сполна вернуть долг своего хахалю. Есть небедные люди, кому по вкусу такая невинная простота.

Сердце пропускает удар, а ноги буквально подкашиваются от осознания его слов.

– Я полагаю, ты меня поняла, – шепчет мне на ухо мужчина, едва ощутимо касаясь губами ушной раковины. И я не могу сдержать дрожь омерзения. – А теперь посиди спокойно в своей комнате, малышка. Подумай, осознай, насколько изменится твоя жизнь. А если будешь послушной девочкой, то так уж и быть, дядя Коля позволит тебе оставлять чаевые у себя.

С этими словами Николай резко отталкивает меня, и я, сделав несколько шагов назад, падаю на кровать.

Глава 3

Первые секунды, после того как захлопывается за Николаем дверь, жадно глотаю ртом воздух, не в силах надышаться. Кожа там, где дотрагивалась его рука, буквально горит огнем.

Неужели любимый и правда меня оставил этим бандитам? На глаза набегают слезы, и я со злостью смахиваю их ладонью. Я не хочу верить в это, не хочу! Сергей не мог так поступить со мной. Мы знакомы еще со школьной скамьи, встречаемся уже, Бог знает сколько лет. Бабушка и он самые близкие для меня люди... Вернее, теперь только он.

Чуть больше года назад бабули не стало. Она воспитывала меня одна, отца я никогда не знала, а мама умерла, когда я училась в первом классе. И я просто не в силах поверить, что человек, который горевал вместе со мной на кладбище, поддерживал, помогал всегда, чем мог, вот так просто продал меня. Не мог он так поступить! Кто угодно, только не он! С Сережей однозначно что-то случилось. Мне просто нужно взять себя в руки и подумать, как быть дальше.

Медленно поднимаюсь с кровати и иду осматривать свою временную тюрьму. Спальня мне очень нравится. Небольшая, уютная. Даже имеется свой санузел. Из окна открывается шикарный вид на лес. Пожалуй, мне бы пришлось по вкусу тут жить, но не в качестве пленницы. В таких богатых домах, кажется, их коттеджи называют, я еще никогда не была. И что удивительно, сделан он полностью из дерева. У нас с бабушкой был обычный сельский домик на три комнаты, у Сергея такой же. А учась в университете я жила в общежитии, и там, естественно, обстановка была также скудна и непритязательна.

Только сейчас мне совсем некогда восхищаться интерьером, нужно подумать, как мне выбраться отсюда.

От одной мысли о том, что придется бежать, меня охватывает ужас. А о том, что будет, если меня поймут, я даже думать не хочу. Но и сидеть, сложа руки, мне не подходит. То будущее, которое уготовил для меня Николай, пугает несравнимо больше, нежели последствия

неудачного побега. А так, если мне удастся скрыться в лесу, то в скором времени можно выйти на трассу и поймать попутку. Приблизительное направление я помню, и, думаю, дойти до шоссе будет не так уж и трудно, все же не глухая тайга.

Больше меня беспокоит, как из дому выбраться. В комнате я закрыта, выводить меня куда-нибудь нет нужды, а это значит, что планируют меня держать здесь, пока не придет пора мной воспользоваться. А тогда бежать будет поздно. Но даже если мне удастся каким-то чудесным образом сломать замок, то, ручаюсь, меня тут же перехватят. Не так уж они глупы, чтобы не следить за единственным выходом... Остается окно.

Подхожу к нему и осторожно выглядываю. Стена бревенчатая сплошная, ни плюща, увивающего ее, ни дикого винограда, по которому так ловко спускаются беглянки в книгах и фильмах. Под самым окном хоть и не голая земля, а пушистый разлапистый куст, но прыгать я вряд ли осмелюсь. Слишком высоко. А на сломанных ногах далеко не убежишь.

Отчаяние вновь охватывает меня, и я разочарованно плюхаюсь обратно на кровать. На глаза наворачиваются слезы, но в этот раз, я уже не вытираю их. Скрутившись клубочком на постели, заворачиваюсь в одеяло и опять ныряю в сон. Изнуренному волнениями организму требуется отдых.

А когда просыпаюсь, в голову приходит идея, которая настолько очевидна, что я диву даюсь, как могла не додуматься до этого раньше – нужно просто связать простыни и по ним спустится. Я, конечно, канатолаз еще тот, но упасть, зависнув где-то посередине этажа, и выпрыгнуть из окна большая разница. Одно меня смущает – неужели эти мордовороты настолько недооценивают меня, и не подумали о том, что я найду способ сбежать?

Обвожу взглядом комнату, прикидывая, на чем можно закрепить свой импровизированный трос, и замечаю на столе небольшой, накрытый крышкой поднос, которого ранее в спальне не было. Кто-то заходил ко мне, пока я спала, и оставил обед? От мысли, что я была перед неведомым посетителем спящей и совершенно беспомощной начинает мутить. Но я прекрасно понимаю, что силы мне понадобятся, и просто необходимо себя заставить съесть хотя бы кусочек.

Немного поколебавшись, подхожу к столу и открываю предложенное блюдо. К горлу подступает желчь. Слипшийся комок пельменей, застывший бесформенной серой глыбой, не вызывает никакого аппетита. Сглатываю тошнотворный привкус во рту и присаживаюсь, дабы приступить к трапезе. Я не знаю, что ждет меня в процессе побега и когда я смогу добраться до людей. Вполне вероятно, что придется прятаться в лесу от этих гадов, а там еду в такое время года я вряд ли найду.

Первая ложка идёт с трудом, но пельмени на вкус оказываются намного лучше, чем на вид, и я без особых усилий съедаю всю порцию. А пока ем, прикидываю, когда удобнее было бы сбежать. Сейчас явно не стоит. Солнце светит ярко, и я буду заметна, как на ладони. Думаю, безопаснее будет осуществить побег в темноте. А пока можно рассмотреть постельное белье и рассчитать, сколько мне понадобится ткани, чтобы спустится вниз.

На счастье меня сегодня больше никто не тревожит. Николай, как и обещал, дает время на размышления и осознания своего положения. И лишь уже глубоким вечером, когда небо чернеет, и на нем появляются звезды, моя дверь, тихо скрипнув, отворяется.

Я была готова к тому, что мой мучитель нанесет визит – надо же убедиться, насколько жертва приняла свое новое положение – хотя до последнего надеялась, что меня не побеспокоят.

Чтобы показать смирение и отчаяние, и не выдать неосторожным жестом свои планы, не зажигаю в комнате свет, решив притвориться спящей. Поплотнее завернувшись с головой в пушистое одеяло, как в белый мягкий кокон, стараюсь дышать размеренно и спокойно.

Мужчина замирает на пороге, давая глазам привыкнуть к темноте, а затем я слышу, как его тяжелая поступь приближается к кровати.

Я, чувствую, как под его тяжестью прогибается матрас, когда он приседает на краешек постели и откидывает мое одеяло. Невероятным усилием воли заставляю себя и дальше дышать ровно и выверено, выталкивая из головы мысли о том, что сейчас творится в комнате. Я буду думать о море, о ласковом теплом море.

Однажды мне довелось побывать на его берегу, и эта картина навсегда останется в моем сердце. Шум волн, запах солёной воды, крики чаек над головой. Это сейчас перед глазами, а не наглая мужская рука, которая гладит мою лодыжку, не человек, который шумно дышит,

рассматривая мое спящее тело. Море... Море... Море... Аквамариновое. Глубокое. Нежное и сильное одновременно. Мое море. Мой уголок спокойствия и умиротворения.

Не знаю, сколько длится эта пытка, и знать не хочу. И только когда слышу звук закрывшейся двери, позволяю себе расслабиться и выдохнуть. Кажется, поверил.

Глава 4

Вставать не спешу, мысленно отсчитывая секунды, даже слегка придремываю, каждый раз нервно вскидываясь на звуки в доме. Голоса мужчин отчетливо доносятся с первого этажа, хотя разобрать о чем говорят эти гады, я не могу. Но со временем стихают и они, а дом погружается в полную тишину. Кажется, время пришло.

Медленно встаю с кровати и принимаюсь за дело. Света из окна вполне хватает, чтобы стащить простынь и пододеяльник и связать их узлом. Я не знаю насколько крепок он у меня получается, будем надеяться, что достаточно, для того, чтобы я спустилась. Один конец привязываю к конвектору под окном, а со вторым в руках нерешительно замираю. Боже, как же мне страшно! Но оставаться здесь намного страшнее. Ещё раз придирчиво осматриваю крепление. Надеюсь, эта металлическая штука меня выдержит. Лучше было бы к кровати привязать, но тогда мне не хватит длинны. Нужно рискнуть.

Ткань с мягким шелестом падает вниз. Чёрт! Не хватает. Придется прыгать. Или падать. Это уже как получится.

Перекидываю ноги через подоконник и, сжав верёвку в руках, соскальзываю вниз. Мамочки, как же тяжело. Секунду беспомощно болтаю ногами, пока не нащупываю выпуклый бочок одного из бревен, из которых сделаны стены. Становится легче.

Медленно, шаг за шагом спускаюсь вниз. Миную узел, который связывает пододеяльник и простынь и двигаюсь дальше. Руки дрожат от напряжения, мышцы словно сводит судорогой, но я стараюсь не обращать на это внимания, молясь только об одном — чтоб не развязались узлы. До земли остаётся ещё половина расстояния, когда я всё-таки не выдерживаю и срываюсь вниз — то ли руки меня подводят, то ли плохое крепление каната, то ли то и то.

С глухим охом падаю в кусты, а сверху на меня пододеяльник. Дыхание выбивает из легких, в глазах зажигаются звездочки. Больно, очень больно. Мелкие веточки растения царапают обнаженную кожу, впиваются острыми концами, нанося невидимые мелкие порезы.

Закусываю губу чуть ли не до крови, чтобы сдержать крик. У меня почти получилось, я не могу себя выдать так глупо.

Из открытых окон в доме слышится тихий шорох. Разбудила? Боже, Боже, Боже, прошу тебя, пускай они спят! Пускай их сон будет крепок, как у младенца!

Страх, погнавший адреналин по венам мигом выгоняет все болезненные ощущения, и я, как заведенная, вскакиваю на ноги. В лодыжку словно ввинчивается раскаленная острая игла, тихо мычу, изо всех сил стиснув зубы. Могло быть и хуже. Ушиб, всего лишь ушиб, при переломе болит сильнее... Я знаю.

Так, а теперь куда? Дом окружён серебристым забором, сделанным из металлического профнастила, по-моему, эта штука так называется. Залезть-то я смогу, если что-то подставить, а перелезть как?

Задумавшись, кидаю взгляд на землю, и замечаю белеющий пододеяльник. Сгодится! Быстро хватаю лежащий в кустах кусок ткани и снова настороженно прислушиваюсь.

В доме, кажется, снова стихают, и я, не теряя времени, быстро ковыляю к забору, напрочь игнорируя ноющую ногу. Нужно просто потерпеть, плакать буду потом.

До цели остаётся ещё каких-нибудь пару шагов, когда до меня доносится громкий лай. Собаки? У них есть сторожевые псы? Почему я раньше их не видела? Может они где-то были в вольере? Не важно. Теперь уже точно не до лодыжки.

В два счета преодолеваю расстояние до забора и закидываю скрученное комком покрывало на его бортик. Затем запрыгиваю на бетонный уступ, ставлю ногу на металлическую ленту, скрепляющую листы профнастила, и, подскочив, бухаюсь животом на кромку, накрытую тканью. С губ срывается тихий стон. Несмотря на мягкую подстилку, острый край ограды больно врезается в тело. Пес, почти догнавший меня, клацает челюстью у самой моей икры и цепляется зубами за подол платья. Ткань жалобно трещит, я дергаю здоровой ногой, кажется, даже попадаю пяткой по собачьей морде, и переваливаюсь через забор.

Глава 5

Перевести дух и отлежаться в высокой траве под забором не удастся. К терзающему кусок моего сарафана зверю присоединяется ещё парочка, затем слышатся гневные мужские голоса, громкие окрики и ругательства. Сердце камнем ухает вниз. Чуть постанывая, поднимаюсь на колени, а потом, придерживаясь рукой за забор, встаю на дрожащие ноги. Ну, Цветана, давай! До леса рукой подать, пока они обойдут территорию усадьбы, я вполне успею добежать до деревьев.

Мне не верится, что мои старания увенчались успехом, даже тогда, когда под ногами начинает ощущаться пружинистый остро пахнувший настил из опавшей хвои. По инерции продолжаю бежать, стараясь как можно глубже забраться в лесную чащу. В какой стороне находится трасса, я пока не думаю, сейчас главное скрыться.

Намеренно избегая проторенных грибниками троп, продираюсь сквозь сплетенные ветви кустов, ныряю под низко нависшими ветками, перелезаю через какие-то буераки. Липкая мерзкая паутина тут же облепляет руки, волосы, лицо... Содрогаюсь от отвращения — никогда не любила насекомых и пауков — но упорно продолжаю идти дальше.

Вскоре мне удастся выйти к небольшому ручью. Только на его берегу позволяю себе несколько минут отдохнуть и напиться.

Я не знаю, насколько обученные у этих мразей псы, могут они брать след или нет, но, вспомнив, что если идти по воде, то собака не учует свою добычу, не раздумывая, захожу в прохладную воду и бреду по ней. Так идти намного тяжелее, каждый острый камешек на дне ощущается через подошву балеток, как крупный осколок стекла. Ушибленная нога снова напоминает о себе, но холод воды успокаивает ноющие мышцы и снимает жар.

Сначала мне удается шлёпать весьма бодро и в хорошем темпе, но с каждым шагом становится заметно, что я невольно начинаю идти все медленнее и медленнее, иногда спотыкаясь и скользя по дну.

Порой мне кажется, что я слышу лай собак, который, спустя какое-то время, стихает, но потом вновь появляется — значит, им не

удалось пока выйти на мой след. Это утешает и придает сил. Но не надолго. И, в конце концов, когда я, в очередной раз поскользнувшись, едва не падаю в воду, решаю выбраться на сушу и все-таки выделить какой-то час на отдых.

Еще немного пройдя вперед, замечаю подходящий участок берега. Придерживаясь рукой за нависшие ветки, вскарабкиваюсь на него и устало плюхаюсь на землю, усеянную сухими иголками. А затем с наслаждением стягиваю насквозь промокшие балетки. Обувь испорчена окончательно, но это небольшая плата за жизнь.

Без холодной воды лодыжка снова начинает беспокоить, небольшая припухлость в районе косточек указывает на растяжение. Я, конечно, не врач, и о медицине имею весьма смутные представления, но из школьной программы по ОБЖ помню, что такие травмы нужно туго перематывать.

Руки сами тянутся к подоле, но мокрая ткань никак не хочет поддаваться. Ее бы надрезать чем-то, да, как назло, рядом ничего подходящего нет. Немного подумав, пускаю в ход зубы, перекусывая краешек подола, а там дело идет веселее. Сарафан длинный, можно, при желании, меня всю таким своеобразным бинтом обмотать.

Закончив перевязывать ногу, приваливаюсь спиной к дереву и утомленно прикрываю глаза. После бурлящего в крови адреналина, который к этому времени давным-давно схлынул, по телу разливается слабость и опустошение. Интересно, куда меня занесло, и как далеко я сейчас от трассы?

Интуитивно я пыталась все же двигаться в правильном направлении, а не бежать, куда глаза глядят, только в темноте-то это весьма трудно контролировать, да и ручей неизвестно куда привел.

Лес наполнен звуками, шорохами, криками животных. Жизнь идет своим чередом, что ей до глупой девчушки, которая попалась бандитам в лапы. Как ни странно, но страха нет. Наоборот, я та, которая всегда боялась темноты, отчаянно сейчас желаю, чтоб яркая луна скрылась за тучами, ведь самый опасный зверь в этом лесу – двуногий... тот, который ищет меня...

Неожиданный, чуждый для этой местности звук, словно ножом разрезает лесную какофонию. Машина! Я отчетливо слышу шум двигателя! Вскрываю на ноги и начинаю судорожно подниматься

вверх по склону... Машина – это дорога. Дорога и люди! Главное успеть...

Оказывается, я не дошла каких-нибудь метров двадцать, а из-за темноты просвет между деревьями был не виден, да и крутой берег закрывал обзор...

Вылетаю на трассу, как раз, когда автомобиль уже совсем близко. На мгновение свет фар ослепляет меня. Прикрываю ладонью глаза, и слышу, как хлопает дверь остановившейся рядом машины.

– Цветана? Что ты тут делаешь? – доносится до меня самый родной в мире голос.

Желанье кинуться в объятья любимого тянущей болью отзывается в мышцах, но вместо того, чтобы шагнуть вперед, я отчего-то инстинктивно ступаю назад, к лесу.

Глава 6

– Котенок, ты чего? – недоумевает Сергей. А я и сама не знаю чего, только делаю еще один шаг назад.

– Где ты был? – едва слышно спрашиваю, чувствуя, как пересыхает во рту от страха и по коже бегут мурашки. У меня уже было такое. Давно. Много лет назад. Я тогда со школы возвращалась и, чтоб сократить дорогу, бежала через пустырь, где дом строили. Сколько себя помню, этой дорогой ходила под окнами громадного двухэтажного недостроя, но в тот раз остановилась на полпути, а через секунду прямо передо мной на землю упал кусок кирпича. Так вот, тогда я себя тоже так чувствовала – словно все тело покалывают тоненькие иголочки, и тошнота клубком ворочается в животе.

– К маме ездил, – спокойно отвечает мой жених. – У нее давление подскочило, нужно было срочно в аптеку смотаться.

В его голосе столько невинного недоумения, что это невольно наталкивает на подозрения...

Совсем далеко, едва слышно, лают псы, выслеживая меня.

– И ты, – выжидательно смотрю на него, а сама продолжаю отступать. – Целый день мотался, правильно я понимаю?

– Да! Представляешь, маминых таблеток не было ни в одной, пришлось в соседний город ехать! – разводит руками любимый. – Прям, напасть какая-то!

Ага, напасть... Может быть... Только не верится мне что-то. Еще день-два назад, я бы даже усомниться не посмела в его словах, а сейчас... А сейчас оказывается в этом мире можно продавать людей, как вещи, и я не знаю теперь чему и кому доверять. Словно проснулась, как Нео из матрицы, проглотив не ту пилюлю, и все. Добро пожаловать в настоящий мир... Предыдущий был ложью... Сказкой... Красивой картинкой...

– Почему же ты меня с собой не взял? Почему на целые сутки оставил у чужих людей? – говорю с упреком и обидой, а у самой на глаза слезы наворачиваются. Я столько всего пережила за эти двенадцать часов, а он даже не спросил, как я.

– Ты так мило спала. Я же знаю, как ты устаешь. А в машине тебя укачивает, какой там отдых, – пожимает плечами любимый. – Ник и ребята хорошие люди, они бы не причинили тебе вреда... Ну же... котенок... иди ко мне.

За спиной снова слышится лай собак. Громче. Отчетливее. Они приближаются.

– Хорошие люди, говоришь? – всхлипываю я.

– Да, хорошие, – расслабляется Сергей. Только сейчас я понимаю, как он был напряжен, словно... словно дикую зверушку подманивал. – Я им доверяю, как себе.

“Как себе... Доверяю, как себе...” – звучит в голове, словно эхо. Меня загнали в ловушку. Целенаправленно. Планомерно. Хладнокровно. Как дичь. Как зверя. Страх и обида ядовитой смесью вскипают в сердце. Псы лают все ближе и ближе...

Сергей раскрывает объятия и делает шаг ко мне.

– Я очень скучал, Вета, – хрипло заявляет он. Запах крепкого алкоголя, который он вокруг себя распространяет, очень хорошо показывает мне насколько сильно. И это явно не боярышник, который можно купить в аптеке.

– И я скучала, – тихо отвечаю. Скучала... И скучаю... Но не по нему, не по этому Сергею, а по тому, который был у меня в сердце, по тому, чью роль он играл все эти годы, роль заботливого и любящего парня...

Делаю шаг навстречу, еще один. Широкая улыбка скользит по некогда до боли любимому лицу, но когда до Сережи остается совсем немного, я неожиданно толкаю его, а сама, прошмыгнув мимо, кидаюсь вперед. Не ожидав от меня подвоха, любимый, заваливается на спину и ударяется головой об капот машины.

По другую сторону трассы тоже лес. Он гуще... Страшнее... Непроходимее... Он мое спасение...

Глава 7

Первые минуты мне кажется, что погоня прямо за моей спиной. Воображение рисует звуки хриплого дыхания преследующих, их оскаленные лица, истекающие слюной пасти собак, но спустя несколько минут, когда в правом боку начинает ощутимо покалывать, я понимаю, что это все лишь игры воображения.

Лес все так же шумит, но единственное сиплое натруженное дыхание, которое я слышу, это мое. Они остались позади. Николай со своей сворой еще, видимо, не успел подойти, а Сережа, наверное, слишком сильно ударился. Или я его ударила.

На миг в сердце закрадывается ощущение вины – я впервые в жизни сознательно причинила вред человеку, вряд ли убила, но покалечить могла знатно – но потом я со злостью отбрасываю ненужные муки совести. А он? Он со мной, что собирался делать? Ручаюсь, мой жених даже не думал, выживу ли я после того, как удовлетворю похоть всех тех клиентов, которых пророчил мне Николай, или нет. И что будет с моим телом и душой после такой работы.

Глаза начинает щипать, я смаргиваю одинокую слезинку с ресниц и упрямо иду дальше. Больше бежать нет сил.

Постепенно темнота вокруг начинает таять, небо светлеет, просыпаются ранние пташки. Их громкие трели немного успокаивают – раз пищат, значит, собаки и громыхающие ботинками гады далеко позади.

Но радоваться приходится недолго, солнце, мазнув всего лишь раз тонким прозрачным лучом, прячется за огромную серую тучу. И, спустя полчаса, хляби небесные разверзаются. Дождь, хоть и летний, а все же пробирает до костей. За секунду я становлюсь, как мокрая курица, – сарафан облепляет ноги, больная конечность, то и дело, подворачивается на скользких влажных иголках, волосы, намкнув, неприятно тянут затылок вниз. Сколько раз хотела отрезать косу и сделать модную, молодежную стрижку, а рука не поднималась. Бабуля

очень любила мои волосы, до последнего расчесывала поутру и заплетала, хоть я вполне могла это делать сама.

– Это моя гордость и радость, – говорила она, проводя по прядям старым деревянным гребнем, доставшимся ей от прабабки. – А твоя сила.

Какая такая сила, она не уточняла. Скорее всего, обычные сельские предрассудки и суеверия.

Идти становится тяжелее. Одно радуется, преследователям сейчас тоже не просто. Вода смывает мой след и запах. Я помню, где-то читала, что на обоняние собак влияет дождь, туман и даже жара. Значит, удача все же на моей стороне.

Дождь понемногу стихает, но продолжает слегка моросить. Зубы уже давно выбивают чечетку, а тело бьет холодная дрожь. Я уже начинаю основательно так подумывать о том, чтобы поискать хоть какое-то укрытие, как сразу же выхожу к крутому обрыву. Внизу, судя по всему, когда-то бежал ручей, но жара высушила его до капли и теперь вместо воды на дне темнеет размоченное дождем болото.

Чтобы продолжить путь мне нужно либо спуститься вниз отвесному краю, а потом по такому же подняться вверх, либо искать, как можно обойти. Только вот можно ли?

Вздыхнув, сажусь на край, прямо в мокрую грязь, переворачиваюсь на живот и, цепляясь руками за ветки кустов и торчащие из глинистой почвы корни деревьев, начинаю медленно скользить вниз. Николай и его прихлебатели вряд ли подумают, что я способна на такую глупость и будут искать меня на обходных путях.

Спускаться оказывается намного проще, чем я себе представляла, и через несколько минут я уже внизу. Ужасно грязная, но живая и почти невредимая. Более того, за двадцать шагов от меня приветливо сияет зевом пещера.

Осторожно подхожу к возможному укрытию и заглядываю внутрь. Мне приходится чуть наклониться, так как свод нависает слишком низко даже для меня. Глаза сразу же выхватывают светло-коричневые стены, теряющийся в темноте конец коридора и лежащего на полу мужчину.

Словно ужаленная отпрыгиваю назад. На мгновение мне кажется, что это кто-то из охотящихся на меня мразей, но, присмотревшись внимательней, понимаю, что этот человек мне совершенно не знаком.

Он безвольно лежит лицом вниз, неестественно подвернув под себя руку. По некогда белом рукаве рубашки расплзлось кровавое пятно, выше него наложен жгут.

Глава 8

Устало прислоняюсь к стене и тихо вздыхаю. Хоть стреляй, но больше я и шагу ступить не могу.

Лодыжка, кажется, распухла еще больше, а ноги подгибаются, словно вареные макароны. Мне бы отдохнуть хоть немного, хоть капельку и подумать, куда идти дальше.

Мужчина все так же лежит ничком и не шевелится. Несмело топчусь у входа, пока не решаясь нырнуть в сухое нутро пещеры. За шиворот попадает несколько капель, заставив зябко передернуть плечами. Поднимаю взгляд и с немым укором смотрю в просвет между ветвями на хмурое серое небо. Дождь даже и не думает прекращаться. Капли стучат по листьям над головой все чаще и чаще.

Что же делать? От Сергея и его друзей я, кажется, оторвалась, но непогоду тоже стоит где-то переждать. Становится ещё холоднее и противное.

А если я совсем с краешку, чуть-чуть. Просто, чтоб на голову не капало. Да и укрытием от чужих глаз этот лаз может служить отменным. Сверху даже не заметно, что тут имеется такое укромное место.

За двадцать минут, что я стою в нерешительности возле пещеры и взвешиваю все за и против, мужчина ещё ни разу не подал признаков жизни. Это и пугает и успокаивает одновременно. То, что случилось со мной буквально вчера, как нельзя лучше показывает, что бояться стоит не мертвых, а живых. Даже тех, кого знаешь всю свою сознательную жизнь, даже тех, кому доверяешь, даже тех, кто клянется в вечной любви.

Делаю маленький шажочек, за ним еще один и, наконец, попадаю под настоящую крышу. Осторожно присаживаюсь возле входа, готова в любую секунду кинуться наутек.

Страх выматывает, притупляет чувства, едкой чернотой разливается по душе. Но не может человек вечно бояться. Рано или поздно наступает момент, когда становится все равно, и ты делаешь то, что нужно, то, что сохранит тебе жизнь.

Минут через десять я уже перестаю вздрагивать на каждый шорох, настороженно прислушиваюсь лишь к тому, что делается снаружи. Их я боюсь больше, чем этого несчастного. Может, он точно такая же жертва Николая, как и я. В сердце даже просыпается сочувствие к мужчине, но и здравый смысл во мне говорит об опасности. Вдруг я к нему подойду, чтобы проверить признаки жизни, а он меня схватит. Вдруг, он один из них. Все же рана на плече выглядит не настолько опасной, чтобы вот так бездыханным валяться. Ловушка? Интуиция говорит, что нет. Но я уже была доверчивой девочкой, и поплатилась за это. Больше я такой ошибки делать не намеренна.

В этот момент с губ мужчины срывается хриплый стон. Он, судорожно завозившись на земле, пытается перевернуться, а когда ему это удастся, его воспаленные жаром глаза безошибочно находят меня.

К тому времени я уже испуганно выскакиваю наружу, забыв о дожде, но пока замираю у входа – достать он меня, вряд ли достанет, а другое такое укромное убежище мне вряд ли найти сейчас. Да еще с распухшей ногой.

– Иди сюда, девочка, – доносится до меня властный голос, в котором отчетливо чувствуются стальные нотки. – Ты мне нужна...

Сердце обрывается и камнем падает вниз.

Отрицательно мотаю головой и упрямо остаюсь на месте. Адреналин бурлит в крови, словно рукой снимая усталость.

– Иди... Не бойся, – мужчина явно старается придать своему тону более ласковые и спокойные вибрации. Но это то же самое, что пытаться выдать волка за комнатную болонку. Старания похвальны, но совершенно напрасны. – Мне просто нужно, чтоб ты извлекла из раны яд, – цедит он сквозь зубы и снова откидывается на землю, прикрывая веки.

Нервно сглатываю, цепляясь рукой за глиняную стену, чтоб меньше нагружать травмированную конечность и продолжаю наблюдать. Но мужчина, видимо потратив все свои силы на недолгий разговор со мной, снова впадает в забытие.

На миг мне представляется, что вместо него я сама, так же прошу о помощи, умирая, а кто-то стоит и бесстрастно смотрит на мои мучения. Становится стыдно. Стыдно и страшно.

Сжимаю на груди простой деревянный крестик, подаренный бабушкой, и осторожно начинаю приближаться. А когда до мужчины остается всего рукой подать, он внезапно распахивает веки и впивается в меня горящим взглядом. Его глаза темные, как ночь – где радужка, а где зрачок, совсем не различить. Такой взгляд пугает и завораживает одновременно.

– Что я должна сделать? – тихо спрашиваю, чувствуя, как голос сипит от страха. Я все еще не доверяю ему, но, рассудив, что удобных моментов, чтобы меня схватить, у него была уйма, делаю вывод, что этот человек тоже несчастная жертва. Как и я...

– Ты должна удалить из раны яд, – лихорадочно блестит глазами мужчина, кивая на свою рану.

– Как? – шокировано, округляю глаза. – Я не умею... Я же не врач!

– Ты должна! – твердо произносит мой собеседник. – Иначе мне не жить...

От ужаса у меня перехватывает дыхание. Кожа мгновенно покрывается липким неприятным потом. В этот момент я уже не холод чувствую, а настоящий жар. От меня зависит жизнь человека. От той, которая едва не потеряла свою собственную!

– У меня на поясе нож, – снова прикрывает глаза мужчина. – Возьми его!

– 3-3-зачем? – непонимающе восклицаю. Я ведь спасти его собралась, а не убивать.

– Ты должна срезать окружающую рану кожу и выпустить кровь. Иначе яд распространится по всему телу. Я и так его сдерживаю изо всех сил, частично перетянув жгутом, частично перерабатывая защитными свойствами собственной крови, но надолго меня не хватит. Слишком велика концентрация.

Он говорит для меня совершенно непонятные и странные вещи. Единственное, что я понимаю, нужно вырезать у него кусок кожи. От этого мне плохее, и я плюхаюсь на землю подле больного.

– Эй, девочка, ты как? – заметив мое состояние, тут же интересуется будущий пациент. – Может, ты крови боишься?

– До сих пор не боялась, – хриплю я. – Но и живого человека я тоже до сих пор не резала.

Мужчина хмыкает, сдерживая смешок.

– Ты уж постарайся. Мне просить больше некого.

Вскидываю на него взгляд и будто ныряю в черный омут. Это так странно. Словно на какой-то миг мы остаемся на целом белом свете одни. Но наваждение быстро проходит, и я беру в дрожащие руки кинжал.

– Давай, малышка! Ты сможешь! – хрипло говорит мужчина и откидывает голову назад. – И да прибудет с тобой Донар!

Глава 9

Разрезаю ножом грязный рукав, стараясь не потревожить поврежденное плечо, и обнажаю рану. Небольшой порез, величиной с мизинец, окружен почерневшей кожей и находится действительно в том месте, где мужчина точно не смог бы его достать, разве что частично.

– Видишь отмершую ткань? – уточняет раненый. – Ее нужно всю срезать, а лучше на полсантиметра больше, чтоб наверняка.

Мне снова становится плохо. Тошнота липким комком подкатывает к горлу.

– Я... не смогу, – испуганно сглатываю, вытирая ладонью вспотевший лоб.

– Сможешь! – с губ мужчины срывается рык, заставивший меня вздрогнуть.

Этот резкий возглас моментально приводит в чувства. Он прав. Самому ему не справиться, есть только я, и мне нужно взять себя в руки. Да, страшно. Да, жутко. Но не невозможно. И жизнь человека важнее моих всяких “не могу”.

Прикладываю острое к коже и надавливаю. В первую минуту дрожащие пальцы подводят, и я нечаянно чиркаю лезвием себя по левой руке, которой придерживаю пылающее жаром плечо. Из ранки тут же выступает алая кровь.

– Не получается, – тихо шепчу.

– Давай сюда, – отбирает у меня нож мужчина и сам делает первый надрез. – Дальше сама. Мне не видно...

То, что я делала дальше, напрочь стирается из памяти. Я словно превращаюсь в кого-то совершенно другого – собранного, хладнокровного, беспрекословно выполняющего четкие указания, озвученные хриплым шепотом. Не уверена, что смогла бы повторить подобную операцию еще раз. И уж точно уверена, что не смогла бы справиться настолько хорошо без тихого спокойного голоса, руководящего моими действиями, подбадривающего, дающего силы.

Черная кровь, наполненная ядом, уходит в глинистую землю пещеры, мгновенно впитываясь и оставляя после себя лишь темные пятна. Мужчина устало опускает голову на землю и переводит дыхание. За все это время он даже ни разу не поморщился, словно не его резали по живому. Стальные нервы. Стальная воля.

Дождь все так же идет сплошной серебристой стеной. Поднимаюсь с колен и медленно плетусь к выходу. Подставляю под прохладные капли испачканные руки и кое-как смываю с себя кровь. Порез на ладони немного саднит, я уже успела о нем забыть, в голове звенит гулкая пустота. Все закончилось.

Наклонившись, отрываю кусок ткани почище от и так уже истерзанного подола и, обильно смочив его под дождем, возвращаюсь в пещеру – кожу вокруг разреза нужно протереть от крови и грязи. Саму рану я замотала чистым куском ткани, а жгут ослабила.

Аккуратно очищая плечо, чувствую, что и жар, терзающий тело мужчины, начинает спадать. Организм, видимо, все-таки преодолевает яд и постепенно восстанавливается, а сам раненый тихо посапывает, прикрыв глаза. Сон лечит – так часто говорила моя бабушка, когда у меня что-то болело. Вот пускай лечится, больше я ничем помочь не могу.

Проводя обмотанной влажной тканью ладонью по гладкому плечу, невольно кидаю осторожные взгляды из-под ресниц на дремлющего пациента. Красивый. Даже очень. Темные волосы, четко очерченные скулы, покрытые колючей щетиной, мужественная линия подбородка с едва заметной ямочкой... Разве такие красавчики бывают в настоящей жизни, не в кино? Наверно бывают, раз один из них лежит у моих ног...

Закончив с омовением, присаживаюсь рядом и тоже прикрываю веки. В глаза будто песок насыпали. Сколько же я сама не спала? Может сутки? Или уже больше?

Постепенно туман в голове становится все гуще и гуще, затягивая меня в свои заманчивые глубины. Мне кажется, что я всего лишь на мгновение смыкаю глаза, а в следующую секунду меня резко вырывает из дремы громкий захлебывающийся лай собак.

Пошатываясь, вскакиваю на ноги. Из груди вырывается полувсхлип-полустон. Я совсем забыла о ноге, а она, кажется, за время отдыха распухла еще больше, и теперь я даже ступить на нее не могу.

Так и стою, привалившись плечом к стене и поджав под себя больную конечность.

Но больше, чем травма, меня беспокоит этот непрекращающийся заискивающий лай. Слишком громкий. Слишком отчетливый.

Кидаю взгляд на безмятежно спящего мужчину, затем на широкий просвет выхода.

Дождь прекратился. Лес, словно в насмешку, заливают бледно-оранжевые закатные лучи, превращая россыпь капелек на листьях и травах в искристые переливающиеся бусины. Столь мирная картина, и столь же обманчивая. Там, где-то среди всей этой красоты таится тот, кто желает причинить мне вред. И он не отступится, сколько бы я не бегала.

Шорох скатившихся камушков заставляет вздрогнуть. Тихие, едва различимые шаги раздаются совсем рядом с входом. Сама не знаю зачем, хватаю лежащий рядом нож и ковыляю вперед. Возможно я уже заведомо проигравшая сторона, но и сдаваться просто так я не намерена.

До боли стискиваю кинжал в руке, чувствуя, как металлическая ручка впивается в ладонь кромкой вычурной гравировки.

– Ну, здравствуй, Вета, – массивная мужская фигура закрывает собой просвет небольшого входа, кидая длинную тень на пол пещеры.
– Ты заставила нас хорошенько за собой побегать. Хитрая добыча. Аппетитная...

Глава 10

Глаза Николая блестят предвкушением и триумфом. Для него это была всего лишь игра, для меня горькая действительность.

Прячу руку с ножом в складках изодранного платья и настороженно замираю. К Николаю присоединяются его прихлебатели – Павел и тот, другой, имя которого я напрочь забыла. А за спиной у этой троицы стоит, низко опустив голову, Сергей и держит на поводке притихших псов. Неужели стыд проснулся? Или совесть замучила? Только, что мне с того? Сейчас, в эту самую минуту, моя жизнь решается.

– Иди сюда, Веточка, – пальцем, словно маленького ребенка, манит меня Николай. – Иди к дяде Коле. Будь послушной малышкой. И я не буду тебя слишком жестоко наказывать...

Покорно делаю шаг вперед, делая вид, что смирилась. Ресницы опущены, глаза смотрят в пол – ты же такой хотел меня видеть? Смотри!

Пальцы на рукоятке кинжала немеют от напряжения.

– Вот так, Веточка. Вот так. Умничка, – приговаривает мужчина, нетерпеливо притопывая ногой. – Не бойся.

Я изо всех сил сдерживаюсь, чтобы не выдать свой замысел раньше времени. А, когда до мужчины остается не больше полуметра, и его рука цепко хватает меня за предплечье, резко замахиваюсь ножом, целясь в открытое горло.

Николай, дико вскрикнув, швыряет меня об стену, выбивая оружие из рук. Сильный удар вышибает из груди весь воздух, и с губ срывается громкий стон.

Но еще громче звучит доносящееся из глубины пещеры яростное рычание. Пугающее. Жуткое. И явно принадлежащее дикому зверю.

Волна дикого животного ужаса прокатывается по телу. Я застываю, охваченная страхом, чувствуя, как сердце выпрыгивает из груди. А из темноты доселе укромного и безопасного убежища медленно появляется огромный черный волк. Его глаза горят, словно ярко-красные угольки, пылая обжигающим потусторонним светом. Но

и я сама не в силах отвести от него взгляд. Он словно гипнотизирует меня, подавляет волю, выкручивает сознание. Огонь его очей, прожигает мою душу насквозь, будто ставит на ней клеймо, невидимый отпечаток, жар которого я чувствую глубоко в сердце.

Только вот где-то там лежит совершенно беспомощный несчастный мужчина, который точно не может защититься от хищника, и я невероятным усилием разрываю эту странную связь между мной и зверем, который все так же продолжает буравить меня нечитаемым взором, пугая и завораживая одновременно.

Пристально до рези в глазах всматриваюсь в конец пещеры, где еще каких-нибудь минут десять назад безмятежно спал мой пациент, но на полу никого нет. Лишь валяются окровавленные тряпки и порванная некогда белая рубашка. Мой взгляд испуганно мечется по небольшому пространству убежища в поисках больного и не находит его. Совсем. Даже мертвого изувеченного волком тела, коим он мне на миг представился в мыслях. Куда же он подевался? И откуда появился волк?

По позвоночнику пробегают мурашки. И, внезапно, приходит четкое осознание, заставившее волосы на загривке встать дыбом, – это не просто волк.

– Вета, – испуганно хрипит где-то рядом Николай. – Осторожно иди к нам, и не провоцируй его. Я знаю, что делать.

Вздрагиваю, слыша ненавистный голос, и остаюсь стоять на месте. Еще не известно кто из них опаснее.

Животное, одарив меня напоследок странным взглядом, поворачивается к моим обидчикам и задирает верхнюю губу, показывая длинные острые клыки. Из его горла снова звучит глухое, угрожающее рычание.

Собаки, сорвав поводки, с диким визгом кидаются врассыпную, свалив Сергея на землю. Он, тихо скуля, тоже старается побыстрее ретироваться, отползая под защиту окружающих пещеру кустов.

Николай и его приспешники, чуть струхнув, синхронно делают шаг назад, но в руках одного из них – того, кого я не знаю, как звать – появляется пистолет. Звучит оглушающий выстрел и злобный раздраженный рык. А затем животное делает размашистый прыжок. И я слышу, как кто-то надрывно кричит.

Что происходит дальше мне совершенно не видно, сознание накрывает спасительная, мягкая, словно фланель, темнота. Я медленно оседаю на пол, чувствуя слабость во всем теле, и впервые в жизни падаю в обморок.

– Что же ты наделала, глупая? – словно сквозь вату доносится до меня знакомый голос.

Медленно приподнимаю ресницы и вижу перед собой лицо спасенного мной мужчины. Значит, он не пропал?

– Теперь нашу связь не в силах разорвать даже боги, – недовольно хмурит брови он.

Я хочу сказать что-то в ответ, возразить, возмутится, но слабость теплой волной разливается по всему телу, а онемевшие губы не желают слушаться. Голова становится тяжелой, неподъемной и безвольно запрокидывается назад. Я еще успеваю почувствовать под своими лопатками и коленями, обжигаяще горячие руки, которые настолько легко подхватывают меня с земли, словно я вещь не больше перышка, а затем будто проваливаюсь в глубокий омут.

Глава 11

Райнхард

Девчонка свалилась в обморок. Просто так. От одного моего вида. Надо же. Резала меня по живому, выпускала яд и даже не пикнула, а тут...

Пристально разглядываю свою спасительницу, и только сейчас замечаю, насколько уставшей и истощенной выглядит она сама. И как я раньше этого не увидел? Впрочем, если задуматься, то ничего удивительного. Яд в крови, который меня постепенно убивал и блокировал переворот, путал сознание и вызывал видения. В первый момент я и ее воспринял, как часть того бреда, который видел, сгорая в лихорадке. Но призрачные девы не должны так жалобно всхлипывать, не должны хромать и испуганно дергаться на каждый шорох. А потом мне было все равно. Как только пришло понимание, что это обычный человек, сразу же появилась мысль, как ее использовать в собственных целях, даже не особо надеясь на результат.

Но малышка справилась, и справилась отлично. С ядом. Жизнь она мне вернула, зато забрала душу. Откуда мне было знать, что эта особа умудрится пораниться и смешать нашу кровь. Из-за болезненного состояния я даже не почувствовал этого, иначе точно бы принял хоть какие-то меры. А сейчас уже поздно. Ее кровь глубоко вошла в мое тело, впиталась в сердце и навеки запечатлелась там. Не вырвать, разве что с душой. И теперь та, чье имя я даже не знаю, стала самой большой моей слабостью. Единственной слабостью.

Инстинкты разыграли, когда ей начала угрожать опасность. Первым проснулся мой зверь и сразу же признал в ней пару. Хотелось рвать в клочья всех, кто посмел угрожать его самке, смести их с лица земли, стереть в пыль, но вначале причинить боль в десятки раз сильнее, чем пришлось испытать ей. Нет не в десятки, в сотни, в тысячи. А потом прижаться к ее ногам, уткнуться носом в колени и, наконец, получить блаженное спокойствие только от одного движения ее руки, ласково перебирающей шерсть за ушами.

Обуздывать звериную сущность пришлось долго, она бесновалась, словно не часть меня, а отдельная незнакомая личность. А теперь, когда я пришел в себя, беспощадно расправившись с мразями, посмевшими посягнуть на мое, и девочка безвольно обвисла у меня на руках, я не знаю, что делать. Оставить ее тут? От одной этой мысли, зверь в душе угрожающе рычит. К тому же, я не знаю единственные ли это недоноски, от которых ей может угрожать опасность. А забрать с собой. Во дворец? В этот гадюшник, который я, приняв должность верховного канцлера, лишь месяц назад начал очищать, за что и, собственно, поплатился? Но там она хотя бы будет под присмотром. Моим присмотром. О том, что мы с ней связаны, уж точно никому не стоит знать, разве что старому королю. Но он на моей стороне. Запру ее в покоях для ее же безопасности, а когда уничтожу всех своих врагов, тогда и подумаю, что с ней делать. Значит, решено. Отправляемся в Эрдлих. Меня там заждались.

Подхватываю девчонку на руки, с удивлением ощущая, насколько легкой она оказывается, как выпирают острые косточки лопаток, как чувствуются под рукой хрупкие бусины позвонков. Надо не забыть позвать к ней королевского лекаря. Я умею быть благодарным.

Длинные пряди каштановых волос шелковистой волной спадают чуть ли не до самой земли, открывая беззащитную шею, на которой под белой прозрачной кожей бьется голубоватая венка. Взгляд просто прикипает к этому видению, а по телу прокатывается жаркая волна желания. Неимоверным усилием воли подавляю животные инстинкты, и отбрасываю неуместные сейчас чувства. Высшие оборотни не идут на поводу у своих зверей, а пользуются лишь холодным рассудком.

Активизирую портал, с удовольствием замечая, как рябит пространство от влитой в разрыв силы, и ступаю в мерцающее марево.

Глава 12

Всего один шаг, и добро пожаловать в Эрдлих. За спиной схлопывается переход, и я чувствую, что брешь в материи мира постепенно перестает высасывать из меня магическую энергию, сшивая кромки разрыва. Вот я и дома. Ну, почти.

Местом прибытия ради конспирации пришлось выбрать личные покои его величества Орэля Карлинга. И теперь дядя с изумлением взирает на меня, так и не донеся до губ кубок с подогретым вином. Листы документов, которые он, видимо, просматривал перед сном в своей собственной гостиной, вываливаются из ослабевших пальцев.

– Рейнхард, где ты был? И почему ты в таком виде? – восклицает он, прижимая руку к груди в том месте, где бьется сердце. – Мы тут с ног сбились, ища тебя. Бедная Кларисса безутешна. А он... он развратничает на стороне!

Кустистые седые брови короля с неммым упреком поднимаются вверх.

– Мне нужен врач. Вызови Дитриха! Только тайно... И я все тебе расскажу, – отрывисто произношу и шагаю к небольшой софе, чтобы уложить на нее девушку.

Она до сих пор не пришла в себя и это мне откровенно не нравится, слишком уж долго длится обморок.

– Да мне и самому он, чувствую, нужен, – хрипит где-то за спиной дядя.

По правде сказать, король Орэль мне никакой не дядя, так дальний родственник – седьмая вода на киселе. Но именно он занимался моим воспитанием и учебой, пророча большое будущее. Именно он готовил меня к должности верховного канцлера, а затем отправил в дальнюю провинцию бургомистром. Сыновьями монаршую пару боги не наградили, подарив трех дочерей, видимо, посему ко мне он всегда относился, как к собственному ребенку.

– Где Кларисса? – задаю терзающий меня вопрос. Во что бы то ни стало нужно найти любовницу... бывшую любовницу.

– В загородном поместье. Удалилась, дабы в одиночестве пережить горе твоего исчезновения, – хмыкает дядя, ни капли не веря в страдания женщины.

Мы оба прекрасно понимаем, что очаровательной графине Бульштейн от меня нужны лишь деньги и положение, и ни о каких чувствах даже речи быть не может. Тем не менее, она меня полностью устраивала, ибо была в меру умна и очаровательна, и не задавала лишних вопросов, но не больше. Кто же знал, что дамочка пойдет на предательство...

Очень любопытно... Удалилась, значит.

– Прикажи стражникам ее доставить во дворец, – тихо рычу, едва сдерживая гнев

– Тоже тайно? – криво улыбается его величество

Молча киваю и присаживаюсь в кресло, возле девушки. Инстинкты не дают отлучиться от нее даже на полметра. Сейчас, в этой битве, я проигрываю, вернее, позволяю себе проиграть, отдавая верховенство волку. Пускай. Все равно мне необходимо знать, что с ней.

А пока мы ждем Дитриха, я не спеша, рассказываю дяде о том, как несравненная Кларисса, услышав сплетни о моей мнимой женитьбе на младшей принцессе, в порыве ревности пырнула меня ножом в моих же собственных покаях.

– Кларисса? Тебя? – недоверчиво щурится монарх.

– Кларисса всего лишь слепое орудие в руке более умелого игрока, – пожимаю плечами, относясь философски к ее проступку. Если б не любовница, был бы кто-то другой. Так какая, к черту, разница? – Кинжал был серебряным и смазан настойкой сальнита. Она бы до такого сама не додумалась, да и нет у нее доступа к таким веществам. И амулет переноса тот же... Да еще и в мир без магии, где я бы загнулся в течение нескольких дней. Это все явно придумал кто-то другой.

– А ты что же? Я вижу, жив и относительно здоров, – растирает грудь ладонью король. Видно и вправду сердце ныть начинает. – А может, раз уже все равно болтают, примешь мое предложение и женишься на Николь?

– Нет, – качаю головой, и кидаю обеспокоенный взгляд на все еще не пришедшую в сознание девушку. – Теперь уже точно нет.

Приходится обеспокоенному дяде поведать о моих мытарствах в мире под названием Земля, естественно, смягчая некоторые нюансы – ни к чему волновать старого больного оборотня – и о своей спасительнице, которая по глупости и незнанию стала для меня запечатленной.

– Ее нужно спрятать, – выносит вердикт монарх.

– А я о чем, – выразительно поднимаю брови. – Жениться и заводить семью я не намерен. Но достать меня через нее могут в два счета. А ты сам знаешь, чем чревата смерть запечатленной для ее пары.

Его величество тихо вздыхает, прекрасно понимая, о чем я. Сумасшедший канцлер не нужен никому. Мы только-только начали очищать государственный аппарат от всей гнили и швали, которая там накопилась, за эти все годы.

– Ваше величество, можно, – в дверь монаршей гостиной осторожно просовывается голова Дитриха. – Вам плохо?

– Заходи-заходи старый друг. Да плохо. Дай чего-нибудь от сердца, – стонет дядя так натурально, словно и правда при смерти.

Лекарь, проскальзывает в покои, прижимая к груди свой неизменный кожаный саквояж с лекарствами, и только тогда замечает меня в углу и девушку на софе.

– Но сперва осмотри эту милую фройляйн. Она уже минут десять не приходит в себя, – машет рукой в нашу сторону хитрый пациент.

Глаза Дитриха широко открываются, и пенсне тут же соскальзывает с носа, оставаясь болтаться на тоненькой цепочке.

– Герр канцлер, вы же пропали? – удивленно шепчет он.

– Как видишь, нашелся, – тихо хмыкаю в ответ.

Глава 13

Цветана

Едкий неприятный запах заставляет широко распахнуть глаза. Тусклый свет заливает странную, отделанную под старину, комнату, а надо мной стоят, склонившись, двое незнакомых мужчин. Испуганный крик застревает в горле, я лишь могу беззвучно открывать и закрывать рот, ни в силах выдать и звука. Горло дерет будто наждачкой, и воздух вдыхается с сиплым некрасивым шумом. Но рука сама собой вздрагивает, замахиваясь в ударе. Только сделать ничего я не успеваю, ибо внезапно ощущаю на запястье чьи-то теплые пальцы, которые деликатно, но достаточно твердо сдерживают мой инстинктивный порыв защититься от чужих людей. От этого прикосновения по телу пробегают мурашки, а обнаженная кожа на плечах и предплечьях покрывается пупырышками, словно жест схватившего меня имеет какой-то интимный подтекст.

– Тихо, девочка, тихо, – кто-то сидящий у изголовья второй рукой принимается ласково гладить меня по волосам, успокаивая и умиротворяя. Ладонь медленно скользит по спутанным прядям, вторая продолжает удерживать руки.

Запрокидываю голову, и встречаюсь глазами со своим давешним пациентом, который, если конечно это мне не привиделось в бреду, несколько минут назад превратился в волка и безжалостно расправился с Николаем и его компанией. Хотя, скорее всего так и привиделось. Люди не превращаются в животных, это просто невозможно.

Впрочем, паника и без сказочных видений нарастает, будто снежный ком. Я чувствую, как от страха начинает часто-часто биться мое сердце, словно пытается выпрыгнуть из груди, а дыхание учащается.

– Где я? Кто вы? – испуганно спрашиваю, прорываясь встать. Осознание того, что я за такой короткий промежуток времени умудрилась как-то попасть в эту комнату, заставляет кожу покрыться холодным потом. Или еще хуже – вдруг я была без сознания настолько долго, что меня успели куда-то вывезти. Как теперь вернуться домой?

Мужчина у изголовья мягко удерживает меня в лежащем положении, а один из тех старичков, которые разглядывали меня вначале, поднимает на него глаза и что-то говорит на иностранном языке. По-моему немецком... От ужаса начинает кружиться голова – мало того, что я с незнакомцами, они еще и чужестранцы. Что они со мной собираются делать? Вдруг это друзья Николая, которым он меня обещал?

Снова пытаюсь встать, и снова меня настойчиво водворяют на место.

– Не бойтесь фройляйн, – говорит мне второй, с круглыми стеклышками, закрепленными на носу. – Вы в безопасности. Лежите спокойно. Я сейчас закончу осмотр и залечу вашу ногу, а тогда сможете встать. Но я все равно не рекомендовал бы вам делать это. Ваш организм пережил серьезный стресс, и лучше несколько дней провести в постели, тем более учитывая, что вы обычный человек.

В его речи встречаются неизвестные мне слова, но половину из сказанного я все же понимаю, отлично зная немецкий.

Снова запрокидываю голову и требовательно спрашиваю у единственного знакомого мне тут человека. Или не человека, раз я «тем более»... Хотя я вполне могла не правильно понять сказанное. Их немецкий звучит странно, словно какой-то диалект, а не привычная речь граждан Германии.

– Где я? Это вы меня сюда привезли? Зачем?

В черных глазах мужчины вспыхивает недовольство, которое тут же гаснет, хотя рука все так же продолжает методично поглаживать меня по волосам, ни разу не сбившись с темпа.

– У меня дома, – хрипло отвечает он. – В безопасности. Они тебя больше не тронут...

“Они, может, и не тронут, а вы?” – так и вертится на языке вопрос, но я прикусываю его и спрашиваю совершенно другой.

– Когда я могу попасть к себе домой? – делаю акцент на последних словах. Раз мне больше ничего не угрожает, то можно подумать о других вопросах, более насущных и прозаичных. Во-первых, я пропустила учебу, теперь придется отрабатывать, а во-вторых – работу, при чем, не предупредив начальство. За такое и выгнать могут, и за что я тогда буду жить? Мизерная стипендия уходит на оплату общежития и кое-какие растраты по учебе. Но мне же и есть

что-то нужно, и соседке в селе какую-то копейку отстегнуть, не просто же она приглядывает за бабушкиным домом, и одеваться во что-то.

Мужчина открывает рот, чтобы мне ответить, но его перебивает старичок в очках.

– Рейнхард, не так сразу! Она еще слишком слаба, припадок может повториться! – качает головой, судя по всему, врач.

Чудно, теперь я хоть знаю, как зовут моего пациента, но... Слова пожилого мужчины меня откровенно пугают.

– Зачем тянуть, Дитрих? Ты полагаешь, ей будет легче, если она узнает об этом через день или два? Сомневаюсь, – отрезает Рейнхард и переводит взгляд на меня. Плохое предчувствие ледяной рукой сжимает сердце. Почему-то уже не так хочется знать ответ на свой вопрос, почему-то, кажется, я и так уже его знаю... – Никогда!

Глава 14

Внутри что-то обрывается, и на миг перехватывает дыхание – “Как никогда? Почему никогда? Что вообще тут происходит?”

– Ну вот, фройляйн, ваша лодыжка уже в порядке, – между тем, как ни в чем не бывало, произносит врач. – Осталось еще залечить мелкие порезы и ссадины и немного подпитать организм, слишком уж вы его нагружали в последнее время... Но настоятельно советую вам хотя бы день на ногу не опираться, а лучше вообще провести его в постели. Люди слишком хрупкие создания.

Резко вырываюсь из захвата и сажусь на лежанке. Голова тут же начинает кружиться, а перед глазами расплывается оранжевые пятна. Хватаюсь рукой за спинку софы и прикрываю веки, ожидая, когда неприятные ощущения прекратятся. Во мне сейчас словно ломается что-то, надрывается. А взамен рождается темное, злое, нехорошее...

Я всегда была доброй девочкой, сострадательной, тихой, готовой в любой момент прийти на помощь. Слушалась бабушку, верила Сергею, заглядывала ему чуть ли не в рот, наделяя теми добродетелями, которыми он отродясь не обладал. Но теперь... Когда меня предали... продали... чуть ли не надругались... А потом... потом я еще и спасти этого умирающего лебедя кинулась. И что в ответ? Он меня куда-то утащил, и говорит теперь, как ни в чем не бывало, что назад дороги нет! Какое он право имеет решать за меня? Я не вещь. Не трофей. Я свободный человек.

От непреодолимого возмущения, переполняющего мою душу, в голове проясняется, как по мановению волшебной палочки, и я подозрительно прищурившись, поворачиваюсь к Рейнхарду... или как там его...

– Что означает “никогда”? – с нажимом произношу я.

– То и означает? – хмыкает он в ответ. – Я решил, что тут тебе будет безопаснее. С теми мразями, которые за тобой пришли, я разобрался... больше они ни тебя, ни кого-нибудь другого обидеть не смогут. Но ваш мир такой неприятный, непонятный и... в общем, не место тебе там!

В первую секунду возмущение настолько захлестывает меня, что я даже слова вымолвить не могу, лишь глазами хлопаю. Он решил? Решил!

– Да кто вы такой, чтобы решать? – едва сдерживаюсь я, опешив от таких заявлений. Очень хочется, ну прям невыносимо, заскрежетать зубами в бессилии. Но я держу себя в руках. Дышу, считаю про себя до десяти и держу... – Вы не имеете права распоряжаться моей жизнью.

– С недавних пор имею, – невозмутимо заявляет он, откидываясь на спинку кресла. – И это право ты дала мне сама.

Последняя фраза звучит настолько многозначительно, что я в недоумении вскидываю брови. Когда это я умудрилась такое проверить? Я пока на память не жалуясь, и, несмотря на обморок, четко помню, что мы с ним лишь несколькими фразами перекинулись во время операции, не больше... Обмануть меня задумал? Не удастся! Я уже научена горьким опытом

– Я вам ничего не давала, – уже более спокойным тоном произношу. С такими можно лишь только так говорить – выдержано, рассудительно, не впадая в эмоции... – Не надо мне лгать.

Но потом до меня доходят и другие его слова... Странные. Непонятные. Пугающие.

– В каком смысле – “ваш мир”? Он что не ваш мир? – едва слышно спрашиваю.

Боже мой! А вдруг он болен? У него расстройство психики? Вдруг мы оба сейчас в учреждении для душевнобольных?

– В прямом, – сверкает глазами Рейнхард. – Твой мир – не мой. Ты с Земли. Я с Эрдлиха. Мы все с Эрдлиха, – обводит он рукой остальных присутствующих тут, о которых я уже успела забыть. – Более того, ты теперь тоже на Эрдлихе. Поэтому-то для тебя домой дорога закрыта.

Я обвожу глазами комнату, в которой нахожусь. Такую необыкновенную, непривычную. Немного вычурную и обставленную антикварной мебелью, которую я только видела на фотографиях и в картинках. Смотрю на старичков, которые в ответ неловко отводят взгляд. Один одет в старомодный костюм черного цвета, второй в атласный домашний халат с причудливыми узорами.

Я понимаю, что все можно подстроить, все можно сыграть, нанять актеров, сделать декорации... Но где-то глубоко в душе уже знаю, что

они не врут. И все, что меня окружает настоящее, всамделишнее. Я по-настоящему в другом мире.

– Я совсем не могу вернуться домой? – шокировано шепчу, чувствуя, как накрывает меня глухой беспросветной тоской. Неужели надежды нет? Совсем... Никакой...

– Не можешь, – качает головой Рейнхард, и в его глазах мелькает едва заметное сочувствие. – Но даже если бы могла, я все равно бы тебя не отпустил.

Эти слова, словно шелковая удавка стягивают горло, душат, не позволяют сделать вдох. Все было напрасно. Я спаслась от одних мерзавцев, чтобы попасть в руки к другим. Наивная, доверчивая дура. Вот кто я.

– Жалеешь, что меня спасла? – криво улыбается мужчина, показывая белые, чуть удлиненные острые клыки.

– Нет, – тихо отвечаю, опуская взгляд. – Любая жизнь стоит, чтоб ее спасали.

Любая, и его в том числе... Но я все равно не могу смириться со своим положением. Хотя, ему об этом знать не обязательно.

Глава 15

Позволяю себя снова уложить на софу, пока лекарь водит над моим телом руками, напоминая тех магов-шарлатанов, которых показывают по телевизору. Но у этого нет ни зеркал, ни ящиков с двойным дном. Он просто проводит надо мной ладонями, из которых исходит приятное умиротворяющее тепло, останавливаясь в местах, где повреждена кожа.

Мне хочется ущипнуть себя, и побольнее, чтобы убедиться, что это не сон, но такие жертвы ни к чему. Лодыжка ныла, не прекращая, и я прекрасно чувствовала боль, которой теперь нет. Можно было бы списать эффект на незаметно примененное ко мне обезболивающее, но, как объяснить затягивающиеся на моих глазах мелкие порезы?

Значит, они еще и маги. Час от часу не легче. Как от таких спастись?оборотни и маги...

В то, что мне в бреду привиделся волк в пещере, я уже не верю. Тем более, когда не единожды намекалось, что я простой хрупкий человек, сложить дважды два не составляет труда. Они, выходит, не человеки.

Мне не остается ничего другого, как тихо лежать, прислушиваясь к ощущениям, и думать, что делать дальше. Надеюсь, оборотни мысли читать не умеют... Что удивительно, но Рейнхард, несмотря на нашу перепалку, снова принимается поглаживать меня по голове. Разум твердит избегать таких вот прикосновений, но мне, почему-то совсем не хочется двигаться. Мысли, доселе испуганными чайками метавшиеся в голове, успокаиваются и мягко оседают, раскладываясь по полочкам. Сейчас я все равно ничего не могу поделать. Нужно прийти в себя, набраться сил, узнать побольше об этом мире, а потом уже думать, как вернуться обратно.

– Ну вот, вы почти здоровы, – с довольным видом сверкает глазами врач. – Я вам еще настойку укрепляющую выпишу, попейте ее с недельку, и будете, как новенькая.

Рассеянно киваю, и с удивленно распахиваю глаза, когда Рейнхард, поднявшись со своего места, подхватывает меня на руки.

– Дядя, мы воспользуемся тайной галереей? Не хочу, чтоб ее кто-нибудь видел.

Щеки опалает жаром, и я опускаю ресницы, не в силах выдержать взгляд которым меня награждают. Как тут не догадаться, что меня стесняются. Не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы заметить их высокое положение, – кто дядя, я пока не знаю, но Рейнхард канцлер, а канцлер, если мне не изменяет память, – глава исполнительной власти в стране. Я же никчемная замарашка, которую второе лицо после короля, единолично таскает на руках. Не приведи господи, кто-нибудь уличит его в таком постыдном занятии. Да и как тут не прятать такое “сокровище”, то бишь, меня, – грязную, оборванную, неряшливую. Но до чего же обидно.

– Да, конечно, – кивает старичок в атласном халате. – Я пока письмо напишу главе безопасности, чтоб Клариссу тайно доставили департамент. Ты в желтых покоях хочешь ее поселить? – последнее предложение, видимо, относится ко мне, а не к загадочной Клариссе.

Рейнхард коротко кивает, и крепко прижав меня к груди, подходит к книжному шкафу, дергает один из томиков, и стеллаж тихо отъезжает в сторону, а за ним открывается освещенный фонариками проход.

– Рейнхард, а как же тебя осмотреть? – кричит ему в спину врач.

Мужчина слегка раздраженно дергает плечом и чуть резковато отвечает:

– Не нужно! Меня уже она полечила!

Последнее слово он выделяет как-то особенно, словно вкладывает в него немного другой смысл, нежели все привыкли. А затем переступает порог и книжная полка за нашими спинами мягко становится на место.

– Отпустите меня, – упираюсь ладонями в грудь мужчины, пытаюсь, отстраниться. Раз ему так неловко меня всем демонстрировать, то и на руках, значит, неприятно носить.

– Ты не слышала, что сказал Дитрих? Тебе нельзя нагружать ногу. Хочешь всю жизнь хромать? – тихо ворчит он, прижимая меня к себе еще сильнее. – Как, кстати, тебя зовут.

– Цветана... Вета... – тихо отвечаю, пряча взгляд.

В груди от нашей близости, просыпается какое-то странное, невероятное чувство. Его сердце бьется под моей ладонью гулко и сильно, как огромный молот о наковальню, но и мое, маленькое и

хрупкое, внезапно начинает подстраиваться под этот сильный и звучный ритм. Дыханье щекочущим перышком замирает в груди, вызывая будоражащую дрожь, которая стремительной волной накрывает тело. Ноздри Рейнхарда хищно раздуваются, словно он к чему-то принюхивается, а во взгляде загорается самое настоящее пламя.

– Вета, – рокочуще повторяет он мое имя, перекачивая в горле, пробуя на вкус.

Я взволнованно сглатываю, не в силах отвести взгляд от его пылающих черных очей. По телу бегут колючие мурашки, а рука, лежащая у него на груди, словно наливается жаром.

– Мы пришли, Вета, – хрипло говорит он, наконец, разрывая зрительный контакт.

Я шумно выдыхаю, чувствуя одновременно и сожаление и облегчение. Что это сейчас было?

Что-то нажав и открыв похожий, как у его дяди, переход, Рейнхард стремительно переступает порог и пересекает залитую лунным светом комнату. Судя по всему, он либо безошибочно знает куда идет, либо отлично видит в темноте. Для меня же все слилось в какое-то темное пятно.

– Я помогу тебе принять ванну, – заявляет внезапно он, распахивая дверь небольшой комнатки и чем-то щелкая над головой. Она тут же заполняется светом, я и вижу перед собой вполне современный санузел с огромной ванной, снежно-белой раковиной, большущим зеркалом во всю стену и шкафчиками для гигиенических принадлежностей. На небольшой тумбе лежат сложенные горкой пушистые полотенца.

– Что-о-о? – широко распахиваю глаза, испуганно пытаюсь вырваться. – Вы-вы-вы! Вы что собираетесь делать?

Я даже заикаться начинаю от возмущения, снова краснея, как маков цвет.

– Вета, я не могу сейчас, посреди ночи, найти тебе верную и молчаливую служанку, которая бы не болтала налево и направо, о том, что тут происходит, – спокойно произносит он, сажая меня на тумбу. – Но сама ты не справишься.

Глава 16

Обида вгрызается в сердце ядовитыми зубами. Ах, он еще и беспомощной неумехой меня считает?

– До этого дня справлялась, – фыркаю в ответ, стараясь отодвинуться от него как можно дальше. Надо же, а ведь я его еще и привлекательным считала. Как легко внешняя красота искажается, когда берешь во внимание характер и душевные качества человека... или оборотня.

– Справлялась? – поднимает брови он. – Ну, справляйся! Вперед! По губам Рейнхарда скользит саркастическая улыбка.

Я кидаю взгляд на кран, вернее на краны, над ванной, и понимаю, что ничего не понимаю. Ручек, рычагов или других приспособлений, чтоб пустить воду, нет совсем. Просто гладкие хромированные трубы, которые, фигурно изогнувшись, входят в покрытую белой плиткой стену.

Перевожу беспомощный взгляд обратно на мужчину, чувствуя неловкость и стыд.

Рейнхард, к слову, никак не комментируя мой молчаливый призыв, подходит к кранам, и, проводя рукой от стены к краю, пускает воду.

– В правом горячая, в левом холодная, – тихо объясняет он. – Чтобы выключить, передвигаешь тумблер в обратную сторону.

Приглядевшись, я и, правда, замечаю небольшую полоску более светлого металла на поверхности трубы.

– Спасибо... – едва слышно шепчу, не зная, куда себя деть от стыда. Я глупая себе напридумывала, а оно вот как оказалось.

– Вета, – чуть смягчив тон, подходит он и ставит руки по обе стороны от меня на тумбу. – Вспомни, что сказал врач – тебе нельзя опираться на ногу. Я просто перенесу тебя в ванну и вытащу оттуда. Возможно, помогу промыть волосы, они у тебя слишком запутанные и, извини за выражение, грязные. К тому же сейчас комната наполнится влажным паром и тебе может стать плохо, ты же недавно сознание

теряла. Так что давай, засовывай свою скромность поглубже и раздевайся!

Честно, я уже готова была ему простить все, но, услышав последние слова, снова вспыхиваю.

– Я не буду при тебе раздеваться! – громко восклицаю, заливаясь краской.

Ну, как так можно? Боже мой, так стыдно, так неловко! А вдруг он меня сейчас силой раздевать начнет, как тогда отбиться?

– Ты предпочитаешь, чтоб я тебя в одежде засунул в воду. Это так принято у землян? – едко замечает мужчина и тянет руки к бретелькам на моих плечах. – Ладно. Некогда мне тут с тобой возится. Я тоже устал, хочу отдохнуть. Будешь скромничать потом, чистой, вымытой и под одеялом.

Ошалело хлопаю его по ладоням и откидываюсь назад. Тумба, пошатнувшись от нашей возни, заваливается на бок. Я, пискнув от испуга, сама цепляюсь за предплечье Рейнхарда, а он, воспользовавшись моментом, хватает одной рукой меня за талию, а другой разрывает сарафан от ворота и до пояса.

Тихо всхлипываю, дрожа от страха. На глазах выступают слезы обиды и унижения. Одежда слетает с меня, как осенние листья с деревьев, и лужицей падает у ног.

Мужчина перехватывает меня под коленки и опускает в уже почти полную ванну.

– С бельем, надеюсь, сама справишься, – цедит он сквозь зубы, обдавая меня жгучим взглядом, от которого я начинаю дрожать еще больше.

Складываю руки на груди, прикрывая обнаженное тело, и легонько киваю, икнув от страха.

– И запомни, Вета, я не насильник и мелкие девочки вроде тебя, которые выглядят более похожими на подростка, чем на взрослую женщину, меня не интересуют, – эти слова почему-то вместо того, чтобы меня успокоить, обижают еще сильнее.

Опускаю голову еще ниже, чтобы не видеть его лица.

– Шампуни там, – доносится до меня. – Выбирай любой на свой вкус. Когда нужно будет промыть и сполоснуть волосы, зови. Я пока позабочусь об ужине. Лично я голоден, уверен, ты тоже.

Дверь, тихо скрипнув, прикрывается, но я краем глаза замечаю небольшую щель между косяком и створкой. Все-таки Рейнхард был прав, в ванной, наполнившейся паром, становится тяжело дышать, и от этого немного кружится голова, а через проем хотя бы воздух свежий заходит.

Немного успокаиваюсь и, выключив воду, откидываюсь на пологий бортик со специальным углублением для головы. За стеной слышатся беспокойные шаги – почему-то в голове возникает картинка, как мужчина нервно ходит от стены до стены, наматывая круги – затем тихий незнакомый голос, едва слышный короткий ответ Рейна и снова звуки шагов.

Уже полностью освоившись, стягиваю белье, решив быстренько простирнуть в раковине, использовав один из предложенных шампуней, а, развесив уже чистый предмет одежды в укромном уголке на теплой трубе, и сама принимаюсь намыливаться.

Пена пахнет нежно и приятно, по-моему, лавандой, если в этом мире она растет. Я с наслаждением избавляюсь от грязи, скребя кожу чуть ли не до красноты. Кажется, что запах болота, травы, глины, крови въелся намертво не только в ткань платья, которое теперь можно выкинуть, но и в волосы, тело, забился в легкие, мешая ощущать другие ароматы.

Голову тоже намыливаю и промываю сама, нечего мне помогать в таких интимных делах. А когда уже во второй раз споласкиваю влажную копну волос, дверь тихо отворяется.

– Вета, все в порядке?

Я, не ожидая визитера, тихо вскрикиваю и, скользнув по гладкому дну, иду под воду.

Глава 17

Меня тут же подхватывают под мышки и сажают обратно, придерживая за спину.

– Вот видишь, – буравит острым взглядом Рейнхард, старательно отводя глаза от того, что пониже шеи. – Будь аккуратнее!

Послушно киваю, глотая ртом воздух. На ресницы налипла пышная пена и проморгаться никак не получается. Но она, как это не удивительно, ни капли не щиплет, совсем как детский шампунь. Поднимаю ладони, чтобы вытереть глаза, но делаю только хуже, добавляя новые и новые комочки вспенившегося шампуня.

– Тихо-тихо, давай я, – едва слышно произносит мужчина, и до моего лица дотрагиваются теплые, чуть шершавые ладони. Они ласково проводят подушечками пальцев по закрытым векам, щекам, носу, обводят контур губ... Все внутри скручивается в тугий узел, посылающий пульсирующие волны к низу живота. Невольно сжимаю бедра и глубоко вдыхаю наполненный паром и ароматами мыла воздух.

– Вот и все, – слышится хриплый шепот, от которого по коже пробегают табуны мурашек.

Распахиваю ресницы и встречаюсь взглядом с потемневшими глазами Рейнхарда. Его руки продолжают лежать на моих щеках, а сам мужчина настолько близко, что ощущается его теплое дыхание. Губы начинают покалывать от напряжения и непонятного желания.

Я прекрасно понимаю, что сейчас чувствует мое тело, не настолько я невинна, но меня обескураживают эти самые чувства, и пугают. Я за пять лет отношений с Сергеем такого не ощущала, потому-то и оттягивала с интимной близостью, вызывая недовольство мужчины. А тут, к незнакомому человеку! Это неправильно... нелогично...

Вырываюсь из захвата и отодвигаюсь подальше, в этот раз опасаясь не мужчины, а себя.

– Повернись спиной, – приказывает все так же хрипло Рейнхард. – Я помогу прополоскать волосы чистой водой, они все в мыле. И тебе кхм... лучше встать... они слишком длинные.

– Нет... я не могу, – качаю головой, хоть и поворачиваюсь, как он просит

– Клянусь, я не обижу тебя. И смотреть не буду... – мягко убеждает меня мужчина. – Главное держись за мою руку и ногу не напрягай. Это нужно, Вета, ты же понимаешь. Я постараюсь быстро.

И прежде, чем я успеваю что-то понять, он, чуть повозившись, чем-то щелкает, и вода в ванне начинает стремительно убывать, не оставляя мне выбора. Опускаю голову и позволяю себя поднять, оставаясь все также спиной к нему. А на макушку и спину мне начинает литься приятная теплая вода. Краем глаза я замечаю прозрачный стеклянный ковш в правой руке Рейна, левую он выставляет вперед, так, чтоб я могла за нее крепко ухватиться и дотрагиваться до дна лишь кончиками пальцев больной ноги. Смущение и неловкость смешиваются в душе в какой-то сумбурный коктейль эмоций, я едва могу дышать от стыда, хоть длинные волосы почти полностью прикрывают все самые сокровенные места.

– Вот и все, правда же не страшно, – ставит он на тумбочку ковш, а на плечи мне опускается одно из огромных пушистых полотенец. – Еще минутку я помучаю твою невинную натуру и все.

Завернув как куклу, он снова подхватывает меня на руки и несет в комнату. А там, усадив на кровать и указав на разложенный на покрывале халат, говорит:

– Можешь надеть его. Я пока тоже схожу в ванную.

С этими словами он оставляет меня в одиночестве и исчезает за дверью санузла, а, спустя несколько секунд, до меня доносится шум воды. Только тогда я позволяю себе расслабиться и тщательно вытереться полотенцем, чтоб сразу же накинуть одежду. Затем принимаюсь сушить волосы, промакивая влажные пряди им же, второе для головы мы забыли взять, но не буду же я сейчас туда идти по него.

И пока вожусь со своей шевелюрой, с любопытством рассматриваю комнату. Она большая, даже огромная – стены обиты тканью нежного желтого цвета, над кроватью такой же балдахин, на окнах золотистые шторы и снежно-белая мебель, только картины на стенах разбавляют этот чудный монохром. Открытые двойные двери показывают часть не менее огромной гостиной. Со своего места я прекрасно вижу круглый стол у окна и поднос с крышкой, под которой, судя по всему, и есть ужин.

В животе начинает громко урчать. От пельменей, съеденных бог знает сколько времени назад, уже давным-давно остались одни воспоминания. Интересно, Рейнхард долго будет там плескаться? Сама я вряд ли отважусь приступить к еде, но голод буквально скручивает желудок в бараний рог, а воистину потрясающие запахи, доносящиеся из соседней комнаты, будоражат мое гастрономическое воображение. Я легко улавливаю ароматы свежее испеченных булочек, плавленого сыра, бекона... Рот мгновенно наполняется слюной. Ох, ну до чего же он долго!

И когда, наконец, дверь, скрипнув, отворяется и на пороге возникает Рейнхард, я уже ни о чем, кроме пищи и думать не могу, хотя и отмечаю краем глаза, как красиво облепляет тонкая ткань атласного черного халата его рельефные плечи, а влажные волосы, спускающиеся чуть ниже затылка, завиваются упругими колечками.

– Ну, как ты себя чувствуешь, – интересуется мужчина, лукаво блестя глазами.

– Голодной, – вырывается у меня, и я отчаянно краснею.

Глава 18

Оборотень тихо хмыкает и, чуть взмахнув рукой, указывает в сторону накрытого стола.

– Тогда, милости прошу! – его губы подрагивают в едва скрываемой усмешке. – Я тоже не прочь подкрепиться. Голоден, как волк.

Снежно белые зубы сверкают в оскале, и в глаза сразу бросаются острые клыки.

Нервно сглатываю и, соскользнув с кровати, аккуратно ступаю на пол, чуть поджимая под себя ногу.

– Я сама, – предупреждаяще выставляю ладонь, когда канцлер шагает ко мне, желая подхватить на руки.

Не скажу, что мне неприятно, когда меня носят на руках, наоборот, очень приятно, даже слишком. Но чувства, которые во мне пробуждает близость мужчины, пугают и вызывают неловкость, умом-то я совершенно не испытываю к этому человеку, то есть оборотню, симпатии.

Глаза Рейнхарда загораются опасным блеском, ему не нравится, что я перечу, и это видно. Более того, он слушать меня не намерен, потому как делает еще один шаг вперед, несмотря на мою просьбу.

– Нет, – снова качаю головой. – Не подходите!

Быть настолько во власти кого-то невыносимо и страшно. Что я могу ему противопоставить? Тут, в его мире, в его доме, у меня совсем нет прав и защиты. Разве что он. Только кто защитит меня от самого герра канцлера? Осознание своего бесправного положения приводит в ужас. Дома, на Земле, я всегда знала, что меня охраняет закон, тут я во власти самого закона.

– Мне не нравится это слово из твоих уст, – скрипит зубами Рейнхард. – Ты под моей опекой, и мне решать, что для тебя будет лучше!

– Но там не менее, вы время от времени будете его слышать, – задираю подбородок, хотя сама внутри дрожу от страха, и гордо ковыляю в соседнюю комнату.

Может, я поступаю и глупо, но почему-то мне кажется важным подчеркнуть эти хоть и призрачные, но границы своей личности. Я не кукла, не игрушка, и кем бы он не был, кем бы не считал меня, осознание того, что я личность, ни один оборотень не заберет.

За спиной слышится злобный рык, на талию мне ложится ладонь, и крепко обнимает, прижимая к горячему телу. Но на руки меня герр канцлер все же не берет, а просто поддерживает, следя за тем, чтобы я не нагружала слишком сильно ногу.

Почему-то эта маленькая победа пробуждает робкую надежду в моем сердце. Вдруг не все так плохо, и с ним возможно договорится? Может, не сейчас, не в эту минуту, когда он голоден, раздражен и утомлен, а чуть позже – завтра или послезавтра...

Чем ближе мы подходим к столу, тем явственнее ощущается умопомрачительно аппетитные запахи. Живот начинает урчать, и я прижимаю к нему ладонь в надежде заглушить неприятный звук.

Возле уха тихо хмыкают, и последние шаги я буквально пролетаю, едва касаясь ногами земли, а затем меня осторожно усаживают на стул. Тихо вздыхаю – все равно в конце все сделал по-своему, и беру со стола салфетку, аккуратно расстилая ее на коленях. В голове проносится тысяча благодарностей Людмиле Александровне, которая помимо зарубежной литературы, вела у нас в школе уроки этикета. Ведь именно, благодаря ей, теперь я имею хотя бы частичные представления о том, как вести себя за столом, тем более что это не официальный прием пищи, а обычный ужин.

Я честно стараюсь не набрасываться на еду, а есть чинно и аккуратно, орудуя, как положено, ножом и вилкой, и отрезая маленькие кусочки от огромного куска стейка. К нему прилагается в качестве гарнира картофельный салат. В центре стола на большом блюде лежат горячие бутерброды с ветчиной, сыром и помидорами, которые, как это не удивительно, даже не успели остыть. А чуть поодаль сверкают румяными боками разнообразные виды хлеба и булочек в прелестной плетеной корзине, радуют глаз еще несколько видов салатов, к которым у меня уже нет сил тянуться, огромная яичница-глазунья, посыпанная зеленью и тертым сыром, большой пузатый чайник с каким-то парующим напитком, и рядом с ним, расписанный яркими синими цветами, молочник.

То ли нас решили накормить плотным ужином, то ли тут вообще традиция отдавать последний прием пищи врагу не принята, но изобилие блюд поражает.

Я довольно-таки быстро насыщаюсь и с вздохом отодвигаю полупустую тарелку. Теперь, когда голод не мешает мыслить, в голове снова возникают тысячи вопросов, которые так необходимо задать моему собеседнику, чтобы хоть на толику разобраться в том, что меня ждет в дальнейшем.

– Что вы со мной намерены делать? – спокойно спрашиваю, отпивая из чашки чай с молоком. Это спокойствие напускное, на самом деле внутри все сжимается от страха, но закатывать истерику тоже не стоит.

– С тобой? – поднимает брови оборотень, окидывая меня хищным взглядом.

– Да, – киваю. – Какие у вас планы? Не могу же я сидеть взаперти в этих комнатах?

Последняя фраза сказана шутливо, и я слегка улыбаюсь.

– Отчего же? – откидывается на спинку стула герр канцлер. – Именно это тебя и ждет в ближайшее время. Пока я не решу кое-какие дела.

Глава 19

Похоже, что я слегка погорячилась, когда думала, что с ним возможно договорится. Рейнхард больше на мои вопросы не отвечает, а, увидав, что я уже наелась, возвещает о том, что с утра ко мне явится личная служанка, а ему уже пора, желает спокойной ночи и удаляется восвояси. Это пожелание, воистину, звучит как издевательство. Ночи остается с гулькин нос, а спокойствием тут и подавно не пахнет.

И хоть в постель я послушно ложусь, но уснуть не могу, ворочаясь с боку на бок. Очень мешает свет, который пробивается сквозь балдахин. Мужчина даже и не подумал объяснить мне, как выключить лампы, и теперь комната ярко освещена несколькими светильниками, стоящими на длинных тонких ножках в каждом из углов спальни. Я, перепробовав кучу способов, так и не нахожу тот, которым можно их погасить, единственное чего мне удастся добиться – немного приглушить яркость, проведя ладонью сверху вниз по стойке торшера.

Внутри меня словно все замерло, заморозилось. превратилось в глыбу льда. На эмоции совсем не остается сил, лишь холодная решимость вырваться из этого плена, из этой ловушки, и вернуться домой. Только бежать вот так наобум я не намерена. Пока я ничего не знаю ни об этом мире, ни о населяющих его жителях. Есть оборотни, это я поняла. Да и люди для них, судя по всему, тоже не в новинку... А кто еще? Эльфы? Драконы? Гномы? Все ли жители обладают магией, или, допустим, избранные?

Иногда мне в руки попадались книги о попаданках, и, как правило, в них героини приобретали какие-то силы, благодаря которым становились непобедимыми воительницами, искусными магессами, желаемыми невестами. Но то книги, выдумка, сказка, а вокруг меня действительность, самая что ни на есть настоящая, и уж точно ничего похожего на волшебство я в себе не ощущаю.

Второй вопрос, который меня волнует – возможно ли вообще вернуться на Землю? Логично предположить, что раз есть вход – то должен быть выход. Только логика в последнее время меня слишком

уж подводит, то ли она у меня специфическая, то ли сами законы природы изменились.

Потом, отчего-то, мысли перескакивают совершенно на другое. Рейнхард все же меня спас, расправился с шайкой Николая, а я его так и не поблагодарила. Ведь он, и правда, мог дальше себе лежать тихонько в темном углу и не вмешиваться во всю эту заваруху, а нет, встрял в разборки и выручил меня. Справедливо, конечно, упомянуть, что и я сама спасла ему жизнь, но ведь и благодарности никакой не требовала. Теперь мы с ним, можно сказать, квиты. Только уволაკивать меня зачем было? Потому что мир не понравился? Как он там его назвал? Неприятный и непонятный? Но это ведь совсем не причина?... Как я уже поняла, ко мне-то он теплых чувств совсем не испытывает, так зачем тащить за собой такую обузу?

Тихо вздыхаю, закусив губу. Голова начинает побаливать от усталости и вертящихся, как осы в улье, мыслей. Но в глаза, словно кто-то вставил спички – никак не могу их сомкнуть, будто выпила литр кофе, или такой же объем энергетика...

А что если Рейн посчитал весь наш мир опасным и, чувствуя за меня ответственность, решил, что таким образом отдает долг? Точно! Вот в чем проблема! Он меня спасает до сих пор! Значит... значит, нужно его просто убедить, что я там в безопасности, что Земля не настолько плоха. Там живут и добрые люди, готовые прийти на помощь, у меня есть защита, есть место в жизни, цель и четко распланированное будущее.

Понемногу план вырисовывается. Я просто постараюсь объяснить Рейнхарду, что мне ничего не угрожает, и меня можно возвращать обратно. Тогда, даже сбегать не придется, все решится само собой.

Тихо улыбаюсь своим радужным мыслям и с удовольствием потягиваюсь. Решение проблемы умиротворяет намного лучше любых снотворных. И хотя остается проблема – как найти способ поговорить с канцлером, но это мелочи. Главное, что решение есть, и я его знаю.

Наконец, глаза начинают слипаться, и я засыпаю все с той же довольной улыбкой на губах.

А утром меня будят тихие, едва слышные шаги рядом. Моментально вскакиваю, испуганно озираясь. На миг мне кажется, что я снова, там, в коттедже, и это пришел Николай. Но возле кровати стоит не менее перепуганная моей реакцией молоденькая девочка,

почти моя ровесница. Она испуганно стискивает в руках подол своего снежно-белого крахмального передника и смотрит на меня большими карими глазами.

– Здравствуйте, фройляйн Цветана, – шепчет она, нервно сглатывая. – Я ваша горничная. Меня зовут Лизхен.

Интересно, а она тоже оборотень...

– Доброго утра, Лизхен, – улыбаюсь я, прижимая ладонь к тревожно бьющемуся сердцу. С этим явно нужно что-то делать, не могу же я всю жизнь бояться своей тени...

– Герр канцлер вам тут приказал подобрать несколько нарядов, – отчаянно краснеет девчонка, окидывая взглядом мой накинутый на голое тело халат, в котором я спала.

Я тоже в ответ заливаюсь краской, понимая, о чем она подумала, но доказывать что-либо не имеет смысла. Еще вчера вечером Рейнхард упомянул, что не стоит, ради моей же безопасности, распространяться кто я и откуда, и уж тем более, какие между нами отношения. А какие отношения? Никаких... Вот и молчу. Пускай думает, что хочет. Все равно в этом мире мне не жить. Но густая волна стыда все равно переворачивает все внутри, заставляя чувствовать себя неловко. Приходится отбросить неуместную скромность, мне еще о возвращении домой нужно договариваться.

– А могу я увидеть герра канцлера? – подумав, спрашиваю у Лизхен. – Ну, или договорится о визите... встрече... записаться на прием, – добавляю в конце, рассудив, что у главы законодательной власти вряд ли есть свободное время, и к нему просто так не попадешь. А ожидать его визита ко мне тоже не стоит. Для него я закрытая тема – вывоз нищенку из глуши, облагодетельствовал, так пускай сидит тихо и не мешает вершить государственные дела, пока уважаемый герр не решит, что с этой обузой делать.

– О, – округляет глаза горничная. – Герр канцлер уехал. Говорят, нашли мертвой графиню Бульштейн... Она... она тоже... э-э-э-э близко дружила с герром канцлером.... До вас...

Лизхен награждает меня таким взглядом, словно канцлер лично убил эту Бульштейн, потому как у него появилась я... А вдруг... Только не из-за меня конечно...

Отчего-то становится холодно, и по коже пробегают колючие мурашки. Обхватываю себя руками за плечи и зябко ежусь от

неприятных ощущений. А не наградила ли я и самого Рейнхарда теми чертами, которыми он вовсе не обладает. Вдруг мое пребывание здесь имеет какой-то скрытый смысл... Ведь однажды я уже ошиблась в человеке и горько об этом пожалела...

Глава 20

– Ясно... – задумчиво тяну, прикидывая, а стоит ли теперь вообще записываться на аудиенцию к этому... чуть не сказала человеку, к этому оборотню. Впрочем, наверное, стоит, нужно испробовать все варианты, а там какой зайдет. – А ты сможешь мне сказать, когда он вернется? – склоняю голову на бок и пытливо смотрю на служанку.

– Конечно фройляйн. Хотя, думаю, он и так в первую очередь вас наведает, – потупив взор, отвечает Лизхен.

– И все-таки, – с нажимом произношу.

Уже становится неприятным столь откровенное подчеркивание моего мнимого статуса.

– Как скажете, – послушно соглашается девушка и переводит разговор на другую тему. – Помочь вам пройти в ванную?

Я откидываю одеяло и выпрямляю ноги. Покрутив травмированной ступней вправо и влево, с удовольствием замечаю, что болезненные ощущения пропали, отек спал, а все синяки, царапины и ушибы исчезли. Вот тебе и магия.

– Пожалуй, я сама, – широко улыбаюсь, радуясь давно забытым ощущениям. Как же прекрасно, когда ничего не болит, не саднит и не беспокоит.

– Но-но-но, герр канцлер сказал... – Лизхен начинает немного заикаться. – Что вам нужна будет помощь.

– Герр канцлер немного ошибся, – продолжаю все так же широко улыбаться и спускаю ноги на пол. – Но я обещаю быть осторожной.

Служанка меряет меня недоверчивым взглядом и, тихо вздохнув, решает не спорить со мной.

– Накрывать стол к завтраку?

Рассеянно киваю, хотя и не ощущаю голода, завтракать все же нужно – основной прием пищи, как-никак, и осторожно направляюсь в санузел. Как справится с кранами, я уже знаю, а вот чистить зубы мне еще не приходилось. Спрашивать у Лизхен об этом как-то странно, значит, стоит попытаться все же поискать самой нужные принадлежности.

Открываю небольшой навесной шкафчик и тщательно осматриваю полочки. На что может быть похожа зубная щетка и паста? Хм, забавно... Щетка все же похожа на щетку, новенькая, упакована в коробочку и обернута светло-коричневой бумагой с изображением довольного краснощекого малыша с пеной у рта, во всю орудующего ею. Так, а паста? А пасты нет. Только белый порошок, похож на стиральный, в маленькой стеклянной банке. Но изображение того же милого ребенка на этикетке подсказывает мне, что я нашла то, что нужно. А на отдельном листике, прикрепленном веревочкой к крышке этой самой банки, даже инструкция имеется. Буквы, как это не удивительно, привычные, похожие на латинские, и я без труда разбираю написанное.

Быстро справившись с гигиеническими процедурами, умытая и посвежевшая я выхожу из санузла, и чувствую себя, будто на свет родилась. Все же чистота, здоровый сон и вкусная еда могут творить чудеса.

А пока я наслаждалась благами цивилизации, Лизхен уже успела не только принести завтрак, а разложить на постели очаровательное платье нежного светло-голубого цвета, нижнюю кружевную рубашечку, такие же коротенькие штанишки, и накрахмаленный подъюбник, всего один. Никаких корсетов и кринолинов, слава тебе Господи.

Служанка быстро помогает мне одеться и даже разгребает тот колтун, в который превратились мои волосы после сна – засыпать с мокрой нерасчесанной головой явно не стоило – сооружая милую аккуратную прическу.

– Какие у вас волосы, – с восхищением говорит девушка, закрепляя последние локоны шпильками. – Я ни у кого таких длинных и густых не видела.

Застенчиво опускаю взгляд, разглядывая руки на коленях. Похвала очень приятна, раньше мне говорила такое только бабушка, я была ее цветочком, ее гордостью. Сергей же на комплименты был весьма жаден, не помню, чтоб он вообще как-то отзывался о моей внешности, разве, что когда одежду покупали, мог сказать – идет или нет.

– Спасибо, Лизхен, – улыбаюсь в ответ, ловя в отражении ее слегка удивленный взгляд.

Завтрак собой представляет хоть и не такое изобилие блюд, как ужин, но тоже приятно радуется разнообразием. Аппетит все так же не желает пока просыпаться, и я ограничиваюсь кофе, а когда Лизхен начинает меня всячески увещевать поесть хотя бы что-то, ибо герр канцлер сказал лично за этим проследить, беру еще и йогурт с ягодами, похожими на чернику.

Но как только я приступаю к трапезе, в дверь кто-то громко стучит, затем она открывается и на пороге возникает стражник.

– Ее высочество, принцесса Николетта! – оглашает он.

Глава 21

В гостиную впархивает прелестное белокурое создание в сопровождении двух таких же очаровательных девушек.

– Это она? – поворачивается к стражникам принцесса, не совсем вежливо тыча в меня пальцем.

Но я только об одном могу думать – что мне сейчас по правилам этикета нужно делать. Такое у нас на уроках явно не преподавали – за столом не осрамилась, и на том спасибо. О том, что кто-нибудь из учащихся сельской школы может повстречать особу голубых кровей из королевского рода, и помыслить было бы странно.

Краем глаза наблюдаю за Лизхен, она приседает в глубоком поклоне – то ли реверанс, то ли книксен, я не знаю, что есть что – и почтительно склоняет голову.

Что же мне делать? Скопировать поведение служанки? А вдруг этим самым я себя поставлю в неловкое положение, намекнув о плебейском происхождении, впрочем, оно-то у меня что ни на есть самое плебейское, но ведь привечают-то меня как аристократку, значит, Рейнхард решил меня немного возвысить в иерархии общества.

Сердце гулко стучит в груди, а ладони мигом потеют. Почему, почему ни в одной книге о попаданках, которые я читала, не было описано, как нужно кланяться? Какое досадное упущение!

Брови принцессы Николь поднимаются вверх, а сама она прожигает меня таким горячим взглядом, что кажется – я вот-вот вспыхну и превращусь в горстку никчемного пепла.

Ноги примерзают к полу, попа, кажется, намертво приклеилась к стулу, захоти я сейчас встать и изогнуться кренделем, как Лизхен, все равно бы не смогла.

– Допустим... – подозрительно тянет принцесса, и в глазах у нее зажигается любопытство. – Накрой и на меня, я еще не завтракала, – машет эта венценосная особа в сторону служанки, присаживаясь напротив, и небрежно кивает подругам. – А вы можете идти.

Девчушки, присев, но не так низко, как Лизхен, прощаются и быстренько исчезают за дверью. Значит, насчет вариантов поклонов я

все-таки была права.

– Привет, – уже нормальным тоном говорит девушка. – Я Николь, можно Ники. А тебя как зовут?

Она мило хлопает ресницами, намазывая кренделек желтоватым сливочным маслом.

– Привет. Я Вета – выдавливаю из себя, и чтоб скрыть неловкость, отпиваю глоток кофе.

– Ты извини, что я так к тебе влетела, – сокрушенно морщит нос моя неожиданная визитерша. – Папа просто с утра мне огласил, что нас, то есть, у Рейна гости. И тщательно скрыл твое происхождение. Вообще сказал, что это большая тайна и даже мне знать ее не положено, – выдает это неземное создание, откусывая громадный кусок булки. – А мне же интересно, что это за гости у моего будущего жениха. Вдруг любовница, понимаешь?

И смотрит так выжидающе, что у меня кусок поперек горла становится. Я снова заливаюсь румянцем, вспоминая сцену в ванной. И хоть между нами ничего не было, но... все же что-то было. Я это чувствовала, и он тоже. Эти мурашки, этот будто наполненный электричеством воздух, это дыхание в унисон и притяжение, сильное, непреодолимое ... Только зачем? Зачем, если есть невеста? Или мне это все показалось?

Так обидно становится, и гадко. Даже сама не знаю, почему. Ведь, казалось бы, какое мне дело до невест канцлера, я все равно домой собралась... Ан нет... Что-то гложет внутри, словно гусеница спелое яблоко...

– Но теперь вижу, что нет, никакая ты не любовница, – беспечно машет рукой Ники, продолжая жевать. – А еще хотела проверить твое происхождение. Знаешь, подловить, – трещит она, как сорока. По моему, ей даже мои ответы не важны. – Посмотреть, как ты будешь кланяться. У них-то – небрежно кивает она на замершую чуть поодаль Лизхен. – Это с младенчества выработанное поведение. Рефлекс.... А по тебе вижу, что ты не проста.

И снова окидывает меня странным взглядом. А я, хоть убей, но вижу, что и сама Николь не та легкомысленная болтушка, коей хочет казаться. Далеко не та...

– Ну, так что? – лукаво блестит глазами моя собеседница. – Я угадала.

– Почти, – виновато отвожу взгляд. Врать мне всегда было трудно, но сейчас много чего зависит от того, смогу ли я держать маску на лице и играть ту роль, которую мне навязали.

– А ты, я полагаю, не слишком многословна, – хмыкает девушка и стреляет глазами в Лизхен, едва заметным жестом указывая на свою чашку.

Та, быстро поняв, чего от нее хотят, кидается наполнять посудину парующем кофе, а затем хлюпает туда еще и молока.

– Часом не на мое место метишь, а, Вета? – внезапно Николетта задает достаточно прямолинейный вопрос, подчеркнуто невозмутимо отпивая напиток из чашки. И только мелькнувшая в ее глазах тревога подсказывает мне, как она боится потерять своего жениха. – Ибо если на мое, то советую отступить. Я могу быть верным другом, союзником и даже названной сестрой, но... Врагом я буду с точно таким же рвением, – все так же мило улыбаясь, возвещает она.

Глава 22

– Нет, не на твое, – твердо отвечаю, смотря прямо ей в глаза.

Таким людям не стоит показывать свою неуверенность и сомнения, иначе вцепятся, как клещ, и не отстанут, пока не прогнут под себя. Мой начальник точно такой же. Как жаль, что я об этом узнала позже, и из-за своей неопытности и молодости позволяла помыкать собой: выйти в выходной – не вопрос, задержаться еще на часик – ладно, потерплю, заменить Марину, ибо у нее похмелье, – как скажете. И лишь год проработав, до меня дошло, что нужно себя отстаивать, всегда и во всем. Но сломать наработанную репутацию оказалось довольно-таки сложно... А тут у меня выбора нет. Нужно любой ценой продержаться, не потеряв себя, пока не вернется Рейнхард и не отправит меня домой. И действовать надобно осторожно, четко взвешивая каждый шаг, каждое слово, балансируя на тонкой и острой, словно лезвия ножа, грани. Только получится ли... Принцессы, канцлеры и короли, это тебе не самодур-директор, который максимум, что может, это уволить. Эти горазды вопить при каждом удобном случае: “Голову с плеч!”. И нет человека...

– Я очень рада, – сияет ее высочество, обхватывая пальцами мои ладони. – Значит, мы с тобой точно подружимся. Я всегда мечтала иметь сестру! Вот увидишь, как нам будет весело!

– Даже не сомневаюсь, – натянуто улыбаюсь, стараясь тоже казаться безумно счастливой. А у самой словно гадюки в животе ворочаются.

– А ты мне не расскажешь, что вас с Рейном связывает, и как ты тут оказалась? – склоняет голову набок новообетенная сестра. – Ведь друзья должны делиться секретами.

А вот тут мне по-настоящему становится страшно. Шаг вправо, шаг влево – расстрел. Широкая улыбка Николь теперь кажется издевательским оскалом.

– Ваше высочество, – выступает вперед один из стражников. – Позвольте вам напомнить, что через десять минут вас ждет в малом бальном зале учитель танцев.

– Точно, я совсем о нем забыла, – спохватывается девушка и вскакивает со стула. – Благодарю, Рикерт.

А затем, повернувшись ко мне, произносит:

– Вета, мне нужно бежать, отец бранить будет, если я снова опоздаю на урок. Но давай после обеда прогуляемся с тобой в саду. Сегодня просто чудесная погода!

И смотрит так умоляюще и выжидающе, что у меня просто слов не находится, чтоб ей отказать. А отказать хочется, причем очень и очень сильно.

– Ваше высочество, – подает голос тот же стражник. – Фройляйн Цветане герр Рейнхард запретил покидать покои до его возвращения.

– Вот как... – поднимает брови принцесса, буравя меня нечитаемым взглядом. – Ну, ладно... Тогда, до встречи... Вета.

– До встречи, Ники, – искренне улыбаюсь я, желая истинное облегчение выдать за радостные эмоции от нового знакомства.

Но как только за Николь и ее свитой закрывается дверь, тихонько вздыхаю. Вроде бы пронесло. От этого разговора я настолько устала, что, кажется, будто камни ворочала. Теперь я даже рада, что герр канцлер запретил мне выходить из комнаты, ибо кто его знает, чем бы закончилась наша прогулка. И упаси бог, принцесса каким-то образом узнает, как проходили мои недавние гигиенические процедуры.

– Фух... Ушла, наконец, – где-то сбоку облегченно шепчет Лизхен. – Кажется, буря миновала.

Поворачиваюсь к служанке и вопросительно поднимаю брови, она краснеет, как помидор, и принимается быстро убирать со стола посуду, складывая все это на небольшой столик на колесиках.

Похоже, ее высочество не пользуется тут всеобщей любовью...

День тянется, как древесная смола. Не привыкшая к безделью, я слоняюсь по комнатам, как неуспокоенный дух, раз за разом, прокручивая в голове воспоминания о недавних событиях. В мыслях то и дело мелькает навязчивый образ угрюмого канцлера и те чувства, которые во мне пробуждает его близость. Казалось бы, что отсутствие мужчины должно облегчить мое состояние, но вместо этого я ощущаю в сердце непонятную тоску и острое желание его увидеть.

Чтобы отвлечься от навязчивых дум, прошу Лизхен принести мне какие-то книги, и вечер провожу за чтением. Может, сюжет романа не настолько увлекателен, чтобы я хоть на время забыла о своих

проблемах, но вполне сгодится для усовершенствования речи. Я сама слышу, что разговариваю коряво, с жутким акцентом и порой путаю слова, а некоторые и вовсе не знаю. Но практиковаться в произношении мне не с кем, а так хоть что-то в голове останется.

Над этой же книгой я и засыпаю, еще в полудреме успеваю пронаблюдать, как Лизхен гасит один за другим светильники в углах спальни и выходит за дверь. Но посреди ночи мои глаза сами собой распахиваются, и сон бесследно слетает, словно на меня вылили ушат холодной воды. Медленно обвожу взглядом комнату, стараясь не обращать внимания на то, как сильно бьется в испуге сердце, и в ужасе замираю, заметив темный силуэт, застывший прямо посреди моей спальни.

Глава 23

– Кто здесь? – срывается с губ испуганный хриплый шепот. – Что вам нужно?

Посетитель делает шаг вперед, полоска лунного света падает на лицо, и у меня перехватывает дыхание.

– Рейнхард, вы? Что случилось?

Присутствие канцлера в моей спальне так же удивительно, как и его присутствие вообще в замке. Лизхен же говорила, что его нет в городе.

– Вета, – тихо произносит он.

Его голос звучит настолько необычно, мое имя в его устах словно приобретает какие-то волшебные притягательные нотки. Эти чувственные тонкие оттенки тембра затрагивают невидимые струны во мне, заставляют сладостное желание пробежаться мурашками по коже.

Я сажусь на постели, откидывая одеяло. Он в одну секунду преодолевает разделяющее нас расстояние и обхватывает сильной рукой мою талию, рывком подхватывая и прижимая к себе настолько плотно, что пуговицы сюртука наверняка опечатаются идеальными кружочками на нежной коже груди. По телу пробегает дрожь. Наше дыхание смешивается, его губы настолько близко, что я чувствую их тепло на своих.

– Вета, – его бархатный голос повторяет мое имя. Он утыкается носом мне в шею и глубоко вдыхает. Вторая рука зарывается в мои волосы, обхватывает затылок, а губы шепчут. – Что же теперь делать? Что же мне делать?

В голове роятся тысячи вопросов, но я не могу вымолвить ни один из них, словно кто-то сковал мою волю. Мои веки невольно прикрываются, а затем я словно проваливаюсь в туманную темноту.

Утро наступает внезапно. Вот передо мной была наполненная ночным сумраком комната, близость мужчины, обнимающего меня с каким-то обреченным отчаянием, а вот уже с тихим скрипом Лизхен открывает тяжелые портьеры на окнах, впуская в спальню солнечный

свет и свежий воздух. Открываю глаза и сразу же прикрываю веки. Золотистые лучи бликами играют под тенью ресниц.

– Доброе утро, фройляйн! – радостно щебечет Лизхен.

– Доброе, – желтые пятна перед глазами, наконец, перестают плясать, словно бешеные солнечные зайчики, и я могу их открыть.

– А у вас посетитель, – возвещает служанка, сияя улыбкой. – Герр канцлер только, что прибыл и решил нанести вам визит, изъявив желание позавтракать вместе.

– Герр канцлер? – переспрашиваю слегка охрипшим после сна голосом.

Упоминание о Рейнхарде будят в мыслях странные воспоминания и непонятные будоражающие ощущения во всем теле. Невольно морщусь лоб, пытаюсь понять, что меня беспокоит.

– Да, – кивает Лизхен, буравя меня подозрительным взглядом. – Он ждет в гостиной.

– Прямо сейчас? – вскакиваю с постели, понимая, что мне даже не нужен ответ. Я и сама каждой клеточкой тела ощущаю его присутствие, эту волнующую атмосферу, которая разливается в пространстве стоит ему только оказаться поблизости.

– Сейчас, – кивает Лизхен. – И вам не мешало бы поторопиться. Герр всю ночь был в дороге, ему хорошо бы позавтракать. Он только вас ждет.

Кидаю на Лизхен осторожный взгляд. Мне послышался в ее голосе укор, или он был на самом деле? Но девушка отвечает мне невинным взглядом, продолжая копошиться в гардеробе, подбирая мне наряд.

А меня будто накрывает волной воспоминаний. Рейн. Ночью. В моей комнате! Рука невольно тянется к груди и потирает то место, куда врезались пуговицы кителя. Осторожно заглядываю за ворот, но на коже нет и следа. Приснилось? Это был сон?

Но какой правдоподобный. По телу до сих пор пробегают мурашки, стоит мне только вспомнить... Но служанка сказала, что канцлер вернулся только что, значит, и вправду ночью пригрезилось...

Выбрасываю из головы неуместные воспоминания – это сейчас ни капельки не важно – и спешу в ванную.

Действительно, не стоит заставлять мужчину ждать. Мне он нужен сытый и добрый, чтобы я его могла убедить в том, что мне

требуется.

Гигиенические процедуры не занимают много времени, и спустя несколько минут меня берет в оборот всезнающая Лизхен. Руки девушки порхают, как заведенные. Она в мгновение ока помогает мне одеться, проворно застегивая малюсенькие жемчужные пуговицы на спине лимонно-желтого утреннего платья, и сооружая из моих волос на макушке изящный узел, выпустив и завив несколько локонов, чтоб они струились по шее.

В последний раз взглянув на себя в зеркало, дабы почерпнуть решительность в безупречном внешнем виде, вздыхаю, собираясь с силами. То, что я хочу сказать, слишком важно, и неуверенность или сомнения могут все испортить. Только твердость убеждений и логическая последовательность доводов сможет заставить такого человека, то есть, оборотня, как Рейнхард, изменить решение.

Цепляю маску спокойствия на лицо, стараясь внешне казаться бесстрашной. И лишь лихорадочно блестящие глаза выдают мое волнение с головой.

– Удачи тебе, Ветка, – прижимаю ладонь к гладкому прохладному стеклу зеркала, и, не оборачиваясь, направляясь к выходу. Спина ровная, подбородок вверх. Ты должна вернуться домой!

Створки резных дверей распахиваются, словно крылья взлетающей птицы.

– Здравствуй, Цветана! – обдает меня жаром своих горящих черных очей герр канцлер, вставая из-за стола, и мое сердце делает кульбит.

Глава 24

– Здравствуйте, герр канцлер, – невольно начинаю искать в выражении его глаз признаки того, что было ночью. Но Рейнхард выглядит, спокойным, и слегка уставшим.

– Думаю, ввиду недавних событий, обращение ко мне “герр канцлер” несколько неуместно, – дергает уголком губ мужчина и галантно отодвигает стул для меня.

Осторожно окидываю взглядом комнату, но кроме Лизхен и давешнего стражника, который вчера выдворил из покоев принцессу, больше никого нет.

– Я не знаю... – растеряно отвечаю, присаживаясь за стол. – Разве так принято?

– Раньше, припоминаю, тебя это не смущало, – хмыкает мужчина.

– Это было раньше, – невольно хмурюсь. Он бы еще вспомнил о том, как мы в пещере общались. Я тогда особо за выражениями не следила, особенно, когда кровь из раны начала хлестать.

– Между нами ничего не изменилось. Ты это ты, а я это я... – сжимает губы Рейнхард.

Вскидываю на него изумленный взгляд. Он недоволен? Недоволен тем, что я пытаюсь соблюдать субординацию?

– Как скажете, – опускаю ресницы и принимаюсь разглаживать на коленях снежно-белую хлопковую салфетку, собираясь с силами для волнующего меня разговора. Но мужчина сам начинает тревожащую меня тему.

– Мне передали, что ты желала меня видеть... – откидывается на спинку стула оборотень и подает знак, чтобы ему налили в чашку кофе.

– Да, я... да... Я хотела поговорить, – слегка запинаясь, и, кивнув на молчаливое предложение Лизхен насчет наполнения моей чашки, добавляю. – Только можно наедине.

Мужчина вскидывает брови, а я с нажимом добавляю.

– Абсолютно наедине.

Рука Лизхен слегка вздрагивает, и несколько капель падают на скатерть.

– Оставьте нас, – бросает канцлер, и стражник вместе со служанкой выходят за дверь.

Я еще несколько секунд смотрю на закрывшиеся створки, прикидывая, могут ли нас подслушать, и решая с чего начать. У меня с этим всегда были проблемы. Как будто какой-то невидимый барьер мешал построить первую фразу. И чаще всего слова из меня приходилось собеседнику тащить клещами.

– Можешь говорить, – небрежно позволяет оборотень, слегка наклоняясь вперед.

– Нас не подслушают? – уточняю на всякий случай.

– Нет, будь уверена, – криво усмехается он. – Заклинания от прослушки, это то, в чем я преуспел прежде всего, начиная с первых дней службы в качестве лояльного королю бургомистра отсталой горной провинции.

Коротко киваю, с полуслова понимая мужчину. Его подчеркнутое “лояльный” говорит само за себя. Видимо “нелояльным” он был, как кость в горле...

– В первую очередь, я хотела вас поблагодарить за спасение. Вы совершенно не обязаны были решать мои проблемы, но, тем не менее, не дали меня в обиду, – выпаливаю на одном дыхании и кидаю из-под ресниц осторожный взгляд на своего собеседника.

Он все так же сидит, слегка подавшись вперед и опершись локтями на столешницу. В глазах плещется предвкушающее ожидание и снисходительный интерес. Такими взглядами, как правило, награждают родители детей. В них настолько ярко сквозит фраза – “Ну что ты можешь умного мне, опытному и умудренному годами, поведать?”, что это начинает немного нервировать.

– А во вторую? – тянет он, поджимая губы.

– А во вторую... – тихо вздыхаю, набираясь смелости. – Я прошу отпустить меня домой. Поверьте, мне ничего там не угрожает. Я просто хочу вернуть свою жизнь. Тут все такое сложное, чужое, непривычное. Зачем вы вообще меня забрали, раз разделались с Николаем?

– Вета, – лицо канцлера каменеет. – Единственное, что я могу ответить – тебе придется привыкать. Смирись и забудь о Земле.

Отныне твое место здесь.

Я, не ожидая такого резкого отказа, на мгновение теряюсь, даже не заметив, что мужчина напрочь проигнорировал мой второй вопрос и так и не объяснил мотивов своих действий.

– Но как? Зачем я вам тут? – пальцы нервно сжимают салфетку. – Я ведь живой человек, не игрушка, не ваша собственность. Вы хотите, чтоб моя жизнь прошла тут? В этих комнатах?

Горло сдавливает от эмоций.

– Большинство женщин были бы довольны такой участью, – хмуро отвечает канцлер, буравя меня взглядом.

– Я не большинство, – тихо отвечаю. – У меня есть цели в жизни, есть мечты, есть планы. Вы мне предлагаете глупое бездумное существование в клетке?

– Шикарная клетка тебе досталась, надо сказать. Хочешь, чтоб я пожалел тебя? – ерничает мой собеседник, обдавая колючим взглядом.

В душе волной поднимается горечь. А как же! Тут, судя по всему, женщин тоже считают никчемными ни на что негодными созданиями, гораздыми только давать потомство, как это было на Земле в прошлые времена. И предел мечтаний такой вот женщины быть под крылышком мужчины, тихо восхищаясь его величием, даже если этого самого величия с гулькин нос.

– Зачем вы так? – вздергиваю подбородок. – Поставьте себя на мое место.

– Это невозможно, – отрезает он, даже и не подумав проникнуться моей ситуацией.

В висках начинает пульсировать, прикладываю к ним дрожащие прохладные пальцы, пытаюсь унять головную боль.

– Должна же быть хоть капля здравого смысла у вас в голове! – в сердцах восклицаю.

– О, его у меня предостаточно. И этот самый здравый смысл подсказывает мне, что твое место здесь, – чеканит мужчина. – А теперь, я надеюсь, мы можем приступить к еде? – как ни в чем не бывало, заявляет герр канцлер. – И раз уж ты пожелала отправить служанку, то, как радушной хозяйке, ухаживать за мной за столом придется тебе.

Глава 25

Плотно сжимаю губы, чтобы с них не вырвалось невежливое ругательное слово, и делаю несколько вдохов. Надо успокоиться. Успокоится и подумать. Гнев и оскорбления ни к чему хорошему не приведут, это я знаю наверняка. Мне нужен конструктивный диалог, а не ссора, в которой я, без сомнения, ничего не добьюсь. По нему же видно, что чем дольше я буду настаивать на своем, открыто сопротивляясь и скандаля, тем больше он будет упираться.

Хотя, несмотря на все мои попытки сохранить холодный рассудок, желание перевернуть кофейник уважаемому герру канцлеру на голову никуда не девается. Впрочем, я ведь понимаю, что такие детские выходки еще больше убедят мужчину, что я глупый ребенок, неспособный найти рациональных аргументов, а не взрослая разумная девушка.

Только чувства, расцветающие в душе, совсем не собираются утихать, а продолжают клокотать, поднимаясь горечью в горле, пробуждая во мне доселе неведомые темные стороны.

– Ты ничего не ешь? – хмурится мой собеседник, вырывая из раздумий.

– Аппетита нет, – не удерживаюсь от обиженной реплики. И сама себя за нее корю, настолько уязвимой она звучит. И слабой.

– Тебе нужно есть! Бери, – протягивает он мне булочку. – Не будешь полноценно питаться – заболеешь.

Непонимающе смотрю на него исподлобья – это что за странная навязчивая забота обо мне – но угощение беру, аккуратно размещаю на идеально чистой белой тарелке и снова застываю.

– Рейнхард... – медленно начинаю издалека. Он вскидывает брови вверх и указывает глазами на лакомство передо мной. Чтобы задобрить волка, отщипываю маленький кусочек воздушной ароматной выпечки и отправляю в рот. – А ведь я и вас спасла, не так ли? – прожевав булочку, осторожно спрашиваю.

– Спасла... – его глаза внезапно загораются опасным огнем и все построенные в голове осторожные и до малейших нюансов

выверенные фразы, разлетаются стаей испуганных птиц.

– И за спасение я бы хотела кое-что получить, – собравшись с духом, сообщаю. – Думаю, это будет справедливо с вашей стороны.

– Я полагал мы квиты. Ведь и я спас тебя в ответ, – хмыкает мужчина, чуть подаваясь вперед. В его глазах сквозит неподдельный интерес и еще что-то, чему определения я пока не могу найти.

– Не совсем, – скрываю дрожь в голосе, и стараюсь говорить уверенно и твердо. Мои слова – это большая авантюра, и как к ней отнесется канцлер неизвестно. – Я ведь спасала вас, ничего не требуя взамен, исключительно по доброте душевной, а вы отдавали долг. Из этого делаем вывод, что мой поступок был более благороден, и я имею некоторые привилегии... – открыто заявляю, и выжидающе смотрю на собеседника, ожидая реакции на столь смелые речи.

– Вот как! – поднимает брови канцлер. – Уверенна?

Коротко киваю, не отрывая от него взгляда и скрестив под столом пальцы на руках.

– Сразу скажу – о возвращении домой можешь забыть, это желание – табу, – хмурится оборотень. – В остальном... посмотрим.

Сердце в груди замирает, а затем начинает бешено колотиться. О Земле я и так не думала требовать, заранее ясно, что это желание обречено на провал. У меня есть идея получше. Конечно, мне не очень нравится неопределенность его ответа, но это гораздо лучше твердого “Нет”.

– Я хочу получить ответы! – салфетка на моих коленях уже давно превратилась в смятый сморщенный комочек. Но совладать с нервами я пока не в силах.

– Тебе не кажется, что это несколько... м-м-м... неравноценно... спасла ты меня один раз, а ответов требуешь много, – склоняет голову набок Рейнхард. – Давай один вопрос за одно спасение жизни. Согласна?

Судя по всему, наш диалог его весьма забавляет. Ему весело!

– Нет! – выпаливаю я, сама, испугавшись такого категоричного ответа. – Что-то вы слишком дешево оценили свою жизнь, всего в один ответ. Ведь я спасла не только неизвестного мужчину, а оборотня, как оказалось, и канцлера страны. Вопросов должно быть, по меньшей мере, три...

Боже! Что я мелю? Сама удивляюсь своему бесстрашию.

– А ты забавная Цветана, не такая, какой мне показалась в самом начале, – продолжает развлекаться герр канцлер. – Хорошо, пускай будет три вопроса. Но к ним ты должна мне еще налить кофе и поцелуй. В качестве, например, моральной компенсации...

– П-п-поцелуй? – замираю я. - Зачем?

– Хочу кое-что проверить, – обжигает взглядом оборотень. – Если пожелаешь, отвечу. Но этот ответ будет идти в качестве одного из оговоренных тобой вопросов. Отвечать?

– Нет, – качаю головой. Пускай целует. Мне важнее понять, что меня ждет в будущем.

– Как скажешь... Вета, – хитро улыбается мужчина, и отчего-то мне кажется, что я сделала не совсем правильный выбор. Только, в чем же подвох?

Глава 26

– Задавай свой первый вопрос.

Вот удивительно, я вроде добилась, чего хотела, но теперь не знаю, что с этим добром делать. Надо было на листике записать волнующие меня моменты и то, что я хочу узнать, а теперь голове каша – горшочек не вари.

– А вы точно ответите правду? – недоверчиво смотрю на слишком уж покладистого мужчину. Раньше все “нет и нет” твердил, а сейчас ухмыляется – хоть к ране прикладывай. Это из-за того, что я на поцелуй согласилась?

– Я не обманываю, Цветана, запомни. Никогда! – недовольно сжимает губы.

– Но недоговариваете, я правильно понимаю? – подкупить меня грозным тоном и видом оскорбленного достоинства ему вряд ли удастся. Он политик, а политики те еще вруны.

– Бывает... – тянет мужчина. – Вот и посмотрим, насколько ты умеешь правильно вопросы ставить, Вета. Сумеешь загнать меня в угол – разрешу еще один вопрос задать. Идет?

– Согласна, – выдыхаю, внутренне дрожа от волнения. Кто ж от такого откажется? И хоть понимаю, что с прожженным интриганом мне не тягаться, но попробовать стоит однозначно.

– Тогда приступай! – машет рукой канцлер, хитро прищурился глаза. – И о кофе не забудь. Со сливками... Без сахара.

Чуть приподнимаюсь, протягиваю руку к кофейнику и аккуратно наливаю в чашку смолянистую дымящуюся жидкость – и как только он остыть не успел. Магия? Затем добавляю густые сливки, наблюдая, как тонкая струйка выписывает причудливые узоры на черной поверхности напитка. А пока занимаюсь исполнением просьбы, в голову сам собой приходит вопрос. Может, не слишком сформированный и, довольно-таки, корявый, но вполне понятный.

– В качестве кого я здесь? – сажусь на место и в упор смотрю на оборотня. – Кто я для других? Для слуг? Принцессы? Стражников? Что вы им сказали?

Щеки невольно окрашиваются румянцем, когда я вспоминаю весьма прозрачные намеки Лизхен и открытые вопросы Николь.

– А это имеет значение? – вздергивает бровь мой собеседник.

– А вы как думаете? – с нажимом произношу. – Все считают меня вашей... вашей содержанкой. А это не правда!

– Неужели ты так беспокоишься о том, что думают, по сути, чужие для тебя люди? – отпивает кофе из чашки мужчина и довольно жмурится. – Их мнение ничего не значит.

– Вы ошибаетесь! – фыркаю в ответ. – Вам ли не знать, как могут влиять людские пересуды на жизни окружающих. Мы все живем в обществе и волей-неволей должны следовать его правилам. Содержанок презирают, и отношение к ним соответствующее!

– Тебя кто-то обидел! – тут же вскидывается канцлер. – Кто посмел?

– Никто меня не обижал, – тяжело вздыхаю. – Но на людской роток не накинешь платок...

– Это ты о чем? – все еще гневно сверкает глазами Рейнхард.

– Есть поговорка такая, – принимаюсь объяснять. – У меня. На родине. Так говорят, когда пытаются показать, что людскую молву не остановить...

Ми ненадолго замолкаем, и я, задумавшись, начинаю возить чайной ложечкой в своей чашке, размешивая и без того размешанный сахар. В отличие от герра канцлера, я сладкое очень люблю.

– Ты моя гостья, – наконец, подает голос мужчина. – Гостья и всего лишь. Как только заметят, что я не посещаю тебя по ночам, пересуды сразу же утихнут. Мне приписывают многих любовниц, но поверь, Вета, это всего лишь слухи. На слишком бурную личную жизнь у меня элементарно нет времени. А окружающим надо же о чем-то болтать.

– А как же фрау Кларисса? – сдержать вопрос не получается. Он соскальзывает с губ прежде, чем я успеваю прикусить язык. И так уже красные щеки начинают пламенеть.

– С Клариссой до поры до времени у нас было выгодное сотрудничество, – сжимает губы Рейнхард, и я понимаю, что переступила черту. Ох, Ветка, где же таких глупых делают?

– А что будет со мной? – поспешно задаю следующий вопрос, чтобы отвлечь мужчину. – Какое у меня будущее?

– Будущее? – быстро переключается на новую тему оборотень. – Ты будешь жить тут. Пока тебе придется, конечно, провести некоторое время в своих покоях. Мы всем сказали, что у тебя некоторые проблемы со здоровьем. Между прочим, сегодня к тебе должен навестись Дитрих. А затем посмотрим...

– Но чем мне тут заниматься? Что делать? – развожу руками, искренне недоумеваю от его рассуждений. Я же не кошка, чтоб целыми днями спать и есть...

– Откуда я знаю, – снова хмурится мужчина. – Чем вы там, женщины занимаетесь – шьете, вышиваете, гобелены ткете, музицируете? Представь, что ты замужем...

– Но я не замужем, – гневно шурюсь. – А после тех слухов, которые обо мне ходят, вряд ли выйду... В этом мире...

– Выйдешь, – мрачно обещает Рейнхард. – В этом мире. Уж я об этом позабочусь...

Задыхаюсь от возмущения, не зная, что сказать в ответ. Он значит, позаботится! А я? А меня спросить? Как корову к быку вести будут – этот подходит, а тот нет?

Возбужденно вскакиваю и принимаюсь ходить по комнате.

В этот момент в дверь кто-то стучит, и в приоткрывшуюся створку заходит стражник Рикерт.

– Герр канцлер, – откашлявшись, сообщает он. – Там прибыл по вашему требованию министр финансов с полным отчетом. Он ожидает в вашей приемной.

– Хорошо, Рикет. Я через десять минут буду, – обещает оборотень и вновь поворачивается ко мне, когда за стражником закрывается дверь.

– Давай уже свой третий вопрос! – требует мужчина, поглядывая на часы.

– Предпочитаю его оставить на потом, – цежу сквозь зубы, едва сдерживаясь, чтобы не вспылить. – Если это возможно?

Мужчина поднимается, подходит вплотную, обхватывает рукой мою талию, прижимая к своему горячему сильному телу, и наклоняется ко мне, почти касаясь губами моих губ. По телу пробегает сладкая дрожь предвкушения. Точно, я же поцелуй обещала. Ресницы, дрожа, сами собой начинают опускаться, и я уже не знаю, боюсь я этого или отчаянно желаю.

– Тогда и поцелуй оставим для более удобного случая, Вета, – обжигает взглядом мужчина, шепча мне прямо в губы. – В таких делах не стоит торопиться.

А затем выпускает меня из объятий и уходит, безразлично пожелав хорошего дня. Вот... вот... нехороший человек! Вернее, оборотень! – злюсь я, сама не понимая отчего.

Глава 27

Когда за канцлером закрывается дверь, я отмираю и снова принимаюсь ходить кругами по комнате. В комнату незаметно просачивается Лизхен, но, увидев мое состояние, быстро убирает со стола и тоже выходит. И остаюсь я со своими думами наедине.

Пожалуй, другого выхода у меня нет. Совсем. Нужно бежать!

Само это слово уже навевает острое ощущение дежавю, а зажившая лодыжка начинает испытывать фантомные боли.

Обнимаю себя руками за плечи, сдерживая охватившую тело дрожь волнения, и пытаюсь привести нервы в порядок. Нужно успокоиться и все тщательно взвесить.

От Николая я бежала в своем мире, среди знакомой местности, имея такой-сякой план. Тут же совсем чужой мир, государство, обычаи и порядки. Да и куда мне бежать? Только обратно на Землю. А это возможно вообще?

Взбираюсь на подоконник и, обхватив руками колени, печально смотрю на раскинувшийся под окнами сад. Солнце уже поднялось достаточно высоко, осушив росу на кустах и травах. В приоткрытые створки окна проникает благоухающий аромат роз и еще каких-то неведомых мне цветов. Мирная картина. Кто ж догадается, что это золотая клетка, тюрьма, для одной глупой иномирной девушки, которая опрометчиво решила помочь ближнему?

На желтой, усыпанной песком, садовой дорожке появляется принцесса Николь со своей свитой. Она божественно прекрасна в воздушном белом платье и прелестной шляпке, которая призвана не только защищать от солнца, а и подчеркивать нежный овал лица и золотистые, тщательно завитые, кудри. Приходится с болью в сердце заметить, что они с Рейном просто изумительная пара. На душе становится противно и гадко.

Невольно принимаюсь сравнивать себя с ней и понимаю, что проигрываю во всем, начиная от внешности и заканчивая происхождением и воспитанием. Так что опасения Ники совершенно напрасны, вряд ли такой как я мог бы заинтересоваться ее обожаемый

мнимый жених. А поцелуй... поцелуй это, видимо для него, просто так... Перед смертью, ой... то есть свадьбой не надышишься... Да и будет ли эта свадьба... Рейнхард, похоже, не в курсе, что его уже женили. Вот...

Только почему такие мысли лезут в голову? Какая мне разница, как я выгляжу и насколько гармонично смотрюсь рядом с канцлером? Я вообще-то бежать собралась...

Принцесса поднимает голову, левой рукой придерживая головной убор, и безошибочно находит меня, сидящую на окне и смотрящую с тоской на окружающий мир. Лицо Николь тут же озаряется улыбкой и она приветливо машет мне ладонью. Копирую точно такой же жест, стараясь выглядеть как можно дружелюбнее. Идея рождается моментально. Что, если у принцессы можно кое-что выведать? Ей-то точно в голову не придет, что я собираюсь улизнуть. Может, даже удастся в чем-то заручиться ее поддержкой.

От созерцания красот отвлекает тихий стук. Дверь приоткрывается и давешний стражник оглашает, что ко мне пожаловал герр Дитрих для регулярного осмотра. Тихо вздыхаю и соскакиваю с подоконника.

– Здравствуйте, фройляйн, – тут же переступает порог улыбающийся лекарь. – Как ваше самочувствие?

– Здравствуйте доктор Дитрих, – снова вздыхаю. – Прекрасно.

Врач пробегается по мне недоверчивым взглядом и хмурит кустистые седые брови.

– А по вам и не скажешь, милая фройляйн Цветана, – качает головой герр Дитрих. – Здоровье душевное не менее важно, чем физическое. И вас явно что-то тревожит и угнетает.

Вскидываю на него изумленный взгляд и сразу же опускаю ресницы, не зная, что ответить. Разве может быть счастлив человек, когда ограничивают его свободу?

– Тревожит, – тихо отвечаю. – Я очень скучаю по дому...

– О, – глаза Дитриха понимающе округляются. – Мне очень жаль, милая фройляйн. Но поверьте, у нас тут очень даже не плохо. И раз вам дорога обратно закрыта, не лучше ли извлечь выгоду из уже существующей ситуации? Вы могли оказаться в плену у какого-нибудь отребья и жить в лачуге в бедном квартале. А так вы в королевском дворце. В тепле и заботе. Подумайте об этом на досуге.

Мы располагаемся на мягкой софе у стены, и я напрягаюсь в ожидании обследования. Врачи меня с детства немного пугают.

– Пожалуй, вы правы, – покорно соглашаюсь и замолкаю, пока доктор осматривает мою ногу, ощупывает кости, смотрит язык и светит фонариком в глаза. Затем делает пасы руками возле моей головы, очерчивает ладонями воздух вокруг моего тела и заключает, что я почти восстановилась.

Дитрих без сомнения прав, моя ситуация лучшая из тех, что могли со мной приключиться и мне грех, конечно, жаловаться. Но разве могут окупить материальные блага ощущение свободы, право руководить своей жизнью, как считаешь нужным, любимый дом и родные места?

Выгоду-то я без сомнения, извлечь постараюсь, но немного не в том ракурсе, в котором посоветовал лекарь.

– Пожалуй, вы правы, доктор Дитрих, – скромно улыбаюсь, хлопая ресницами. – Мне, и правда, несказанно повезло оказаться гостьей герра канцлера и нужно быть благодарной судьбе за это, раз уж нельзя вернуться домой... наверное порталы в мой мир слишком сложны и дороги?

Смотрю искоса на уважаемого лекаря, чинно сложив руки на коленях.

– Я рад, милая фройляйн, что смог помочь вам одолеть печаль, – улыбается в ответ Дитрих, похлопывая меня по руке ладонью. – А порталы совсем не редкостны, почему вы так решили? Есть артефакты и маги, которые этим занимаются. Наш Рейнхард тоже великий умелец в этом деле, один из лучших порталщиков в королевстве.

– Правда? – восхищенно распахиваю глаза, мотая на ус информацию.

Значит, невозможно, герр канцлер... Ну-ну... Ой, как нехорошо обманывать, тем более тех, кто вас спас...

Глава 28

– Совершенная! – не без гордости подтверждает лекарь, как будто лично учил Рейнхарда управлять этим видом магии.

Еще немного поболтав на отвлеченные темы – я боюсь заострять внимание на переходах на Землю – мы с Дитрихом прощаемся весьма довольные друг с другом, и лекарь, пообещав навестить меня через несколько дней, удаляется.

Я снова остаюсь в одиночестве, коротая оставшуюся часть дня за чтением и унылым наблюдением из окна, как плавно и неумолимо сменяются друг за другом утро, день и вечер, пока абсолютную власть не обретает бархатная ночь.

Сейчас я особенно остро ощущаю насколько одинока и покинута в этом мире. Тут нет друзей и хороших знакомых. Каждый подле меня либо ищет выгоду, добросовестно исполняя собственные обязанности, либо стремиться втереться в доверие, чтобы потом использовать обретенные знания в личных корыстных целях.

Принцесса мила и доброжелательна, пока я не посягаю на Рейнхарда. Доктор улыбчив и готов прийти на помощь, ибо я под покровительством фактического главы государства. Лизхен... та вообще темная лошадка. На кого она работает? На канцлера, короля или принцессу? Кому докладывает малейшие нюансы моей жизни? С ней уж точно водить дружбу чревато неприятностями. Сражники Рикет и Финн просто выполняют работу, сторожа то ли меня от кого-то, то ли роль тюремщиков исполняют.

И Рейнхард – вишенка на торте – уволок меня сюда непонятно зачем, распланировал мою жизнь, не спрашивая моего мнения, и ходит гоголем, будто благодетельствовал ничтожную простолюдинку.

В сердце раскаленным угольком тлеет уже привычная обида. Обида и жалость. Я вот понимаю, что могло быть и хуже, понимаю, что могла остаться с Николаем, и тогда эти палаты действительно рай, могла бы попасть в руки другому оборотню, менее благородному и более жестокому... Все понимаю... Но... Смириться и никогда не видеть родную Землю, быть бесправным существом, низшим, слабым

и полностью подконтрольным? Нет, я этого, по-просту, не смогу. Не желаю. И не собираюсь. Я тут чужая, и всегда буду такой. Человек среди оборотней, не одаренная ни магией, ни силой. Даже Лизхен умеет применять свои небольшие способности в хозяйственных нуждах, как и все, кто населяет Эрдлих, а у меня их нет и быть не может. Я не для этого мира, а он не для меня.

Только вот жалеть себя не хочу. У меня есть цель – вернуться домой – а там уже можно будет нареветься всласть, сидя в собственном доме, на собственной кровати с кованым металлическим изголовьем, скрипучими пружинами, вышитыми бабушкой подушками и кружевными накидками, завернувшись в любимое стеганое одеяло. Сердце сжимается в груди настолько сильно, что больно сделать вдох. Картина представленная перед глазами мучительно реалистична – моя комната с аккуратно выбеленными стенами и кактусом на окне, полосатая кошка Муричка, любящая лежать на моем подоконнике и греться на солнышке, печка у стены, обложенная коричневой натертой до блеска немецкой плиткой, которой уже давно никто не пользовался, ибо есть газ. Только сейчас совершенно некогда давать волю эмоциям. Вытираю повлажневшие щеки и глубоко вздыхаю. Чуть-чуть позволила себе слабину, и, пожалуй, хватит.

– Фройляйн Цветана, – тихо отворив дверь, мнется на пороге Лизхен, отвлекая меня от горестных дум. – Вам подарок от герра канцлера.

– Мне? Подарок, – медленно слажу с подоконника. – Почему?

Служанка пожимает плечами и ставит передо мной на столик плоскую бархатную темно-красную коробочку величиной с небольшую книжку. Осторожно ее беру в руки, ощущая под пальцами нежную мягкость материала, и бережно приподнимаю крышку. На шелковой белой подкладке лежит восхитительный гарнитур. Ожерелье, украшенное крупными красновато-коричневыми камнями, такие же серьги и браслет. Изумленно открываю рот, не зная, что сказать, я подобной красоты в жизни не видела, из украшений у меня были лишь маленькие серебряные колечки в ушах, подаренные мамой. Что значит этот подарок?

– Примеряете, – блестит глазами Лизхен, с вождением смотря на комплект.

– Нет... – качаю головой и с сожалением захлопываю крышку. – Зачем?

Служанка непонимающе хмурится, а я вновь взбираюсь на подоконник и утыкаюсь взглядом в сад, хотя за окном царит непроглядная темень. Но через минуту один за другим начинают вспыхивать фонарики на дорожках, словно котятся по цепочке оранжевые магические шарики, будто огромные светлячки бегущие по ниточке, и я с удовольствием люблюсь, как темнота понемногу рассеивается, сдавшись под натиском волшебных огоньков. За спиной осуждающе пыхтит Лизхен.

Честно говоря, мне очень понравились украшения, руки откровенно чесались тут же примерить их. Безумно хотелось ощутить прохладу тяжелых крупных камней и звенья бледно желтой цепочки, повертеться перед зеркалом, представляя себя благородной дамой на балу, почувствовать хоть на минутку, каково быть Золушкой.

Только я прекрасно понимаю, что со стороны Рейнхарда это никакой не подарок, а откуп, данный с барского плеча – молчи, мол, не вредничай и будь довольной тем, что имеешь. Лекарь, скорее всего, доложил о нашем с ним разговоре, да и утро сегодняшнее было весьма показательным, вот герр канцлер решил задобрить несчастную нищенку. Вернуть бы ему его щедрый дар, но у меня внезапно появилась идея получше. Кидаю задумчивый взгляд на коробочку с гарнитуром, мысли так и крутятся в голове, словно жернова мельницы, а в груди, наконец, загорается надежда, заставляя губы растянуться в несмелой легкой улыбке. Только лучше отложу-ка я свои планы до завтра, день был слишком утомительным и нервным, а на свежую голову оно и думается легче.

Глава 29

Первое, что врывается в мое сознание это не ощущение полета, не пружинистая, влажная от росы, трава под ногами, и даже не необычайно светлая ночь, а запах. Умопомрачительный. Будоражающий сознание. Проникающий с каждым вдохом в потаенные уголки грудной клетки, наполняющий легкие, вызывающий чувство щекотки в гортани. Запах. Заставляющий жмурится от удовольствия, морща нос, и делать снова и снова глубокие вдохи. Так пахнет свобода. Так пахнет жизнь. Так пахнет воля.

Каждый поток этого аромата ощущается терпким привкусом на языке, и я готова снова и снова дышать, как в последний раз.

Прыжок, ощущение полета, приземление на необычайно ловкие, налитые силой, ноги, снова прыжок. Восхищенно замираю. Огромная ночная бабочка испуганно вспархивает с куста, трепеща прозрачными, сверкающими от пыльцы, крылышками. Разочарованно провожу ее взглядом и теперь аккуратнее приближаюсь к следующему растению, на ветвях которого сидит еще один такой же мотылек. Осторожно наклоняю к нему лицо, и он тут же чиркает меня воздушным крылышком по носу, осыпая, мерцающей в свете фонарей, пыльцой. В ноздрях тут же начинает невыносимо щекотать, я громко чихаю и трясусь головой. Насекомое мгновенно взвивается в воздух, и мне не остается ничего другого, как огорченно проследить за его полетом.

С боку садовой дорожки слышится громкий звук, словно кто-то большой и сильный с размаху наступил на сухую ветку. Испуганно подпрыгиваю – не хочу, чтоб меня видели, – и ныряю в самую гущу кустов. Светлячки, сидящие на ветвях звездным дождем осыпаются на землю. Меня так и подмывает остановиться и понаблюдать за этими чудесными жучками, но снова хрустнувшая ветка толкает вперед. Там люди. А от людей нужно прятаться, и как можно тщательнее. Они могут обидеть, могут вернуть меня обратно в мою клетку, могут доложить о моей выходке канцлеру, и тогда я больше не смогу сбежать в сад.

Несусь ветром среди кустов и деревьев, и они будто расступаются передо мной, пропуская вперед, и тут же смыкаются за спиной. Усмехаюсь про себя и бегу дальше, едва отталкиваясь ногами от земли. Порой мне кажется, что я лечу, настолько невесомо мое тело, настолько стремителен бег. С наслаждением ощущаю, как упругие мышцы перекачиваются под кожей, как слаженно работает организм, выверяя до малейших нюансов каждое движение, каждый рывок. Возбуждение охватывает тело, словно кто-то запускает под кожу мелкие колючие пузырьки. Смех замирает на губах. Нет нельзя... меня услышат. Еще один рывок, длинный прыжок. Лечу!

Почему, почему мне никто не говорил, что бегать это так приятно, что убежать бывает весело, особенно, когда ты маленькая и хитрая, а большие и умные все равно не способны тебя найти. Это игра. Жизнь игра. А играть порой забавно.

Сажусь под кустом, склоняясь почти к самой земле. От нее пахнет теплом и влагой. Я хочу тут же упасть и кататься по ней, как в детстве, заливаясь от смеха, кувыркаясь, как котенок. Но нельзя. Пока нельзя. Сейчас мимо пройдет Финн, и тогда будет можно, а пока нужно сидеть тихо и не высовываться. У оборотней отличный нюх, но и я могу кое-что сделать, чтобы сбить свой запах.

Высокий светловолосый воин становится аккурат возле меня и шумно дышит, прислушиваясь и принюхиваясь. Смех щекочет горло, и я едва сдерживаюсь, чтоб не выдать себя.

– Фройляйн Цветана! Вы здесь? – тихо зовет мужчина, но, немного постояв и так и не дождавшись ответа, бредет вперед, а я, сорвавшись с места, бегу в другую сторону. Там, притягивая запахом прохладной воды, распустившихся кувшинок, нагретых за день пышных водорослей, блестит в лунном свете озеро. И я безумно хочу к нему.

С размаху вылетаю на поляну и, не замедляя бег, бросаюсь в прохладные воды. Громкий всплеск прокатывается притихшим садом, смех замирает на губах, а с глаз мгновенно спадает пелена.

Темнота распахивает свою злобную голодную пасть, обступая меня со всех сторон. Вода кажется опасной, смолянистой и густой. Испуганно барахтаюсь на ее поверхности, словно сломанная кукла. Ноги совершенно не ощущают под собой дна, и паника накрывает меня с головой. Кажется, что там, в глубине, невидимые руки

холодными пальцами обхватывают мои лодыжки, тянут вниз. В рот заливается вода, и на секунду я оказываюсь полностью погруженная в прохладные воды пруда, но спустя мгновение все-таки выныриваю на поверхность. Каждая попытка крикнуть, оканчивается новой порцией жидкости во рту. Делая неуклюжие шлепки ладонями по тихой глади пруда, и несуразные махи ногами, кое-как выбираюсь на берег и обхватываю себя руками, откашливаясь и отфыркиваясь. Что это было? Мокрые волосы покрывалом укутывают тело, холодя кожу, заставляя дрожать не только от пережитого потрясения, но и от ночной прохлады.

– Фройляйн Цветана! – на поляну выбегает Рикерт. – Что с вами?

Поднимаю на него взгляд и тут же краснею, понимая, что полностью обнаженная. Стражник отводит взгляд и, скинув с себя плащ, заворачивает меня в теплую ткань.

– Н-н-не знаю, – стучу я зубами от холода. Засыпала я в своей постели, а проснулась посреди озера! Что со мной было? Я лунатик? – М-м-может ходила во сне?

Закусив губу, жалобно смотрю на мужчину. Он приобняв меня за плечи, увлекает в сторону замка, а, когда я тихо вскрикиваю, оттого, что наступаю на какой-то острый камешек, и вовсе подхватывает на руки.

– Может, и ходили, – соглашается он. – Только как вы прошли незаметно сквозь закрытые двери, фройляйн, – хмурится Рикерт.

– Незаметно. Сквозь закрытые двери? – изумленно поднимаю брови.

– Мы с Финном ни на минуту не отлучались. Но вы не покидали покои, фройляйн. По крайней мере, через дверь, – мрачно смотрит мне в глаза стражник.

Глава 30

Задумавшись, я не замечаю, как мы оказываемся перед входом в мои комнаты, и Рикерт, чтоб занести меня внутрь, резко толкает дверь ногой.

В гостиной на софе у стены уже сидит доктор Дитрих, нервно сжимая в руках свой саквояжик. А Рейнхард, стоящий возле окна, вскидывает на нас мрачный взгляд. В два шага он преодолевает расстояние между нами и буквально вырывает меня из рук стражника. Затем, усевшись возле лекаря, аккуратно располагает мою тушку у себя на коленях и настолько сильно сжимает в объятиях, что из моей груди вырывается сдавленный писк. Хватка немного ослабевает, а мужская рука уже тянется, чтобы распутать рулетик, коим я сейчас являюсь, по уши завернутая в плащ Рикета. Этот самый плащ почему-то очень волнует герра канцлера. Он недовольно морщит нос, пригнувшись ко мне, и настойчиво тянет за край одеяния. Я судорожно вцепляюсь похолодевшими пальцами в кромку одежды и заливаюсь краской от макушки и до самых пальцев на ногах.

– Нет! – с губ срывается испуганный возглас.

Сама мысль о том, что я сейчас предстану перед всеми, в чем мать родила, приводит в ужас. Даже то, что Рейнхард меня уже такой видел, а врачу, этому глубоко пожилому тщедушному мужчине уже лет так с тридцать все равно, не успокаивает.

– Да! – рычит мне в ухо Рейнхард, продолжая творить свое непотребство.

Куда мне справится с таким напором?

– Пожалуйста, не трогайте, – еще крепче вцепляюсь в начинающую трещать ткань, как будто я могу противостоять этому упрямому носорогу.

Глаза мужчины наливаются гневом, по-моему, он даже начинает скрежетать зубами.

– Не надо, я... я... – от страха начинаю немного заикаться, стесняясь объяснить причину, по которой я так вцепилась в эту вещь.

– Вета! – рык становится громче.

Он решительно не понимает, что со мной. А у меня словно язык прилипают к небу.

– Я голая там, – отчаянно всхлипываю, закрывая лицо ладонями, и сдаюсь на милость победителя.

– Голая, – хрипит мужчина, сразу перестав дергать край плаща. И что-то такое сквозит в его голосе, что заставляет меня изумленно вскинуть на него взгляд.

– Да, – тихо отвечаю, прижимая ладони к пылающим щекам, пока он тщательно закутывает меня обратно

– Полностью? – скептически уточняет канцлер, не отрываясь от своего дела

– А что бывает иначе? – ехидничаю, вконец осмелев. Бояться и трястись уже порядком надоело, как и чувствовать себя куклой в мужских руках.

– Дитрих, мы на минуту, – бросает Рейнхард, даже ухом не ведя в ответ на мою колкость, и скрывается со мной на руках в моей спальне. Там он, усадив меня на постель и безошибочно найдя в кресле кинутый мной халат, брезгливо сдергивает с меня чужой плащ и переодевает в более подходящую на его взгляд одежду. Затем, крепко обняв, утыкается носом мне прямо в шею и делает глубокий облегченный вдох.

– Так намного лучше, – заявляет этот деспот, и я чувствую, как его губы шевелятся, произнося эти слова. По коже пробегают мурашки, вновь пробуждая забытое чувство тяжести внизу живота. – Теперь можно и к Дитриху.

Старенький лекарь, скрупулезно меня осмотрев, снимает запотевшее пенсне, тщательно вытирает его белоснежным кружевным платочком и, водворяя прибор обратно на нос, удрученно разводит руками.

– Я не знаю, что с фройляйн Цветаной. Ее окружает странная, незнакомая мне магия, но источник этой магии я не вижу, – вздыхает Дитрих.

– Но как она тогда выбралась, – вскакивает на ноги герр канцлер и принимается мерить шагами комнату. – Такое может повториться?

Лекарь еще раз окидывает меня придирчивым взглядом и неуверенно произносит:

– Таковую возможность я бы не исключал...

Я, вжавшись в угол софы и поджав под себя ноги, с непонятным чувством злорадства смотрю на этих мужчин, во всю обсуждающих мое благополучие. Ну-ну... В душе скребется странное удовлетворение оттого, что они, такие умные и сильные, не могут найти причину моей ночной прогулки.

– Может, Вета... оборотень? – внезапно останавливается посреди комнаты Рейнхард и принимается буравить меня колючим взглядом. – Кто твои родители?

– Обычные люди! – вскидываю подбородок, не в силах скрыть в глазах отчаянный вызов. А ну-ка, разберитесь, что со мной, герр канцлер!

– Нет, звериной сущности я не чувствую в организме фройляйн Цветаны, – качает головой Дитрих. – Она на сто процентов человек. Возможно, ее заколдовали, наслали проклятие или спутали заговором...

Мужчины многозначительно переглядываются, и Рейнхард внезапно выдает.

– Значит, следующую ночь я проведу тут!

Глава 31

Рейнхард

По правде говоря я и сам от нее не чувствовал присущую всем оборотням звериную энергетику. Я, Доннар побери, ничего от нее не чувствовал! Ничего, кроме запаха этого Рикета. В первый момент, когда увидел, как стражник сжимает в своих медвежьих объятьях мою девочку, хотелось размазать его по стенке. В ту же секунду. Моментально. Я даже ощутил, как невольно удлиняются ногти на сжатых в кулаки руках, разрезая кожу на ладонях.

Рикет оказался понятливым малым, и поспешно ретировался от моего гнева, а я успокоился лишь тогда, когда моя Вета, наконец, оказалась у меня на коленях. Только плащ этот продолжал жутко раздражать. Запах другого самца возле моей Избранной запустил новый виток ярости. Желание сорвать с нее все это и сжечь, дотла сжечь, и пепел по ветру развеять, красной пеленой застилало глаза.

Но малышка с такой отчаянной решимостью вцепилась в эти тряпки, что мой гнев просто достиг апогея, а потом как удар копытом под дых. Обнаженная? Полностью под этими тряпками. И как-то слишком отчетливо начали ощущаться нежные изгибы ее фигуры, и очень неоднозначный характер приобретать это ее невинное ерзанье на моих коленях. Помню, какую белиберду я нес, дабы успокоить перепуганную Вету в ванной, но на самом-то деле ее тело мне кажется идеальным, совершенным и самым соблазнительным во всех мирах.

А уж мой волк и подавно чихать хотел на всех и вся, главной мыслью в голове у него было уволочь свою добычу, и подальше, а там... Неимоверным усилием приходится одергивать своего зверя и брать себя в руки, сохраняя ясность и трезвость рассуждений.

Значит, не оборотень. Что ж. Придется тогда немного покараулить, раз уж мои лучшие люди с этим не справились. Волк довольно урчит, да и я не могу скрыть легкую улыбку. Только Цветана по-прежнему жмет к спинке софы и смотрит на меня с непонятым выражением глаз.

Остаток ночи провожу на жестком неудобном диване в гостиной – боюсь, если бы я провел это время со своей Избранной в одной комнате, инстинкты бы взвыли, а закреплять сейчас нашу связь консумацией явно не с руки – но Вета никуда больше не пропадает и спокойно досыпает, мило улыбаясь во сне. Каюсь, я не раз захожу к ней, исключительно дабы убедиться, что объект охраны на месте. Без этого регулярного ритуала ни я, ни мой волк не можем ни на чем сосредоточиться. А поскольку на софе спать невозможно, то пересмотреть документы, переданные мне министром финансов вполне разумно – не терять же время впустую. Приходится каждый час тихо открывать дверь и проскальзывать в комнату, ради спокойствия и ее, и нашего, ну и естественно, плодотворной работы.

А вот на следующую ночь Цветана снова исчезает. Причем будит меня от сладкого сна – диван не кажется уже таким чудовищно неудобным, – мой волк, тихо завывая на задворках сознания.

Прочесывая сад, не могу отделаться, что меня ловко обводят вокруг пальца. Спал сном безгрешного младенца не только я, но и стража у двери. И сколько бы длилось это непотребство, не взвой моя вторая ипостась, которая намного лучше чувствует пару, не известно. Сейчас же я уверен, прошло от силы несколько минут, как маленькая чертовка покинула спальню. Простыни еще хранят тепло ее тела и тонкий едва различимый аромат, но в саду я его не чувствую, приходится полагаться на инстинкты пары. Невидимая нить, соединившая наши души четко указывает, где искать беглянку, поскольку звериные чувства, похоже, в этом деле бессильны.

Это колдовство меня невероятно беспокоит, с таким я никогда в жизни не встречался. Теперь я тоже явственно ощущаю тот флер незнакомой магии, о котором упоминал Дитрих. Но где же ее источник, так ловко укрывающий Цветану от поисковых заклятий и чутья зверя?

Нахожу я свою девочку снова возле того самого озера, немного испуганную, растерянную и полностью обнаженную. Волк глухо рычит, пока я укутываю ее, на этот раз в свой уже плащ, и довольно скалится, пока я веду Цветану домой. Теперь на ней будет мой запах и только мой. Радует также то, что в этот раз Вета хоть в воду не заходила, хотя и стояла у самой кромки, напоминая сотканную из лунного света и воды русалку. На мгновение кажется, что она сейчас

просто исчезнет, растворится в ночном тумане, оставив после себя глухую пустоту в душе и болезненную зияющую рану в сердце. Но Цветана остается на месте, лишь кидает на меня взор, в котором читается недоумение, приправленное легкой, едва заметной насмешкой.

– Вы будете меня ругать? – то ли от холода, то ли от страха, стучит зубами девушка. – Я, правда, не хотела убежать.

– Не буду, – устало вздыхаю, прижимая к себе дрожащую ношу. – Но меня беспокоит то, что с тобой творится.

– Меня тоже, – опускает глаза Цветана, копируя мой вздох. – Теперь вы все время будете у меня спать?

– А как же, – криво улыбаюсь, предвкушая совместную ночь. – И боюсь, что намного ближе, чем в первый раз, поскольку тебе снова удалось улизнуть.

– Ближе? – вскидывает на меня взволнованный взгляд моя пара. Но в его глубине я вижу совсем не страх. Только вот что, понять пока не могу.

Глава 32

Цветана

Ох, мало того, что этого невыносимый герр канцлер оккупировал мою гостиную, так теперь, он еще и ехидно улыбаясь, заявляет, что ночи будет проводить в моей спальне. У меня не то что слов не хватает ответить на его бескомпромиссное заявление, а даже эмоций никаких не хватает. Вернее, наоборот, эмоций-то полным полно и всяких-разных, я чувствую, что сейчас прямо взорвусь от их неудержимого бурления у меня внутри, но высказаться вот так с ходу, облечь в слова то, что чувствую, не получается. А в таком случае лучше помолчать.

Не скажу, что меня не терзают беспокойством мои ночные прогулки в неглиже, но отчего-то я не ощущаю опасности, скорее наоборот, словно отвоевываю какую-то едва заметную, совсем не значимую частичку своей свободы, а уж то, как они волнуют герра канцлера, это вдвойне приятно.

Усталый Дитрих, в который раз проводя по мне светящимися ладонями, заключает, что с моим молодым и цветущим организмом все в порядке. Только этот ответ Рейнхарда ни капли не удовлетворяет. Он сначала награждает гневным взглядом смущенного старика, как будто подозревая того в некомпетентности, затем и мне достается, пару суровых и весьма красноречивых взоров, а уж как смотрит разъяренный оборотень на притихшую стражу у дверей, тут и говорить нечего. Подозреваю, если бы он и сам не попал под воздействие неведомой магии, сладко заснув на посту, но несчастным Финну и Рикету было бы несдобровать, а так проштрафились все бдящие в равной степени.

Как по мне, то я чувствую себя просто прекрасно и, с позволения лекаря, спокойно отправляюсь спать. А спустя несколько минут с другого края кровати матрас ощутимо прогибается. Сон как рукой снимает.

Подпрыгиваю на постели и резко поворачиваюсь. Так и есть. Уважаемый герр канцлер, вальяжно развалившись поверх покрывала, преспокойно просматривает какие-то бумаги.

– Что вы тут делаете? – вскидываю брови.

Когда Рейнхард упоминал, что будет ближе, лично я предполагала, что имелась в виду оттоманка, стоящая возле окна.

– Неужели не понятно, – отвечает мне точно таким же изумленным взглядом мужчина. – Работаю. Между прочим, на твоей кровати это делать гораздо удобнее, как оказывается, чем на диване в гостиной.

– Почему тут? – мое недоумение ни на йоту не сменяется пониманием. – Есть же тахта. Там и света побольше.

– Нет, милая моя, – ухмыляется оборотень. – Боюсь, что быть дальше, чем на метр от тебя чревато твоим новым путешествием. А света мне и тут предостаточно.

Горький комок возмущения застревает в горле и вырывается наружу легким покашливанием. Что ж, хватает значит, удобно значит... Ну, и мне удобно. Постель вон какая большая, метра три в ширину, мы вполне можем и не пересекаться. А спать мне хочется гораздо больше, чем пререкаться, тем более, зная, что все равно окажусь поверженной стороной, задавленной опытом искусного оратора, который на спорах собаку съел.

– Вот и умничка, – летит мне в спину, когда я, не скрывая своего недовольства, поворачиваюсь на бок и натягиваю одеяло по самые уши.

Сдерживая колкость, рвущуюся с языка, обнимаю мягкую подушку и утыкаюсь в нее носом. Присутствие этого мужчины настолько рядом волнует меня и будоражит. В голове вертятся странные образы и мысли, которые заставляют меня краснеть до самой кромки волос.

Прижавшись пылающим лицом к прохладному шелку наволочки, хоть как-то пытаюсь остудить свое возбужденное сознание и охладить горящую кожу. Каждый раз, слыша легкое поскрипывание матраса под его телом, шорох переворачиваемых страниц, тихое дыхание, сладкий узел внизу живота стягивается еще плотнее, и волна томления прокатывается по телу так, словно пальцы Рейнхарда пробегают по моей коже, а не по гладкой поверхности листа, который он читает.

Порой мне кажется, что я чувствую его взгляд, и тонкие волоски на затылке становятся дыбом, тогда мое дыхание замирает в предвкушении. Я, словно жду чего-то, жду, что вместо взгляда

скользящего по моей спине, скрытой шелком покрывала, пройдет его теплая рука, лаская нежную кожу, задевая чувствительные точки на позвоночнике и пояснице, лелея и поглаживая. А, спустя несколько секунд, ощущение пропадает, и с ним постыдное желание, но лишь для того, чтобы через время появится вновь.

Уму непостижимо, как при таком возбужденном сознании, я таки умудряюсь провалиться в крепкий, лишенный сновидений сон.

А утро заставляет меня снова краснеть до корней волос, ибо первое, что чувствую после пробуждения это невыносимый обжигающий жар, исходящий от тела, которое я оплела руками и ногами, будто виноградная лоза. Мой нос четко упирается в яремную впадинку между ключицами Рейнхарда, а голова покоится на его груди. Жесткие волоски щекочут нежную кожу лица, и я неосознанно потираюсь щекой о его грудь.

– Доброе утро, – звучит хриплый голос.

Я несмело поднимаю голову и встречаюсь глазами с горящим и слегка насмешливым взглядом герра канцлера, который умудряется до сих пор держать в руках документы и скрупулезно их изучать, несмотря на то, что я так нахально оккупировала его тело.

Глава 33

– Доброе, – сомневаюсь я и потихоньку пытаюсь отползти. Когда это он успел рубашку снять?

Крепкая рука тут же обвивает мою талию и водворяет на место.

– Не ерзай так, – хриплым голосом шепчет мне прямо на ухо герр канцлер. Забытые документы немым укором возлежат на покрывале.

– Как так? – непонимающе уточняю, будто можно по-разному ерзать, и естественно не оставляю своих попыток выбраться на свободу.

– Соблазнительно, – заявляет этот нахал, продолжая крепко прижимать к своему горячему телу и умудряясь при этом выписывать на моей пояснице большим пальцем замысловатые узоры. Кожа в том месте горит огнем, а внутри все пульсирует от сладостного томления.

Усилием воли сбрасываю с себя это наваждение и вырываюсь из мертвой хватки нахального оборотня. Он лишь посмеивается в ответ на мой гневный взгляд, а у меня закрадывается серьезное такое ощущение, что освободиться мне просто позволили, и в том, что я сейчас гордо стою, возмущенная и мечущая глазами молнии, нет ни капли моей заслуги.

Совместный завтрак проходит в молчании. Рейнхард время от времени прячет лукавую улыбку и невозмутимо уплетает яичницу с беконом, а я тихо сражаюсь с собственным чувством уязвленного достоинства и легкого опасения. Ибо даже и думать неловко, к чему могут привести такие совместные ночи. Усложнять между нами отношения интимной близостью будет верхом глупости, ведь планы о побеге из головы я не выкинула, а даже наоборот, существенно продвинулась в исполнении своих замыслов.

Информацию приходится собирать по крупицам и из разных источников. Но самым большим кладезем нужных знаний для меня оказывается Лизхен. Открыто спрашивать девушку я, конечно, не отваживаюсь, дабы не вызвать подозрения, но служанка оказывается той еще болтуньей и с радостью вываливает на меня кучу ненужных

сведений, среди которых, как это не удивительно, я нахожу много важного и полезного.

Вот тут удача воистину поворачивается ко мне передом. Оказывается родная сестра Лизхен, талантливая магичка, специализирующаяся как раз таки на порталах и работающая подмастерьем у одного из лучших порталщиков столицы. Служанка с такой гордостью и неиссякаемым энтузиазмом рассказывает о своей талантливой родственнице, будто сама приложила руку к ее заслугам. Мне и делать ничего не нужно, лишь иногда задавать подходящие вопросы, дабы направить словесный поток моей собеседницы в нужное мне русло.

Именно в такие моменты мои фантазии о побеге приобретают более четкие очертания, превращаясь в серьезный и основательный план.

О городе я узнаю от Дитриха, у которого с недавних пор появилась новая обязанность утром и вечером осматривать меня на предмет странных и столь волнующих герра канцлера магических эманаций, которые окружают меня, словно коконом. Стоит мне лишь невзначай вздохнуть о том, что прекрасную столицу королевства я так и не видела, как добрый старичок тут же принимается расписывать ее красоты и достопримечательности.

О безопасности в этой самой столице сообщают господа стражники, я лишь заикаюсь о том, какие они смелые и сильные, и что с такими воинами даже ночью по улице не страшно пройтись, как те, выпятив грудь, гордо приосаниваются, и заверяют, что на улицах и так порядок, даже темной ночью. За этим следят зорко и неусыпно, а нарушителей жестоко карают. Даже ворье, и то с недавних пор притихло, стоило герру канцлеру взойти на пост и поувольнять половину министерства безопасности. Теперь мелкое отребье безжалостно гоняет городская стража, выслуживаясь перед новым начальством.

Дня три у меня уходит на то, чтобы собрать нужные сведения и наметить план действий. Ночи же приходится невольно посвятить странным прогулкам, о которых я ничего не помню, кроме стремительного бега и ощущения свободы.

Но в эту ночь все не так, в эту ночь все немного по-другому. Затуманенное неясными желаниями и инстинктами сознание,

просыпается намного раньше. Сегодня я не плутаю по саду, не гоняю бабочек и светлячков, не зарываюсь носом в пушистые, пахнущие медом середки распустившихся цветов. Сегодня я сразу же бегу к озеру.

Его гладь манит меня, как магнит, и сердце, бьющееся в груди, словно пойманная птица, успокаивается только тогда, когда до моих ног дотрагивается кромка прохладной, пахнувшей водорослями воды.

Яркая полная луна пронизывает все вокруг серебристым холодным светом и для меня сейчас в саду светло, будто бы днем.

Впервые с тех пор, как это начало со мной происходить, у меня есть возможность разглядеть свое отражение. Теперь-то я могу понять, что тело мое чувствуется как-то иначе, по-другому, и мне не терпится себя увидеть. Волнение зудит где-то на подкорке. Мне страшно и любопытно одновременно. В груди все замирает, и я даже зажмуриваю глаза, хоть и спешу склониться над поверхностью пруда, ровной и гладкой, словно зеркало.

– Цветана, не трусь! Ты должна, – даю себе мысленный пинок и широко распахиваю веки.

Глава 34

Поверхность воды рябит под легким дуновением ветерка, но то, что на меня смотрит не человек видно сразу. Темная шерсть животного переливается в лунном свете, а круглые бусины глазок, похожих на ягоды терна, сияют немного потусторонним и слегка пугающим блеском. Это что я?

Склоняю голову на бок, и отражение тут же повторяет за мной. Забавно и немного курьезно. Кем же мне выпало быть? Зверек похож на песика, с торчащими ушками, остренькой мордочкой, но вот хвост... Таких хвостов у “друга человека” я не видела. Он огромный, пушистый и совсем-совсем не собачий. Может лисий? Только... разве бывают черные лисицы?

Вдоволь налюбовавшись собой, немного попрыгав по душистой траве, проверяя работу мышц, погоняв за своим хвостом, и так и не поймав оный, устало ложусь на землю.

Превращение себя из человека в зверя воспринимается как-то удивительно легко и беззаботно. А как обратно? Раньше у меня это получалось само собой, пока мозг был затуманен инстинктами, но теперь-то мой разум при мне...

Снова поднимаюсь на ноги и, потоптавшись, принимаю напряженную позу, а вдруг повезет, и я силой мысли сейчас стану собой. Но сколько не пыжусь, а лисий хвост и дальше нервно выстукивает по земле. Может через голову перекинуться, так вроде в сказках было. Тихо усмехаюсь про себя, делаю кувырок, за ним еще один. Весело, но... бесполезно. Развлечение я себе нашла, а вот обратно свое обличие не получила. Разочарованно плюхаюсь на попу и обвиваю лапы пушистым хвостом.

Внутри просыпается легкое беспокойство. Сколько уже времени я тут проказничаю? Сейчас снова примутся меня искать и увидят такой. Умение превращаться в животное это огромный плюс, мой козырь в рукаве, оно существенно облегчит побег, но... без обратного обретения своей внешности это совершенно пропавший вариант.

Взгляд скользит по поверхности пруда. Сразу за ним возвышается огромный высокий каменный забор. Такой мне ни в людском, ни в лисьем облике не преодолеть. Это одна из брешей в моем плане, которую я еще не придумала, как восполнить.

Легкий плеск воды заставляет вздрогнуть, затем глаза цепляются за небольшую водоплавающее животное, чем-то напоминающее выдру, которая непонятно как возникла на озере. Зверек преспокойно принимается нырять за рыбой, и с жадностью ее поглощать. Серебристые спинки маленьких карасиков мерцают в лунном свете и быстро исчезают в прожорливом рту животного.

Откуда она взялась? Разве в саду водятся выдры? Резко вскакиваю на ноги и впериваюсь взглядом в мелкого хищника. Тот, услышав мою возню, скидывает головку, увенчанную маленькими кругленькими ушками, и темной молнией бросается к противоположному берегу. Подбегаю поближе к кромке воды, мысленно благодаря ночное зрение, и замечаю, что зверушка словно просачивается сквозь каменную кладку. Но это ведь нереально! Животное было полностью материальным, кушало несчастных рыбешек вполне себе с аппетитом, еще и причавкивало. Значит... значит, там имеется лаз!

На радостях даже пританцовывать начинаю. Вот и почти решила проблема. Главное, чтоб брешь в ограде была достаточно большой и для лисы. Удовлетворенно потягиваюсь, чувствуя, как приятно распрямляются немного уставшие конечности и ноющая от кувырков спина. Ощущается приятный хруст, словно все мои косточки становятся на места, и спустя секунду я уже смотрю на вполне себе человеческие ладошки, свои ладошки, шрам на безымянном пальце явно указывает на это. Получилось? Получилось! Не знаю, как, но получилось!

Кожа тут же покрывается мурашками от холода. М-да, что-то я не подумала об этой маленькой проблемке, а ведь в звериной шкурке я совсем не чувствовала ночной прохлады. Без звериного зрения, кажется на мгновение, что я ослепла, настолько густа темнота, которая меня окружает. Уши, словно заложило ватой, а нос распух от насморка, запахи не ощущаются совсем. Может, обратно попробовать?

Я снова потягиваюсь, ощущая приятный зуд в мышцах, мягкие взмахи пушистого хвоста, ветер, пробегающий по густой длинной шерсти. Запахи, звуки – все снова становится острее, четче. Сад тут же

заполняется серым светом, которого вполне достаточно, чтобы видеть все вокруг.

Тихо радуюсь своей маленькой победе и, не теряя времени даром, припускаю к замку. Найти свои окна совсем не составляет труда – только они во всем замке распахнуты настежь, а возле них, почти касаясь листьями подоконника, призывно помахивает веткой старый дуб.

Почему-то, даже не задумываясь о том, что делаю, лишь набираю сильнее разгон и взбегаю по чуть наклонному стволу. Легко цепляясь когтями за шершавую кору, осторожно прохожу по ветке, которая растет напротив моего окна, и ловко перепрыгиваю на подоконник, игнорируя последние метры и предпочитая не рисковать – слишком уж она тонка на конце и опасно прогибается под моим весом.

В комнате тихо, лишь слышится мерное сопение моего сторожа, да громкий храп стажи у двери. Но когда мои лапы ступают на мягкий ворс ковра, дыхание Рейнхарда сбивается, а его рука начинает ощупывать мою подушку. Ищет! Ищет и не находит! Ресницы мужчины начинают дрожать, указывая на то, что в любую минуту герр канцлер может проснуться.

Быстро потянувшись, сбрасываю с себя личину зверя, восхитившись тем, насколько легко это у меня получилось, и делаю шаг к кровати. На полу валяется моя ночнушка, и я, не долго думая, живо накидываю ее на себя. И как только мягкая ткань, скользя по телу, падает вниз, глаза Рейнхарда широко распахиваются.

– Вета? – хрипло произносит он, потирая заспанное лицо. – Ты почему встала?

– В туалет ходила, – ворчу я и быстро ныряю под одеяло, поворачиваясь к мужчине спиной. Уж очень соблазнительно и как-то по-домашнему уютно выглядит герр канцлер в моей постели. Безжалостно давлю нотки умиления в своем сердце и невыносимое желание прильнуть к широкой мужской груди, ни к чему хорошему эти чувства не приведут. Нужно их уничтожить в корне, пока не стало слишком поздно, ибо похоже я начинаю увлекаться этим человеком. Если уже не увлеклась...

Глава 35

– И вот только у мадам Фалько нужно покупать головные уборы, – трещит Николь, изящно отламывая ложечкой кусочек пирожного и отправляя его в рот. Ее высочество забежала ко мне на утренний чай, ну и развлечь меня беседой. – А то, представь на минуточку, я и Анна в одинаковых шляпках. Это же моветон!

Сочувственно киваю, изображая искреннее участие. Две одинаковых шляпки на прогулке в городском парке. Кошмар-кошмар!

– А у тебя как день прошел? – быстро меняет тему принцесса. – Я слышала, тебе нездоровилось. Даже Дитрих и Рейн дежурили ночью...

Вскидываю на нее осторожный взгляд, вот умеет ее высочество подловить. Если бы я не была склонна взвешивать каждое слово, обязательно рано или поздно попала на ее удочку.

– Да, приболела, – отпиваю из чашки чай, стараясь скрыть истинные эмоции. Тут я ступаю по тонкому льду, ведь мои умные и рассудительные тюремщики так и не удосужились объяснить мне, какую версию моего недуга предпочли всем озвучить. И что мне делать, если Николь спросит, чем я больна?

– А что у тебя было? Это ведь не заразно, – не разочаровывает меня в моих ожиданиях принцесса.

Медленно опускаю чашку на блюдце, давая себе время подумать, промакиваю губы салфеткой и поднимаю на свою собеседницу глаза.

– Нет. Совершенно не заразно, – медленно отвечаю, от всей души желая, чтоб принцесса удовлетворилась этим ответом. Но Николь была б не Николь, если бы не принялась докапываться до конца.

– Тогда, что с тобой? Нервы? Лихорадка, – глаза ее высочества блестят любопытством. Она даже подается вперед, буравя меня пронзительным взглядом.

– Ничего из вышеперечисленного, – пожимаю плечами. – Просто хожу во сне и могу себя покалечить. Вот и все.

Я, естественно, не планировала открывать Николь свою тайну, но лучше сказать частично правду, чем придумывать что-то новое. Тем более, вдруг она меня видела во время моих загадочных прогулок. Я

лишь уповаю на то, что черную лису внимательная принцесса все же не заметила.

– А я-то думаю, почему ты несколько дней назад ночью со стражником в саду была, – тут же подтверждает мои догадки девушка. – Еще и намекнуть хотела, чтоб ты была поосторожнее со свиданиями. У нас-то это, конечно, не запрещено... – делает она многозначительную паузу. – Но не с охранником же, Цветана. Помни о приличиях, ты – аристократка, а он всего лишь гвардеец.

По губам Николь скользит кривая улыбка, а затем ее взгляд падает на замершего у двери Рикета.

– Хотя, открою тебе правду, – театральным шепотом откровенничает принцесса. – Я б и сама с таким экземпляром прогулялась в сумерках в саду.

Мои щеки вспыхивают румянцем, я просто теряюсь с ответом, не зная, что сказать, и кидаю быстрый взгляд на Рикета. Но на лице стражника по-прежнему застывшая бесстрастная маска, хотя я уверена, он слышал все до единого звука.

Смущенно откашливаюсь, снова отпиваю чай, давая себе время переварить откровенность Николь, и не нахожу ничего лучшего, чем перевести разговор на другую тему.

– Так у кого, говоришь, стоит заказывать шляпки? – беру и себе небольшое пирожное.

– У мадам Фалько, – принимает беззаботный вид моя собеседница, словно только что из ее уст не звучало это шокирующее заявление. – А белье у герра Вассермана. Оно там просто потрясающее. Я очень люблю ходить по магазинам, хотя могу себе позволить заказать модистку сюда. Только это довольно-таки скучно... и не так азартно... Ты не находишь?

– Да, конечно, – задумчиво изрекаю. – А по ювелирным лавкам ты тоже любишь ходить? – начинаю прощупывать почву в нужном мне направлении.

– А как же. Нужно же папе подсказать, какие подарки я хочу на праздники, – звонко смеется Николь. Тоже улыбаюсь в ответ, зная, что от меня никаких слов не требуется. – Есть один мастер, герр Вайс, он просто восхитительные делает украшения. Великосветские курицы предпочитают герра Розенблюма, но... – прерывается Николь, чтобы отпить чай. – Но у Розенблюма украшения... они... ну, обычные. А у

Вайса уникальные. Делаете ли ты заказ или покупаете готовые – не важно, можете быть уверены, что другого такого ни у кого не будет.

– А если тебе не понравился гарнитур, – осторожно начинаю я. – Или, скажем, повредился.

– О, с этим проблем нет, – машет рукой принцесса. – Можете сдать обратно, только получите мизер денег, десятую часть, не больше, ведь герр Вайс это украшение уже никому не продаст, а будет переделывать на новое, уникальное.

Я задумчиво отламываю кусочек сладости и отправляю в рот. Допустим мне много и не нужно, главное оплатить переход. Гарнитур стоит целое состояние. В том, что он из мастерской Вайса я убедилась по фирменному знаку и на коробочке, и на бирке, прикрепленной к каждому элементу гарнитура.

Брат украшения мне очень неловко, чувствую себя воровкой, хотя это и подарок. Я уже несколько дней сражаюсь со своей совестью, и навожу различные доводы рассудка, стремясь ее успокоить. Но пока получается плохо. Либо я беру подарок, и за эти деньги возвращаюсь домой, либо я остаюсь навеки тут, окончательно влюбляюсь в невыносимого герра канцлера, и выхожу замуж по его указке за какого-нибудь престарелого аристократа, чтобы всю жизнь сидеть дома, вышивать и вынашивать его детей, рожая каждый год по наследнику рода. Совесть, тихо скуля, уползает на задворки сознания. Говорят же – наглость второе счастье. В моем случае не наглость, а бессовестность...

– А где его лавка находится. Наверное, далеко от дворца... – тихо вздыхаю. – Мне бы тоже хотелось там побывать.

– Ой, совсем недалеко, – восклицает принцесса и принимается быстро объяснять мне, где найти этого Вайса. – А может, я папу уговорю отпустить нас вдвоем, – мечтательно тянет она. Но я уже ее не слушаю, узнав, что мне нужно. Теперь в моей голове крутится лишь план побега. И осуществлять этот самый побег мне придется, судя по всему, уже следующей ночью. А эту попытку никуда не исчезать, сдерживая инстинкты лисы, дабы хоть немного усыпить бдительность моих стражей...

Глава 36

Николь еще минут десять развлекает меня пустой болтовней, а затем удаляется на ежедневную прогулку по саду, не забыв при этом посетовать, что мне пока не позволительно к ней присоединиться. Я сокрушенно вздыхаю, всем своим видом выражая печаль, а внутренне уже прикидываю планы на сегодня, и как только за ее высочеством закрывается дверь, сразу же приступаю к их исполнению.

Сначала демонстративно зеваю, прикрывая рот ладонью, еще некоторое время на виду у Лизхен восседаю на своем привычном подоконнике, бездумно созерцая растительное изобилие в саду, тоже не забывая время от времени позевывать, после чего, сладко потянувшись, возвещаю:

– Лизхен, пожалуй, я пойду вздремну. Не выспалась этой ночью.

Служанка, убирающая со стола, кидает на меня немного подозрительный и слегка высокомерный взгляд и уточняет.

– К вам никого не пускать?

Делаю вид, что не заметила ее откровенного снисхождения, продолжая притворяться наивной и беспечной. Никто даже и на секунду не должен усомниться в том, что я смирилась с судьбой. Мне кажется, что Лизхен знает намного больше, чем, к примеру, та же самая принцесса, хотя и играет роль простоватой и грубой служанки. Знал бы кто, как мне надоели эти маски, кулуарные игрища, ужимки и жеманство, когда проживаешь каждый день, словно проходишь минное поле...

– Да, пожалуйста, – мило улыбаюсь, скрывая бушующее внутри негодование, и направляясь в комнату. – Помоги, будь добра, с корсажем на платье, и тоже можешь быть свободна.

– Вас будить прикажете? – интересуется Лизхен, пока мы идем в комнату.

Делаю вид, что задумываюсь, хотя на самом деле я уже давно решила, что такой вариант лучше всего подходит для моего замысла. Если я назову конкретное время, то служанка постарается не

тревожить меня до обозначенного часа, а я буду чувствовать себя свободнее, занимаясь на самом деле тем, чем мне нужно.

Дверь за нашими спинами с глухим стуком закрывается, отрезая меня от пространства гостиной. Рикет, к счастью, уже вышел. Как правило, он присутствует в моих покоях, только во время визитов Николь. И это тоже весьма настораживает и подстегивает к побегу...

– Скорее всего, да, – киваю, ощущая, как воздух заполняет легкие. Мелкие пуговицы на спине уже расстегнуты, и Лизхен принимается расшнуровывать корсет. Он хоть и не такой жесткий, как было принято в нашем мире, но все же немного затрудняет дыхание.

Оставшись в сорочке, тут же ныряю под одеяло и, попросив задернуть шторы, прикрываю глаза, всем своим видом демонстрируя желание поскорее нырнуть в объятия Морфея. Лизхен еще немного потоптавшись, уходит, аккуратно прикрывая за собой двери. Я, для верности, жду еще минут двадцать, а затем тихо поднимаюсь и топаю к своему гардеробу.

Мне нужно подобрать наиболее скромный наряд, чтоб я не слишком выделялась среди толпы. Внимательно перебираю вешалки с платьями, тут же отодвигая в сторону шелковые, атласные и бархатные. Такого изобилия одежды в шкафу я не видела ни у одного из моих знакомых, хотя некоторые из них были очень даже при деньгах. Более того, я даже по пальцам могу перечислить магазины, которые могли бы посоперничать с моим гардеробом.

На секунду чувствую виноватый укол в сердце – он вон как обо мне заботится, денег не жалеет на женские безделушки и прихоти, хотя я ничего и не просила – но тут же отмахиваюсь. Это всего лишь вещи, а за вещи меня не купить. Они не заменят ни любящую семью, ни любимого мужчину, ни желанных детей от него, ни свободы. Не все продается... и я тому подтверждение.

Наконец в руки попадает довольно-таки скромное графитово-серое платье. Его не украшают ни вышивка, ни камни, лишь кипенно-белое кружево по вороту, манжетам и подолу, но такое тонкое, невесомое, как паутинка, и потрясающе прекрасное. Я даже колеблюсь вначале и откладываю наряд, в надежде подобрать что-то более подходящее, что не так жало. Но, к сожалению, вся остальная одежда пестрит разнообразием цветов, вышивки, камней и жемчуга. В таком мне на улице точно не стоит показываться.

Рука слегка дрожит, когда я подношу к кружеву ножницы, но приходится обуздать свои неуместные эмоции. Это всего лишь платье, и ничего больше. А я хочу домой, на кону моя жизнь, и не стоит об этом забывать. Острые лезвия легко подцепляют ниточки и сантиметр за сантиметром освобождают наряд от его потрясающего украшения, затем я легко, буквально в несколько стежков, закрепляю края, чтобы не торчали нитки.

Закончив, примеряю обновку на себя и остаюсь вполне довольной своим тусклым и неприметным видом. Кружево, чтобы его никто не заметил, прячу в карман платья, а сам наряд сворачиваю в небольшой рулончик и, наступая на полки этажерки для обуви, как на ступеньки лестницы, закидываю одежду на самый ее верх. Судя по пыли, туда испокон веков никто не заглядывал. Полдела сделано. Но несмотря на мои ухищрения и портняжные умения ткань-то все равно выглядит дорогой и с этим нужно что-то решать.

Тихо возвращаюсь в комнату и, спрятав ножницы и иголку с ниткой обратно в шкатулку для вышивки, принимаюсь осматриваться по сторонам. Взгляд невольно падает на передник и чепчик Лизхен, небрежно оставленные на тахте у окна. Такая неаккуратность, скорее всего, не очень уместна. И какая-нибудь другая фройляйн, не я, тут же сделала бы невнимательной служанке выговор. Хотя, возможно, что у другой фройляйн Лизхен и не оставляла бы свои вещи где не попадя. Но мне сейчас это как раз таки и радует. Белый чепец и фартук отлично помогут меня скрыть, они ничем не отличаются от других точно таких же служебных элементов одежды, и я на первый взгляд вполне сойду за служащую любого аристократического дома. А такие люди в толпе более чем невзрачны.

Быстро схватив находку, закидываю ее к своему платью на этажерку, и, увидев, что до часа пробудки осталось буквально десять минут, быстро ложусь в кровать, укрываясь по самые уши одеялом.

Глава 37

Ровно через десять минут, секунда в секунду, дверь отворяется и в комнату тихо проскальзывает Лизхен. Она на цыпочках подходит к окну, раскрывает тяжелые парчовые шторы, впуская в комнату яркий солнечный свет, и лишь затем приближается ко мне и легонько трясет за плечо.

– Фройляйн! Фройляйн Цветана! Проснитесь!

Я медленно открываю глаза, потягиваюсь, переворачиваясь на спину, и недоуменно хлопаю ресницами.

– Уже пора? – невинно спрашиваю, стараясь придать голосу заспанную хриплость и сонливую тягучесть.

– Да, фройляйн. Пора, – кивает служанка. Она очень придирчиво осматривает меня, выискивая малейшие признаки притворства и неискренности, но мой вид остается все таким же безмятежным и слегка сонным.

Внутренне я даже восхищаюсь тем, настолько искусно и естественно у меня получается притворяться и хитрить. Раньше я и слова неправды не могла выдать, чтобы не покраснеть, как свекла. Теперь же ложь слетает с моих губ легко и непринужденно, и это заставляет задуматься – не лисья ли сущность мне помогает?

Словно нехотя, поднимаюсь с постели и шлепаю босыми ногами в ванную комнату, чтобы показательно освежиться после дневного сна. К моей легенде никто не должен подкопаться.

Вода и впрямь творит чудеса, я хоть и не спала, но пару раз плеснув себе в лицо, все равно начинаю ощущать бодрость и свежесть. А усталость, глухая тоска и ставшее уже привычным беспокойство отступает, вместо него тело наполняется бурлящей энергией и нетерпением. Моя б воля, я уже сейчас бы бежала, прямо этой ночью. Но я понимаю, что мне нужно время. Торопится в таком деле, не менее опасно, чем затягивать.

К вечеру мой оптимизм и горячий энтузиазм несколько поубавляется, а на его место приходит страх. Что случится, если меня поймут? Если я снова попаду в руки герра канцлера? Больше он со

мной не будет носиться, как курица с яйцом. Я же понимаю, что сейчас у меня весьма привилегированное положение, а ведь может быть и иначе. Холодок пробегает по сердцу, заставляя поежиться. Где-то глубоко в душе закрадывается мелкая трусливая мыслишка, что может и не стоит затевать все это. Но я быстро ее отбрасываю. У меня есть маленький шанс, огромное преимущество и проработанный план, что может пойти не так?

Ночь потихоньку зажигает на небе звезды, дневная тишина сада, наполняется обычными для такой поры шорохами и звуками, которые доносятся сквозь открытое окно. Где-то там кипит, бурлит и бует жизнь. Она манит меня, зовет, притягивает настолько сильно, что я буквально ощущаю зуд под кожей и острое желание вновь обрести силу и ловкость зверя. Но когда знакомая приятная волна превращения пробегает по телу, тут же одергиваю себя и поспешно захлопываю оконную створку. Соблазн оказывается настолько велик, что я едва не попалась. Если бы Рейнхард увидел меня в обличии лисы, то это перечеркнуло бы весь мой план. Нельзя себя вести так безрассудно.

Тихо хлопает дверь в гостиной, слышатся тихие шаги и приглушенный разговор. Это Дитрих встречает герра канцлера, чтобы доложить о моем самочувствии. Лекаря несказанно обеспокоил мой дневной сон, и он после обеда тут же примчался меня осматривать. А затем еще и вечером, чтоб уж наверняка. Такая навязчивая забота и внимание меня невероятно угнетают, душат. Появляется ощущение, что ко мне относятся, как к маленькому несмышленому ребенку. Но я-то ведь давно уже взрослая девушка.

Голоса не стихают, разговор, судя по всему, затягивается, и я невольно наостряю уши, при чем буквально наостряю. Каким-то образом мне удастся задействовать лисий слух. Я на самом деле ощущаю, как мои человеческие уши начинают улавливать те звуки, которые я раньше не смогла бы услышать.

– Полагаю, здесь замешана больше психология, герр канцлер, – мягко говорит Дитрих. – Девочка не показывает, но она напугана.

– Чем это, позвольте спросить, – хмыкает Рейнхард. Я буквально вижу, как его губы при этом искривляются в скептической улыбке. – Я ее не обижаю, забочусь. Цацек этих, женских, накупил. Чего ей бояться? Она даже дерзить мне начала. Торговаться. Так несчастные испуганные жертвы себя не ведут.

Прикрываю рот ладонью, чтобы не выдать срывающийся с языка возмущенный возглас. Бесчувственный чурбан! И вообще, когда это я дерзила?

– Это вполне может быть признаком страха, – возражает доктор. – Поймите и ее. Она оказалась в новом мире, в новом доме, человек среди оборотней. Она не понимает, что вы от нее хотите, не знает, чего ей ждать. Вы бы поговорили с ней о ее роли в вашей жизни.

– И получить еще один нож в спину? – едко замечает Рейнхард.

Сердце подкатывает к горлу, и начинается гулко стучать. Горечь в его голосе странным эхом отдается в моей душе.

– Не думаю, что фройляйн Цветана на такое способна, – замечает Дитрих.

– А если ей предложат то, о чем она мечтает больше всего на свете? – устало вздыхает мужчина. – Ее я знаю неделю, а с Клариссой с детства был знаком. Мы ведь росли вместе. И что я получил в ответ? Ее не остановили ни детская дружба, ни наши близкие отношения. Что уже говорить об этой девочке, которая и сама не знает, чего хочет. Иногда мне кажется, что она неведомое взрывоопасное вещество в моих руках. Далеко держать рискованно – неведомо, кто им воспользуется, и близко чревато – в любую минуту рванет.

Дальше я слушать просто не могу, быстро забираюсь в постель и, скрутившись клубочком, прикрываю уставшие глаза. К горлу подкатывает тошнота. Отвращение к себе, подслушивающей чужие разговоры, смешивается с чувством сострадания и какой-то неведомой глухой затаенной тоски. Лишь через несколько минут я понимаю, что эта тоска принадлежит вовсе не мне...

Но мужчины тоже заканчивают беседу и тихо прощаются. А затем дверь в спальню осторожно отворяется, слышатся шаги, шорох одежды и скрип пружин прогнувшегося матраса. Я усиленно делаю вид, что сплю, он, возможно, даже верит.

Глава 38

Ночью, измученная дневными волнениями, чувством вины и тревожными мыслями, сплю, как убитая, но просыпаюсь ровно в тот же час, что и каждое утро. К моему глубокому удивлению, Рейнхарда уже и след простыл, хотя эти несколько дней мы всегда завтракали вместе. Только примятая подушка и скомканное покрывало свидетельствуют о том, что со мной ночевал еще кто-то.

Что послужило причиной такого внезапного ухода герра канцлера? Разговор с Дитрихом? Воспоминания о Николь? Или нежелание находится рядом с “взрывоопасным веществом”? Последняя причина отчего-то ранит глубже остальных.

Позволяю себе пока поваляться в постели, ожидая появления Лизхен, и прогоняю еще раз последовательность действий побега.

Мне нужно, чтоб было все идеально, иначе и затевать эту аферу не следует. Кроме того, в моем, во всех отношениях гениальном, плане существует единственный, но огромный пробел – мне пока неизвестно, почему все засыпают, когда я превращаюсь в лису. В том, что эти два события неразрывно связаны, сомнения не возникают, как и то, что я причастна к этому явлению. Но... одно большое “Но” – как мне удастся насладиться сей дивный волшебный сон? Кто я вообще? Что я? Откуда это у меня?

Впрочем, с последними вопросами можно и попозже разобраться, главное выбраться из замка и помахать герру канцлеру на прощание, за неимением ручки, хвостом.

Лизхен сегодня немного запаздывает, что на нее совершенно не похоже, и я беспокойно поглядываю на часы. Отлеживать бока в кровати уже порядком надоело, тем более – что было нужно обдуманно, а новое не придумано – и я, было, решаю встать, но, в этот момент в дверь робко стучат. А затем в небольшую щель между косяком и створкой просовывается милое румяное личико настолько молоденькой девушки, что я всерьез задумываюсь, позволительно ли труд таких детей эксплуатировать.

– Доброе утро, фройляйн, – робко пищит она и, уже полностью переступив порог, делает умелый книксен. При этом ее каштановые кудри, выбившиеся из-под чепца, задорно подпрыгивают, как маленькие пружинки. – Меня зовут Бруна. Фрау Лизхен приболела, и я буду ее заменять.

Окидываю изумленным взглядом этого ребенка, невольно прикидывая, сможет ли такой вот неожиданный поворот в моем довольно-таки рутинном графике существенно повлиять на план побега.

– Здравствуй, Бруна, – по привычке приветливо улыбаюсь. Скромная служанка, сверкнув покрасневшими круглыми щечками, дарит в ответ такую же улыбку, только в разы искреннее. И я замечаю, что два передних зуба у нее чуть крупнее остальных, что, впрочем, совершенно не портит девушку, лишь придает ее внешности некоторую изюминку.

– Вам подать завтрак в постель? – интересуется она, спеша приступить к своим обязанностям.

– Нет, спасибо, – откидываю одеяло и, наконец, выбираюсь из постели. – Мне удобнее в гостиной. Когда ешь в кровати, отчего-то появляется ощущение, что болеешь, – сморщив нос, пытаюсь объяснить свои предпочтения.

Бруна хихикает, прикрывая пальцами рот. Я тоже не скрываю улыбку. И на этот раз она действительно от всего сердца. Девчушка, пожалуй, мне нравится гораздо больше, чем Лизхен, как жаль, что она только временно. Может, стоит попросить у Рейнхарда оставить ее на постоянной основе?

Я уже прикидываю, как мне подойти к герру канцлеру с этой просьбой, когда до меня внезапно доходит один маленький, просто миниатюрный нюанс. Этой ночью я собираюсь бежать, и уже совершенно не имеет значения, кто будет моей служанкой.

За целый день мне так и не удается найти что-то мало-мальски негативное в поведении или отношении ко мне милой Бруны. Она настолько честна, исполнительна и желающая мне угодить, что это иногда даже заводит в тупик. Ну не привыкла я, что ко мне относятся с таким почтением и почитанием.

К вечеру с трудом удается сохранить безмятежное и спокойное настроение, хоть внутри все переворачивается от страха. К счастью

сегодня ко мне ни Николь, ни Дитрих не наведывались, и мне не пришлось притворяться хотя бы перед ними. Моей компанией целый день были вечно чем-то занятая служанка, молчаливые стражники, стоящие, к тому же, по ту сторону двери, ну, и книги, естественно. Да только настроения в них заглядывать не было никакого. Перед глазами все равно были не страницы очередного романа, а мысли о побеге, переживания и метания.

К вечеру я уже настолько себя извожу, что ко всему прочему присоединяется ноющая головная боль. Этот же предлог и использую, чтобы пораньше лечь спать. Бруна слишком близко к сердцу принимает мое недомогание, какое-то время суетится, не зная чем мне помочь, порывается вызвать лекаря, принести чай или еще чем-то подсобить. Но я мягко, чтобы не обидеть сердобольную девушку, прошу оставить меня и погасить в комнате светильники. Бруна молча выполняет мою просьбу, желает мне скорейшего выздоровления и исчезает за дверью.

Если бы на ее месте была Лизхен, уверена, она и слушать бы меня не стала, а помчалась за Дитрихом. Но Бруна, наивное и милое дитя, и ей даже в голову не придет меня послушаться.

Я и в самом деле решаю попытаться уснуть. Мне перед побегом отдых явно не помешает, а проспать я совершенно не боюсь. Еще с детства я заметила у себя очень полезное умение, стоит мне перед тем, как нырнуть в объятия Морфея загадать время, в которое я хочу проснуться, и я безошибочно минута в минуту открываю глаза в отмеченный час, как бы крепко при этом не спала.

Но сон не идет, а воспоминания о словах Рейнхада крутятся, как скрипучая детская карусель на площадке. И так же нервируют. Горечь сменяется обидой и злостью. Я и сама не знаю, почему так реагирую на его слова обо мне. Может мне просто хочется, чтоб он испытывал ко мне хоть какие-то теплые и нежные чувства, а не просто терпел под боком, ибо другого варианта нет... Но после такого мне и смотреть на него неприятно. И гадко. И обидно. А хочется до зубовного скрежета, все равно хочется его хотя бы в последний раз увидеть. Неужели не придет в эту ночь, посчитав, что мои прогулки закончились?

Увлеченная своими размышлениями, незаметно для себя засыпаю. А когда открываю глаза, сначала не понимаю, отчего так душно и тяжело. Мое одеяло кажется просто неподъемным. Немного

ворочаюсь, чтобы освободиться от его тяжести, и ошеломленно понимаю, что причиной этого безобразия является никто иной, как герр канцлер собственной персоной. Мужчина преспокойно сопит мне в ухо, по-свойски закинув на меня не только свою тяжеленную мускулистую руку, но еще и ногу, при этом надежно припечатав ею мои бедра к постели.

Глава 39

Извиваюсь, словно уж, выползая из-под огромного горячего тела увесистого оборотня, молясь про себя, чтоб он не проснулся. Действовать приходится настолько медленно и осторожно, что за минут пять я успеваю лишь сдвинуть с себя его руку и отползти не больше чем на пять сантиметров. Да и то раз двадцать замираю, настороженно прислушиваясь, не сбилось ли дыхание моего бдительного стража. Но Рейнхард сопит по-прежнему ровно и умиротворенно – похоже, умаялся за день бедняга, гоня нерадивых министров. В том, что его сон естественный, а не навеянный моими новообретенными способностями чувствую сразу. Но укрепить его милое подремывание тоже не мешает. Только сперва нужно выбраться. Кто бы мог подумать, что обычное вставание с кровати для меня превратится чуть ли не в покорение Эвереста... А время-то, между прочим, идет.

Немного полежав, отдохнув и собравшись с силами, возвращаюсь к своему занятию. Бедро поднять тяжелее всего, посему я просто понемногу отодвигаюсь к краю кровати. Но когда до цели уже рукой подать, оборотень тревожно всхрапывает, прицельно ощупывает постель возле себя, находит меня, замершую и едва дышащую, и вновь возвращает на место.

Хочется выть. Нет, не так. Хочется ВЫТЬ! А еще вопить, плакать, и в истерике дрыгать ногами. Но я, естественно, ничего подобного не делаю, лишь, тихо скрипнув зубами, считаю про себя до десяти, призывая спокойствие. Что ж, начнем сначала.

Вторая попытка начинается, как и предыдущая, с аккуратных стараний сдвинуть в сторону руку герра канцлера. Но на сей раз, его конечность еще не настолько расслабилась, на каждое мое движение Рейн реагирует крепким прижатием к груди. И если я продолжу в том же духе, что через минуту не смогу сделать и вдоха. Нужно менять тактику в корне.

Осторожно разворачиваюсь лицом к оборотню, пыхтя, как еж, и робко заглядываю ему в лицо – а вдруг моя возня его разбудила. Но он

продолжает крепко спать, лишь слегка хмурится, когда я слишком уж сильно копошусь. Как же сделать его сон глубже?

Я даже не успеваю ничего подумать, как моя рука поднимается и накрывает ладонью прохладный лоб мужчины, а с губ сами собой начинают срываться слова, складываясь в незамысловатый заговор.

– Матушка-ночка темная, прошу тебя, владычицу, о сне крепком, сне беспробудном, от вечерней зари и до утренней, – беру осторожно ладонь Рейнхарда и рисую на ней пальцем невидимый узор. – Пока этот замок сам собой не разомкнется, до тех пор твой бессон не проснется, – тихо шепчу и прижимаюсь губами к месту, где едва заметным в темноте плетением искрится нарисованный узор. – Бессон растворился, сон заговорился! – заканчиваю, а затем дую на ладонь.

В воздух будто вздымается облачко сияющей пылицы, которая оседает золотыми крупинками на лице и волосах герра канцлера, а спустя секунду становится невидимой.

Этими словами, помню, меня в детстве всегда убаюкивала бабушка, когда я просыпалась ночью от очередного кошмара. Но я воспринимала их не более чем обычные сельские верования и предрассудки. Нет, когда была маленькая, конечно же, верила, но выросла, и детские фантазии канули в Лету. А сейчас-то почему вернулось? Как я смогла вспомнить слова заговора? Это им я всех вокруг заставляла спать? Отчего-то в душе просыпается даже гордость – подумать только, я в волшебном мире пользуюсь волшебством. И то каким! Своим, родным, знакомым с младенчества. И оно действует! Но за небывалым подъемом тут же приходит отрезвление – усыпить – это еще не сбежать, и мне нужно поспешить, я и так потеряла слишком много времени.

Вскакиваю с постели, замираю посреди комнаты, поднеся к губам сложенные ковшиком ладони, быстро шепчу в них заветные слова, рисую в воздухе такой же узор и дую. Знакомая искристая пылица взлетает вверх и просачивается сквозь щели в двери. А сама я уже стремглав несусь в гардеробную. Быстро достаю платье, передник, чепец и уже хочу в них облачиться, но меня, словно окатывает холодной водой. Я же превращаться буду! И как показали предыдущие разы, обратно получаю свой облик до ниточки раздетая. И что же теперь делать? Не могу же я голой по городу ходить!

Мысли в голове крутятся, как заведенные. Нужно просто во что-то спрятать платье и попробовать понести в зубах или закинуть на шею. Мой взгляд падает на вереницу вычурных ридикюлей, висящих на небольшой вешалке. Хватаю первый попавшийся и складываю всю одежду туда. Потом бегу в спальню и кидаю к ним коробочку с украшением. Последний раз осматриваю свою уютную тюремную камеру. Почему-то становится стыдно и неловко, словно я предаю Рейнхарда, как... как та же Кларисса. Но не воткнув нож в спину, я и есть этот самый нож. Тряхнув головой, отгоняю плохие мысли. Если уж на то пошло, я ни разу не говорила, что хочу тут остаться, наоборот, просила отпустить меня домой. Это он поступил нечестно, украв меня и заперев в золотой клетке. Так что поделом.

Бросаю быстрый взгляд на герра канцлера, перед тем как шагнуть к окну и застываю. Мужчина лежит на постели, закинув одну руку за голову, а вторую на подушку, где еще каких-то минут десять назад была я. Но несмотря на расслабленную позу, лицо его напряжено – темные брови хмурятся, и переносицу прочеркивает глубокая складка, а губы сжимаются в тонкую линию, кажется, что он вот-вот скинет с себя оковы моего навеянного сна и схватит меня в шаге от свободы.

Судорожно вздыхаю в попытке унять волнение – тем более нужно торопиться – и шагаю к окну. Подношу руку к металлической, украшенной резьбой ручке и дергаю, но створка не поддается. Стекла в оконной раме мелодично позвякивают в ответ на мои движения, да и только. Проверяю замочки, щелкаю шпингалетами, снова тяну на себя, и недоуменно смотрю на не сдвинувшуюся ни на сантиметр створку. В груди просыпается жуткое, тревожное чувство. Теперь становится понятно, почему впервые за несколько дней Рейнхард позволил себе уснуть со мной рядом. Кидаюсь к выходу, толкаю дверь в гостиную и... ничего! Ничегошеньки вообще! Меня заперли в спальне! Причем, судя по всему, магически заперли.

Глава 40

Вот знала я, что не может быть все так просто. Со злости пинаю ногой неподдающуюся створку и вытираю ладонью вскипевшие на глазах слезы обиды. Что ж в эту ночь все настолько наперекосяк? Если б я верила в знаки, решила бы, что меня что-то усиленно уводит от этого побега.

Поворачиваюсь спиной к двери, прислоняюсь к шершавой деревянной поверхности и задумчиво обвожу взглядом комнату. Что же мне делать?

В голову закрадывается совершенно уж шальная мысль – если у меня получилось усыпить оборотня обычным заговором, который в нашей деревне каждая третья знает, то вдруг и шепоток от закрытых дверей поможет?

У меня этих самых заговоров в голове вагон и маленькая тележка. Местность у нас была такая – шепотками лечили все от насморка и до ветрянки, к фельдшеру, конечно, тоже обращались. Но, как так – на прием и без того, чтоб под дверью не пробубнить заветные слова?

Заговоры делали на урожай и на погоду, на хорошего жениха и чтоб корова доилась, чтоб ласка цыплят не утащила и чтоб грибы и ягоды хорошо находились... Помогали они или нет – как знать – но пошептать на удачу перед каким-нибудь делом считалось традицией. Кто ж знал, что в этом мире знакомые с детства речитативы будут иметь такую силу?

Подхожу опять к окну, осторожно провожу пальцами по металлической ручке, ощущая на кончиках странное жжение, не такое сильное, чтоб отдернуть руку, но достаточное, чтоб поморщится от неприятных ощущений, рисую нужный узор и, волнуясь, произношу:

– Братец-месяц, серебристый, прошу тебя защитника славного, – в горле пересыхает, и звук получается совсем тихим и немного хриплым. – Пускай мои оковы спадают, как снег по весне тают, все дурное исчезает! Да будет так!

На секунду на ручке, резной раме, тонком оконном стекле проявляется странная ажурная золотистая вязь, похожая на зимние

морозные узоры, которая, ярко вспыхнув, рассыпается искристым песком и бесследно пропадает.

– Спасибо, братец-месяц! – прижимаю пальцы к губам и распахиваю створку.

Сорочка падает к ногам, превращаясь на полу в белесое пятно, а на подоконник уже ступают сильные тонкие лапы. Мешок в зубах мешает держать равновесие, и теперь я отчетливо понимаю, зачем лисицам такой пушистый хвост.

Ловко перебегаю по тонкой ветке и стволу, спрыгиваю на землю и стремглав бросаюсь к озеру.

В водах прохладного пруда во всю уже плещется ночная гостья. Я тихонько подкрадываюсь, чтобы не спугнуть выдру, и приседаю под кустом. Зверек насытившись и поплавав вволю, совсем не чувствует моего присутствия, лишь только раз настороженно подняв голову и обшарив бусинами глаз растительность на опушке.

Нарезвившись всласть и поныряв животное, наконец, делает то, что мне как раз и нужно – направляется в сторону забора.

Из своего укрытия выбираюсь, когда выдра уже на середине пруда, и тоже тихонько захожу в воду, стараясь даже тихим плеском не выдать своего присутствия и держать мешок так, чтоб хотя бы половина вместимого осталась сухой. Но зверек, видимо, все же о чем-то догадывается, и плыть начинает быстрее, а затем юрко пролазит в узкий, незаметный за кустом барбариса лаз и исчезает. Но мне это уже не важно, главное – я знаю, где находится выход.

Дыра под каменным забором немного меньше, чем я рассчитывала – как раз для небольшой выдры. Но и моя чернобурка не отличается крупными размерами, а немного расширить отверстие совсем не составляет труда для лисьих лап.

Сделав подкоп пошире, протискиваюсь в узкую нору и через каких-нибудь две минуты уже стою с другой стороны ограды. Сердце бешено колотится где-то в районе яремной ямки, грозя вот-вот выпрыгнуть из груди. Неужели у меня получилось? Неужели я сумела? До сих пор не верится, особенно беря во внимание первые минуты побега.

– Надо было еще заговор на удачу прошептать, – мысленно ворчу и оглядываюсь в поисках укромного места. Превращаться в голую девушку посреди города как-то не хочется. Да и стоит ли? Думаю,

гораздо безопаснее спрятаться где-нибудь, будучи в лисьей шкуре, дожидаться утра, а там уже можно вновь стать человеком и пойти по делам.

Четкий выверенный звук шагов заставляет мигом похолодеть. Стража! Как же без нее? Периметр дворца обходят регулярно, и это невзирая на расставленные вдоль ограды патрули. Уличные фонари кидают яркие желтые пятна света на брусчатую мостовую и сам каменный забор, не позволяя даже маленькой тени скользнуть мимо.

Прижимаюсь плотно к стене, готовая в случае чего обратно забиться в лаз, но тихий шорох сбоку заставляет осторожно скосить глаза. Маленькая выдра настороженно застыла в каком-то шаге от меня, так же дрожа от страха. Пячусь назад, ныряя в нору, а спустя секунду туда же протискивается моя подруга по несчастью. И что-то очень уж умное светится в ее темных, похожих на блестящие пуговицы, глазах.

Изо рта вырывается приглушенный мешком, ворчливый фырк. Мой шикарный лисий хвост оказывается снаружи по другую сторону ограды, и это мне совсем не нравится, а нос утыкается в мягкий бок животного. Шаги грохочут мимо, заставляя зверька совсем уж по-человечьи облегченно вздохнуть, и спустя минуту, мы выбираемся из укрытия.

Выдра проворно кидается вдоль стены, куда-то в сторону, а я за ней – она уж точно знает, где лучше скрыться, тем более, ее умный взгляд не дает мне покоя, и заставляет доверять чутью.

Животное, пригибаясь к самой земле, спешит на другую сторону улицы, где раскинулся городской парк. Я внимательно слежу за дорогой, стараясь все запомнить, но и не выпускаю из вида моего неожиданного провожатого.

Зверушка уверенно бежит вдоль аллеи, стараясь быть в тени кустарников, посаженных у обочины, пока внезапно в каком-то, одной ей известном, месте не юркает между ними. Не долго думая, ныряю вслед за ней, оказываясь под, свисающими аж до самой земли, ветвями невысокого дерева, и чуть ли не утыкаюсь носом в чьи-то босые ноги.

– Ты зачем за мной следишь? – звучит откуда-то сверху звонкий мальчишеский голос.

Глава 41

Осторожно поднимаю взгляд и вижу перед собой щуплую детскую фигурку. Ребенок успел уже натянуть потертые штаны, длиной чуть ниже колен, но продолжает щеголять обнаженным торсом. Стоит он, надо сказать, весьма грозно, уперев руки в бока тощего тела и храбро выпятив грудь. Но образ юного воина портят большие, слегка испуганные глаза и мокрые, мило завившиеся колечками вокруг лица, пряди светло-русых волос. Бережно опускаю на землю свой мешок и выжидающе смотрю на мальчика. Он понимает меня без слов.

– Да пожалуйста, – небрежно машет рукой и демонстративно отворачивается. Быстро наклоняется, подбирая с земли не замеченную мной доселе рубаху, и принимается натягивать через голову.

Еще несколько секунд недоверчиво наблюдаю за дитем, а затем дергаю за веревочку, стянувшую горловину ридикюля, делая ее шире и, подхватив зубами платье, вытаскиваю его наружу.

Одежда слегка мокрая, но вода успела испортить лишь подол наряда, корсаж и рукава к счастью остались почти полностью сухими.

Быстро превратившись в человека, напяливаю платье прямо на голое тело, радуясь плотному материалу и глухо закрытой горловине – с первого взгляда и не скажешь, что на мне нет белья – и даю сигнал мальчику, что можно уже повернуться.

– Так ты взрослая! – изумленно восклицает он, когда его заинтересованный взгляд пробегается по моему лицу. Причем возмущение его настолько сильно, словно мне уже, по меньшей мере, сотня лет стукнула. – Я думал ты такая, как я, – вконец разочаровавшись, вздыхает он.

Беспомощно пожимаю плечами – а что тут скажешь – и удобнее устраиваюсь на земле. Это место вполне подходит, чтоб дожидаться утра. Небо и так уже сереет, и желтый солнечный диск вот-вот покажется из-за горизонта.

– Конфету хочешь? – пошарив во влажном мешке, извлекаю небольшую жестяную коробочку с леденцами. Их я прихватила

совершенно случайно, когда брала сундучок с украшениями. Конфеты соскользнули со стола в открытый ридикюль, зацепившись за угол ларчика с гарнитуром, и я не хотела терять время на их поиск в мешке. А потом и вовсе решила оставить – надо же чем-то мозг подпитывать, чтоб думал получше.

Глаза мальчишки загораются, но недоверчивая складка морщит гладкий детский лоб. Он даже руки сцепляет за спиной, сдерживаясь, чтобы не ухватить лакомство.

– Бери-бери, – ставлю на землю и подсовываю поближе угощение. Замочек коробочки тихо щелкает, и плоская, расписанная узорами крышечка откидывается вверх, являя взору сладкое сокровище. Нарочито небрежно беру желтую конфетку со вкусом лимона и кидаю в рот. Коробочка остается стоять между нами, призывно демонстрируя свое содержимое. Кислый вкус приятно покалывает язык, я показательно расслабляюсь, прислонившись спиной и стволу дерева, и устало прикрываю глаза. Тихое шуршание рядом указывает на то, что и ребенок, наконец, соизволил присесть, а затем раздается шелест леденцов, глухое причмокивание и едва слышный стон удовольствия. Бедный ребенок.

Беспризорника в нем выдает все – и поношенная, рваная одежда, и неестественная худоба на грани истощения, и неопрятный вид, и не по-детски колючая недоверчивость и осторожность. Шелест повторяется, видимо мальчик отважился на добавку. Я не мешаю ему, позволяя привыкнуть ко мне, хотя и сама не понимаю, зачем мне все это нужно.

– Как тебя зовут, – он первым нарушает молчание. Звуки слегка искажает конфета за щекой, а может и не одна, и я невольно улыбаюсь.

– Вета... Виолетта, – мгновенно исправляюсь, не желая называть настоящего имени. Не то, чтобы я переживала слишком. Отправившись в свой мир, мне, по большому счету, будет все равно, отследит ли мой путь к свободе канцлер. Но вдруг ему ребенок попадется на глаза и он решит, что это дитя может знать что-то больше. О Рейнхарде и методах допроса в этом мире я не знаю ничегошеньки, и хорошее отношение ко мне отнюдь не исключает того, что он может с другими вести себя совсем иначе, а особенно с теми, кто ему мешает.

– А тебя? – приоткрыв один глаз, смотрю на мальчика.

– Ф-ф-ф-рц, – фыркает мой собеседник и громко закашливается, подавившись леденцом.

– Как-как? – переспрашиваю, хлопая мальчика между лопаток.

– Флоренц, – повторяет ребенок. – Можно Фриц.

– Красивое имя, – улыбаюсь и бросаю в рот еще одну конфетку, на этот раз вишневую.

– Девчачье, – едко констатирует Фриц, скривившись от отвращения.

– Так что же ты, Фриц, делал в королевском саду? – поворачиваюсь к нему всем телом, выразительно подняв брови.

Щеки мальчишки заливают краска стыда, и он покаянно опускает взгляд.

– Я так думаю, ты был голоден, – делаю логическое предположение. – Но достать еду в человеческой ипостаси довольно-таки трудно. А вот для выдры хватает и нескольких рыбешек, правда?

По тому, как опускаются плечи мальчика, а лицо становится и вовсе пунцовым, понимаю, что попала в цель.

– Там рыба самая вкусная... и жирная... – сопит носом ребенок.

– Даже не сомневаюсь, – понимающе киваю.

Фрица действительно жалко. Дети не должны жить на улице, не должны думать о том, где найти еду, не должны быть одиноки и предоставлены сами себе.

– А хочешь немного заработать, Фриц? – бросаю испытывающий взгляд на мальчика.

Глава 42

Глаза ребенка вспыхивают интересом, но губы сжимаются в тонкую линию.

– Ну... не знаю, – тянет Фриц, старательно изображая задумчивое безразличие. Леденцы аппетитно хрустят на его зубах, и я замечаю, что коробочка опустела уже наполовину. Действительно все съел или часть в карманы перекочевала? – Смотри, какая работа и сколько ты заплатишь... – всю строит из себя взрослого и умудренного опытом мальчик.

Тихонько хмыкаю, восхищаясь его выдержкой.

– Заплачу я столько, сколько стоит услуга, которая мне нужна. Не больше и не меньше, – сразу даю понять, что я, хоть и не поскуплюсь на оплату, но отнюдь не сердобольная простушка, которую ничего не стоит обвести вокруг пальца.

– Что нужно делать? – подозрительно щурится паренек.

– Провести меня к мастеру Вайсу. Знаешь такого?

Мне, конечно, и самой известна дорога, благодаря рассказам Николь, но проводник, думаю, доведет меня вдвое быстрее.

– Знаю, естественно! – возмущается ребенок. – Кто ж его не знает? Я в Бэрге знаю всех, – самоуверенно заявляет он напоследок.

– Да неужели? – демонстративно вскидываю бровь. – Может и порталщик Меино тебе знаком?

Нарочно делаю свой тон подчеркнуто недоверчивым и преисполненным скепсиса.

– А как же! У него дом такой большой, с острыми башенками и драконом на крыше! – принимается доказывать свою осведомленность мой собеседник.

– Вот и прекрасно, – довольно улыбаюсь. – Проведешь меня к ювелиру – заплачу медяк, – цену беру, быстро прикинув, сколько бы эта услуга стоила в нашем мире, и еще немного занижаю. Пускай поторгуется. – А после порталщика получишь второй.

– Два! – тут же оправдывает мои ожидания Фриц.

– Один! – стою на своем.

– Два, или я не поведу! – наглет малыш, вздумав меня шантажировать.

– Не веди, – легко соглашаюсь. – Я и без тебя дорогу знаю. Только мне просто подумалось, что такому сообразительному малому известен наиболее короткий и неприметный путь... Но на нет, и суда нет...

Снова откидываюсь спиной на ствол дерева и прикрываю ресницы. Мальчик напряженно сопит и усиленно думает.

– Хорошо... – наконец, выдает он. – Но конфеты мои.

– По рукам, – тут же радостно вскидываюсь и протягиваю ладонь.

Вообще-то, я планирую отдать малышу всю сдачу, которая у меня останется после оплаты перехода, но ему об этом знать не обязательно, как и то, что денег у меня явно побольше, чем я демонстрирую.

Фриц еще несколько секунд смотрит исподлобья на мою протянутую конечность, не скрывая подозрительного прищур, а потом смачно харкает на свою раскрытую ладонь и протягивает мне. Внутренне передергиваюсь, стараясь держать натянутую улыбку на лице – если побрезгую сейчас, доверия не заслужу – и, не долго думая, повторяю его жест. Надо будет потом как-то незаметно вытереть руку о траву.

Пока мы договаривались, утро уже полностью вступило в свои права. Парк, правда, пока еще пустынен – слишком рано даже для утренних прогулок, – но лавка ювелира должна скоро открыться.

– Ну что? Идем? – встаю я со своего места. Подол еще влажный, но по ткани этого не заметно.

Аккуратно раздвигаю ветви и выныриваю наружу. Тело тут же обдувает прохладный ветерок, и влажная юбка неприятно дотрагивается до обнаженных лодыжек. Поежившись от холода, тут же принимаюсь расправлять на себе белый передник, прячу волосы под чепец и, заслышав шорох, оборачиваюсь к нашему убежищу.

Выскочивший вслед за мной, Фриц тоже нахохливается от утренней прохлады и становится похожим на маленького дерзкого воробья. Очертания круглой коробочки с леденцами отчетливо проступают сквозь ткань штанов.

– Нам сюда, – указывает направление мальчик, заметив мой взгляд.

Город просыпается. В жилых домах раздвигаются шторы, открываются окна, слышатся голоса сонных жителей, но на улицах пока никого нет, кроме спешащих на работу хозяев всевозможных лавок и магазинов.

Я с любопытством верчу вокруг головой, разглядывая вблизи славный город Бэрг, столицу королевства Бэрграйх. Она мне кажется потрясающе красивой и даже какой-то сказочной.

Каменные домики, с красными или зелеными черепичными крышами, деревянными ажурными ставнями и яркими цветами на подоконниках, будто нарисованны художником на холсте. Возле каждого небольшой участок земли, огороженный невысоким белым заборчиком, с клумбой или несколькими ухоженными грядками зелени или овощей. Узкие брусчатые улочки, похожие на путаные лабиринты, змеятся между зданиями. Иногда, на углу кварталов попадаются небольшие водоразборные колонки, и мы останавливаемся у одной из них, чтобы напиться – после такого количества сладкого изрядно мучит жажда.

– Сейчас обойдем Хохштадт с другой стороны. Через жилые кварталы, – быстро объясняет мне ребенок, когда мы снова трогаемся в путь. – И аккурат выйдем к лавке мастера Вайса. Он живет как раз на границе между Хохштадтом и Унтерштадтом.

– А почему? – удивляюсь я, время от времени морщась, когда наступаю на слишком уж выдающийся булыжник, прекрасно ощущаемый сквозь подошву домашних туфель – других-то мне и не предполагалось иметь.

– Удобно, наверное, – пожимает плечами паренек. – Заказы-то он, конечно с Хохштадта берет, но материалы наверняка Унтерштадт поставляет.

Вся дорога у нас занимает не больше двадцати минут, и, наконец, мы оказываемся перед дверью ювелирной мастерской герра Вайса, о чем свидетельствует лаконичная табличка над ней.

– Пришли, – выдыхает за моей спиной Фриц.

Волнуясь, пристально осматриваю себя – не хочется предстать перед уважаемым человеком этакой неряхой.

– А ну, глянь! – поворачиваюсь к мальчику. – Я нигде не испачкалась?

Он отрицательно мотает головой, и отступает в тень под домом:

– Я тебя тут подожду, хорошо? – тихо спрашивает он, как-то вмиг скукоживаясь и стараясь стать незаметнее.

– Хорошо, – удивленно тяну. – Только дождись, ладно?

– Дождусь, – обещает он, выживая из кармана конфеты, и закидывая одну из них себе в рот. – Ты же мне денег обещала, забыла?

– Ни в коем случае, – улыбаюсь и вновь поворачиваюсь к двери. Ноги начинают подрагивать от волнения, и тошнота накатывает липкой неприятной волной. Но медлить нельзя. Рейнхард, скорее всего, уже проснулся и поднял на уши всю стражу. У меня есть не больше часа, чтоб провернуть задуманное...

Глава 43

Дверь бесшумно отворяется, и тихий перезвон колокольчиков разлетается брызгами по пустому помещению. Испуганно вздрагиваю, опасливо окинув взглядом зал. Мысль о том, что времени у меня с каждой секундой все меньше и меньше заставляет беспокоиться не на шутку. Ведь я и просчитаться могла, а Рейнхард отнюдь не глуп. Догадаться, куда я направлюсь в первую очередь, не составит большого труда.

Крепко прижав к себе затертый ридикюль, делаю первый шаг. Доска под ногой тихо скрипит, и именно этот звук, а не колокольчики над головой, вызывает откуда-то из недр помещения усталый старческий возглас.

– Иду-иду! – кряхтят из темноты служебного коридора, подтверждая правдивость слов шаркающими шагами.

– Доброе утро, фройляйн! Чем могу помочь? – наконец в пятне света появляется и сам обладатель голоса, невысокий седой мужчина в белой рубашке и щеголеватом атласном жилете, поверх которого накинут длинный темно-синий передник. На лбу у мастера странные не то очки, не то маленький бинокль, закрепленный эластичной лентой, обвивающей голову.

Невольно расправляю плечи, пытаюсь казаться более уверенной. Выгляжу я хоть и затрапезно, но вполне опрятно, и подозрений никаких не должна вызывать – мало ли зачем хозяйка послала служанку в ювелирную лавку спозаранку... Как говорят, у богатых свои причуды.

– Доброе утро, уважаемый мастер Вайс, – делаю кривоватый книксен, наподобие тех, которыми одаривала меня Лизхен. – У меня к вам дело... м-м-м-м... деликатного характера... – чуть замявшись, объясняю, еще крепче прижимая к себе мешочек.

– Вот как?! – заинтересованный взор оценивающе скользит по мне.

– Мы могли бы поговорить где-нибудь в более... безопасном месте? – кидаю настороженный взгляд на окно.

Брови ювелира взлетают еще выше, и он тоже подозрительно косится в сторону открытых ставен.

– Прошу тогда в мой кабинет, – приглашающим жестом машет в сторону коридора.

Ежусь от неприятных предчувствий, ощущая, как колючие мурашки бегут по позвоночнику, но все же, не колеблясь, ступаю за черту, которая отделяет светлый зал магазина от темного нутра коридора.

– Так что это за дело? – спрашивает мужчина, когда мы уже довольно-таки удобно располагаемся в его кабинете.

Тянусь к завязкам на ридикюле и дергаю шелковую веревочку. Горловина послушно распахивается, расширяя отверстие до нужной мне величины. Коробка лежит на дне. Несмотря на влажные стенки мешка, она совершенно сухая и не пострадавшая от воды. Зачарованный материал сундучка прекрасно защищает украшения от любых внешних воздействий, начиная от огня и заканчивая временем. Даже через тысячу лет металл не потускнеет и останется таким же ярким и чистым, как в первый день покупки.

– Я хочу вернуть этот гарнитур, – твердо заявляю, водружая коробочку на стол.

Ювелир поворачивает к себе сундучок, аккуратно открывает бархатную крышку, оценивает степень целостности возвращаемого товара и вскидывает на меня нечитаемый взгляд.

– Я вижу, вы его еще ни разу не надевали? Почему? Не понравился? – допытывается мастер.

Мои щеки медленно начинают краснеть. Единственное, о чем я не продумала как следует, это о причине возврата. Обижать герра Вайса не хочется, украшения потрясающие и мне на самом деле нравятся.

– Понимаете... – неуверенно и чуть сконфуженно тяну.... – Мне нужны деньги... Очень нужны...

Признаваться в затруднительном материальном положении для меня всегда было тяжелым испытанием. Даже в магазине, когда я откладывала понравившийся товар из-за слишком кусачего ценника, приходилось придумывать любую причину для продавца, объясняя свой выбор. Такая ситуация всегда для меня была чем-то неловким и постыдным. Но там обычный продавец, который чихать хотел на мои вкусы, а тут мастер, творец, и это его детище...

– Вы не возражаете, если я проверю украшения на предмет кражи? – бдительно интересуется мужчина.

– Естественно, – пожимаю плечами, прекрасно зная о процедуре. И хоть червячок сомнения заставляет взволнованно ерзать на мягком сидении стула, но холодным разумом-то я понимаю, что обвинить меня не в чем.

Тем временем герр Вайс достает из ящика стола черную кожаную перчатку с серебристыми вставками на ладони и пальцах, медленно надевает и, протянув руку над открытой коробочкой, замирает, прикрыв глаза. Потом также проводит рукой надо мной, словно сканируя ладонью.

– Так-так-так, – задумчиво тянет мастер, закончив с обследованием, и стягивая перчатку с конечности. – Украшения действительно ваши, рисунки ауры совпадают. И их на самом деле рисовал я, то бишь, это не подделка.

Облегченно выдыхаю, стараясь сделать это как можно незаметнее. Колючий взгляд ювелира проходит по мне, и я опускаю ресницы, чувствуя неловкость и стыд. Я знаю, что он подумал – богатый вельможа одарил любовницу побрякушками, а та тут же решила их перевести в деньги.

– Может, передумаете? – хитро щурится мастер. – Вы всю сумму все равно не получите.

– Нет, – решительно заявляю, мотнув головой. – У меня нет выбора.

Даже десятая часть этих денег с головой окупит переход, еще и останется больше половины.

– Хорошо, – вздыхает герр Вайс. – Подпишите тут, пожалуйста, – подсовывает мне бланк отказа.

А сам встает и идет к неприметной нише в стене. Приложив ладонь к гладкой поверхности деревянной панели, застывает на несколько секунд. Затем с тихим шорохом отодвигает заслон, скрывающий, видимо, какой-то сейф, и начинает там копошиться.

– Тут должна быть вся сумма, проверьте, – прямо передо мной на столешницу опускается небольшой кожаный мешочек. Даже по виду заметно, что там просто уйма монет. Высыпаю все это изобилие на поверхность стола и принимаюсь скрупулезно считать. И того – у меня на руках оказывается пятьдесят золотых голдиков и тридцать пять

серебряных сильберов. Это целая прорва денег, мне столько не нужно. На переход потребуется около десяти голдиков.

Отсчитываю нужное количество монет и ссыпаю их в ридикюль.

– У меня еще будет одна просьба, – уже полностью перестав нервничать, спокойно произношу. – Вы не могли бы поменять один сильбер на купферы, – подсовываю ему нужную копейку, а остальные прячу обратно в мешочек, в котором их мне и выдали. Получив пятьдесят законных медяков, кидаю их в карман платья и продолжаю.

– И передайте, пожалуйста, остальные деньги мужчине, который будет меня искать, – киваю на мешочек перед собой. – Скажите ему, что мне очень жаль.

Моя совесть не позволяет мне взять больше, чем требуется, и я до сих пор чувствую себя виноватой за то, что так поступила с его подарком.

Герр Вайс никак не высказывает своего удивления, лишь молча прячет в ящик стола остальное золото и серебро.

Расстаемся мы с ювелиром вполне довольные друг другом.

– Держи оплату, – выхожу на крыльцо лавки и кидаю медяк застывшему у стены Фрицу. Такое ощущение, что он вообще не двигался, пока меня ждал. Парень ловко ловит монетку и прячет ее в башмак. – Теперь к мастеру Меино, – оглашаю я, понимая, что времени осталось совсем мало, и в любую минуту меня могут схватить.

Глава 44

К моему глубокому счастью салон мастера Меино находится совсем рядом, на соседней улице, и на дорогу мы тратим не больше десяти минут. Я и на этот раз прошу Фрица меня подождать, а сама быстро переступаю порог заведения.

В холле салона пока еще нет посетителей, и внимание милой улыбчивой девушки, которая сидит за небольшим письменным столом у стены, полностью достается мне.

– Здравствуйте, фройляйн, – сверкает она белозубой улыбкой. – Чем могу помочь?

Возвращаю ей такую же улыбку, стараясь скрыть нервозность, которая с каждой минутой одолевает меня все сильнее и сильнее, и торопливо произношу:

– Доброго утра, фройляйн. Мне нужен мастер Меино. И очень срочно.

Пальцы до побелевших костяшек сжимают горловину ридикюля. Внезапно накатывает ощущение, что все дается мне как-то подозрительно просто, и где-то должна обязательно произойти осечка. Ну не могла я так просто обхитрить самого канцлера и королевскую охрану.

– О! – тут же мрачнеет девушка, подтверждая мои подозрения. – К сожалению, мастера Меино нет в городе. Он лишь на следующей неделе вернется.

На миг я забываю, как дышать и покачиваюсь, не в силах удержаться на ногах. Приходится опереться ладонью о столешницу, чтобы сохранить равновесие.

– Вам плохо, фройляйн, – тут же вскакивает администратор и суетливо начинает мне предлагать то стул, на который можно присесть, то чашку с водой.

– Нет-нет, все в порядке, – невероятным усилием выдавливаю из себя улыбку. Не хочется верить, что из-за глупой случайности вся моя работа насмарку. Не единственный же Меино в городе обладает порталной магией. Нужно просто разузнать и все.

– Мне нужно мастера-портальщика, – вопросительно смотрю на растерянную девушку. – Вы могли бы посоветовать еще какой-нибудь салон с хорошей репутацией.

– Так вам портальщик нужен? – округляет глаза моя собеседница.
– Так вы можете обратиться к ассистентке мастера Меино, фройляйн Илма.

Непонимающе хлопаю глазами. То есть мне не нужно никуда идти и искать другого специалиста? Он есть и прямо здесь?

Облегчение накатывает волной, хотя пока не слишком верится в реальность происходящего.

– Прямо сейчас? – уточняю, уже от всего ожидая подвоха.

Девушка, спохватившись, возвращается на свое рабочее место.

– Я посмотрю график фройляйн Илмы, – открывает она пухлую записную книгу в кожаном черном переплете. – Да, прямо сейчас. Мастер Илма должна освободиться с минуты на минуту, а вы как раз оплатите заказ.

– Отлично, – чувствую, как к щекам вновь приливает кровь, а пальцы перестают дрожать. Душу снова наполняет уверенность и надежда на удачу. Что может случиться за эти пару минут? У меня просто должно все получиться! – Сколько стоит перемещение в другой мир? – спрашиваю, деловито открывая ридикюль.

– Какой мир вас интересует? – администратор берет второй блокнот, на этот раз в красном переплете. – Фанир? Дракан? Савойа?

– Земля, – сдавленно шепчу. А вдруг они на Землю не отправляют? Снова начинаю переживать.

– Земля, – удивленно тянет девушка. – Не часто у нас туда перемещения заказывают. Вы ведь знаете, что это полностью безмагический мир, и оттуда вы можете вернуться только с помощью артефакта переноса? Вы его приобрели?

– Да, конечно, – нагло вру, не желая распинаться перед незнакомым человеком, что возвращаться в Эрдлих я не намерена.

– Тогда с вас девять голдигов, три сильбера и десять купферов, – зачитывает девушка цену, водя пальцем по строчкам.

Быстро отсчитываю нужное количество монет, забираю сдачу и прошу минуточку меня подождать.

Выскакиваю за дверь, краем глаза замечая, что солнце уже намного выше, а с соседней улицы слышится подозрительный шум.

Сердце обмирает, я уверена на все сто процентов, что это ищут меня. Торопливо подзываю Фрица, который тоже настороженно прислушивается к тому, что делается в двух шагах от нас.

– Держи! – высыпаю ему в ладонки оставшиеся монетки, по какому-то странному наитию оставив себе на память один из медячков.

– Тут слишком много, – восклицает мальчик.

– Да, я знаю, – ласково взъерошиваю волосы на его макушке. – Береги себя! И, думаю, ты понимаешь, что о наличии такой суммы у тебя никто не должен знать.

– Безусловно, – распихивает по карманам и башмакам монетки Фриц.

– Спасибо тебе за все, Фриц, – едва сдерживаюсь, чтоб не обнять парня. – Прощай!

– До свидания Виолетта, – прощается малыш, придерживая ворот рубашки. Ему и за пазуху несколько копеечек пришлось прятать, так как нигде больше места не осталось.

Звуки становятся громче, видимо стража дом ювелира уже обшарила и, не обнаружив меня, кинулась на поиски.

Быстро забегаю в салон и, мазнув взглядом по утреннему посетителю мастера Илмы, который как раз выходит из кабинета, проскальзываю на его место.

– Здравствуйте, – приветствует меня сухая строгая волшебница, полная противоположной улыбчивой девочке с ресепшена. На Лизхен она похожа весьма смутно, но характер у сестер явно имеет общие черты.

– Здравствуйте. У меня оплачен переход на Землю, – торопливо отвечаю, молясь, чтобы процедура не заняла слишком много времени.

– Проходите, – деловито кивает мастер и поднимается со своего места, разминая ладони и пальцы.

Я ступаю в центр комнаты, чувствуя, как под ногами пружинит пушистый ворс ковра. Портальщица становится за моей спиной и принимается делать какие-то пассы руками, но я совершенно не обращаю на это внимание. Меня больше привлекает раздавшийся в тишине стук во входную дверь и громкие мужские голоса, доносящиеся с холла.

Сжимаю в отчаяние кулаки и закусываю в тревоге губу. Неужели не успею, неужели поймают в последний момент?

Воздух передо мной начинает подергиваться, затем надувается, словно мыльный пузырь, по поверхности которого пробегают золотистые искры и радужные блики.

– Ступай, – слегка подталкивает меня между лопаток магистр Илма.

Я, без колебаний, шагаю вперед и спустя секунду оказываюсь посреди лесной поляны, окруженной высокими соснами. Портал схлопывается, а за моей спиной раздается угрожающий то ли волчий, то ли собачий рык.

Глава 45

Ридикюль выпадает из ослабевших пальцев, и острое чувство ужаса накрывает колючей волной. Я знаю, что бежать от дикого зверя бесполезно, но откуда тут взяться опасным хищникам? Волков уже лет двадцать, как истребили. И я точно знаю, что в знакомом до мельчайшей травинки сосновом бору родного села, который я должна была представить во время перемещения, ничего крупнее лисиц не водится. Да и те облезлые и шуганные. Может, это одичалая собака?

Мне бы повернуться, проверить, но ноги намертво прирастают к земле. Рык повторяется, эхом отдаваясь в пустом желудке. Его подхватывают еще несколько, таких же хриплых и пугающих.

Сглатываю колючий комок в горле и нахожу, наконец, в себе силы взглянуть на хищников. Зря... Колени сразу же подкашиваются, и я едва не оседаю на землю. Прямо на меня смотрит громадный рыже-бурый волк, а рядом с ним два таких же, но помельче и поплешивее. Звенящая пустота в голове лопается с громким хлопком, и спустя минуту я уже удираю от хищников в образе черной лисицы. Как я превратилась, не помню, знаю одно, что так у меня шансов спастись гораздо больше.

Волки заводятся с полуоборота и с захлебывающими завываниями кидаются за мной.

Может, кто-то и скажет, что в такие моменты жизнь пролетает перед глазами, но у меня только мелькают листья и ветки. Какая “жизнь перед глазами”, когда думаешь, как будет быстрее – перепрыгнуть это поваленное дерево или пролезть под ним?

Волки мелкую лису догонят в два счета. Единственный мой шанс спастись – это влезть на дерево. Но подходящих стволов я рядом не вижу. А попробовать вскарабкаться на ближайшее – это риск остаться без пушистого хвоста.

Не разбирая дороги, лечу вперед, чувствуя, как в висках бьется пульс. Расстояние между мной и преследователями сокращается со скоростью света, а спустя секунду я выскакиваю на огромную поляну. И где-то там, вдалеке, у самой кромки, наконец, вижу

подходящую пологую сосну. Но не успеваю я сделать и нескольких скачков вперед, как прямо надо мной в прыжке взвивается туша одного из волков. Хищник легко преодолевает разделяющее нас пространство и, приземлившись на крепкие лапы, преграждает мне дорогу.

Я изо всей силы торможу, чтобы не врезаться в косматую зверюгу, комья земли и вырванные пучки травы разлетаются фейерверком из-под ног. В последний момент бросаюсь в сторону и натываюсь на еще одного волка.

Он больше, злее и опаснее других. Угольно черный с пылающими красным огнем глазами. От одного его взгляда мне становится настолько страшно, что я от испуга приседаю на задние лапы и издаю жалобное поскуливание. Он – Рейнхард. И он в ярости. При чем эту ярость вызвали не только мои преследователи, но и я сама. Только мне сейчас уже полностью все равно, потому, что те, кто гонятся за мной, в отличие от канцлера, не намерены оставить в живых одну маленькую лисичку.

Прижимаюсь к теплому боку волка, пряча мордочку в густую пушистую шерсть. Тело бьет невыносимая дрожь, настолько сильная, что я даже не могу удержаться на ногах. Влажный нос с тихим пофыркиванием тычется мне в ухо, заставляя посмотреть в глаза. Поднимаю голову и получаю полный укоризны взор, шершавый язык, утешая, проходится по моей щеке, слизывая одинокую слезинку. Затем меня хватают за шкуру и забрасывают на высокую ветку близ растущего дерева. А черного волка обступают трое бурых, угрожающе скаля пасти и капая слюной на зелень шелковистой травы.

Когти врезаются в сухую кору, меня от страха покачивает, как былинку на ветру. Но если я свалюсь на землю, то сразу же стану добычей зверей, а моему волку нужно знать, что я в безопасности и не беспокоится обо мне, полностью сосредоточившись на битве.

В этот миг я готова сама себя растерзать из чувства вины, и если бы это помогло, то я бы сделала не задумываясь. Какая же я дура. Дура и идиотка. Мало того, что попала сама в ловушку, еще и канцлера подставила. И теперь из-за меня он вынужден отбиваться от этих шавок. Двое из них уже прыгают ему на спину, пытаюсь завалить на землю. И хоть первого Рейн перехватывает на лету и отшвыривает в сторону, второй успевает впиться зубами ему в шею, а третий хватается за заднюю лапу. Рейнхард валится на землю, подминая под себя

вцепившегося в горло, и тот, взвизгнув, выпускает добычу. Последнего канцлер, извернувшись, сам кусает за шею. Животное безвольно обмякает, под неестественным углом вывернув голову. Неожиданно слышится легкий хлопок открывшегося портала, в котором, не теряя даром времени, прихрамывая, исчезает один из злоумышленников, сверкнув напоследок голым задом. Двое других остаются на поляне. Первый, встретившись спиной с деревом, видимо, повредил позвоночник, а второй истекает кровью из разорванного горла. Постепенно тушки зверей подергиваются туманом, искажаются и превращаются в тела обнаженных мужчин. Мертвых мужчин.

Рейн тоже приобретает людское обличие, подходит к дереву и берет меня за загривок, снимая с ветки.

– Вета, – укоризненно смотрит мне в глаза герр канцлер. – Ты поступила очень-очень опрометчиво и будешь наказана.

И мне так становится стыдно, что уши жалобно прижимаются к голове, а лапы и хвост безвольно обвисают. Я виновата, знаю. Прости. Опускаю глаза и натываюсь взором на ту часть тела, которая была всегда прикрыта.

О, мамочки! Хорошо, что я сейчас не человек, а то бы сгорела со стыда. Сам же Рейн ни капельки не чувствует неловкости, только хмыкает, заметив, куда направлен мой взгляд.

А спустя минуту герр канцлер открывает портал, и шагает со мной на руках в его радужное марево.

Глава 46

Удивленно верчу головой понимая, что мы оказались совсем не там, где я рассчитывала. Легкое изумление и любопытство охватывает меня, когда перед моим взором предстают не до чертиков надоевшие стены покоев во дворце, а незнакомые бревенчатые перегородки. Нос удивленно подрагивает, улавливая запах пыли и запустения, и я громко чихаю прямо в обнаженную грудь герра канцлера.

– Вета-Вета, – продолжает меня удерживать на руках мужчина, почесывая за ушком. Я изо всех сил стараюсь сохранить ясность мысли и не впасть в розовый туман умиротворения, которое растекается сладкой волной по телу. – Может, уже станешь обратно человеком? Так будет гораздо удобнее разговаривать, как считаешь? – смеивается Рейн, пристально заглядывая мне в глаза.

А я как подумаю, что сейчас буду щеголять перед ним, в чем мать родила, так в жар и кидает. Среди нас достаточно и одного нудиста.

Словно прочитав мои мысли, канцлер тихо фыркает себе под нос, усаживает меня на широкую, устланную ярким стеганым одеялом кровать и демонстративно отворачивается.

– Подсматривать не буду, обещаю! – заявляет он, показательно буравя взглядом противоположную стену. Хоть бы прикрылся, бесстыдник...

Торопливо превращаюсь в человека, пока этот наглец не передумал, и тут же закутываюсь в покрывало.

– Тебе тоже не мешало бы одеться, – хрипло говорю, старательно отводя взгляд. Щеки так и пылают огнем, а по телу пробегают колючие мурашки.

Мужчина поворачивается, иронично вздергивает бровь и, окинув меня нечитаемым взглядом, невозмутимо вытаскивает из-под меня простынь, которой была застелена кровать. Затем принимается медленно обворачивать ею бедра, внимательно следя за моей реакцией.

– Так лучше? – продолжает издеваться несносный канцлер, демонстрируя новообретенную набедренную повязку, и присаживается

рядом на постель.

– Намного, – ворчу, продолжая пялиться в пол.

Близость обнаженного мужского тела действует на меня как-то слишком сильно. Раньше я никогда за собой подобной слабости не замечала. Что я мало мужчин видела? Пускай, не голых, пускай, в плавках... на пляже... но все же. Нужно с этим наваждением что-то делать и побыстрее, а то чувствую – мои мозги скоро превратятся в розовый клубничный кисель и совершенно перестанут соображать. А этого допустить уж никак нельзя. Мне еще защищать свои поступки придется, и лучше, когда при этом я буду использовать трезвые и взвешенные аргументы, а не мычать что-то нечленораздельное, как зомби безмозглый.

Поднимаю взор, все равно старательно избегая того участка его тела, которое теперь, к счастью, задрапировано белой тканью, и твердо смотрю ему в лицо.

– Вы тоже виноваты! – выпаливаю прежде, чем успеваю подумать. Слова о наказании вертятся в голове, одновременно пугая и отчего-то будоража сознание.

– Да неужели?! – в глазах Рейнхарда плещется изумление. Пожалуй, мне таки удалось застать его врасплох. – Позволь спросить, каким это я образом умудрился провиниться? – губы мужчины сжимаются в линию, а глаза сверкают разгорающимся недовольством. – Я тебя обеспечил всем, что только можно пожелать. Главное – сиди и не рыпайся, пока я не решу все проблемы. На кой черт, Доннар бы тебя побрал, ты удумала сбегать? Еще и скрыла, что перевертыш?

Гнев мужчины разгорается. Он резко поднимается и начинает нервно вышагивать по комнате, ворча себе под нос, что-то о моей легкомысленности и неразумности.

– Ах, так! – мгновенно вскипаю и тоже вскакиваю, прижимая к груди край покрывала. – А объяснить вы не побывали? Мол, сиди, Ветка, под замком и носа не показывай, ибо тебя тут парочка сумасшедших оборотней слегка растерзать хотят. Забава у них, видимо, такая. Я бы не сбегала тогда!

– Свежо предание, да верится с трудом... – рычит канцлер. – Раз моей просьбы тебе было не достаточно, то и аргументы мои бы не подействовали!

Я тоже рычу, только тихо, про себя.

– Вы ведь знаете, почему они на меня охотятся? – внезапная догадка, заставляет замереть. Меня словно окатывает ледяной водой, и дыхание замирает в груди. – Это из-за вас они на меня напали? Из-за вас мне теперь нельзя домой? – продолжаю я, видя, как произнесенные мной слова еще больше распалют герра канцлера, и понимаю, что попала точно в цель. – И какая же у меня роль в вашей жизни? Просветите меня, убогую, вдруг пойму! – припоминаю их спор с Дитрихом и повторяю слова старенького доктора.

– Ты думаешь, после всего, что ты натворила, я тебе возьму и просто так расскажу? – цедит сквозь зубы мужчина, подходя вплотную ко мне. – Цветана, ты предала меня, обманула и удрала!

Его громадные кулаки сжимаются до побелевших костяшек. Я, конечно, не думаю, что он может на меня замахнуться, но все равно становится как-то не по себе. Особенно, когда он внезапно хватает меня за плечи. Я снова вспоминаю о наказании, и нервно сглатываю. Руки начинают дрожать от страха, кончик покрывала выскользывает из ослабевших пальцев и открывает часть груди. Взгляд Рейна тут же падает на обнаженный участок моего тела. Я слышу, как учащается его дыхание, а ладони на моих плечах стискиваются сильнее.

– Вета! – хрипло шепчет он.

Краснея, как маков цвет, подхватываю ускользнувшую ткань и кое-как прикрываюсь.

А когда поднимаю голову, его губы накрывают мои в голодном, обжигающем поцелуе.

Глава 47

Тело накрывает жаркой волной, словно горячей тягучей лавой, затягивает в водоворот сладкого томления. Тихо всхлипываю и прижимаюсь теснее к Рейнхарду, зарываясь пальцами в его волосы. Я еще никогда и ни с кем такого не чувствовала, чтоб вот так, потеряв голову, откинув все сомнения, забыв о разногласиях погрузиться в омут ослепляющей страсти. Я хочу, чтоб это длилось вечно, чтоб его губы терзали мои, ласкали, покусывали, дарили наслаждение, но зажатое между нами покрывало, начинает медленно скользить вниз, оголяя тело. Кожа тут же покрывается мурашками, чувствуя прохладу воздуха, и это приводит меня в сознание.

Кое-как собравшись с силами, отрываюсь от Рейна и подхватываю край своей накидки.

– Остановитесь, – прошу я, не узнавая свой голос. Он звучит томно и слегка хрипло. А еще совсем неуверенно. Будто слова, слетевшие с моих губ лишь формальность и дань приличиям, а на самом деле я вовсе не хочу, чтобы прекращалось это безумие.

Рейн глубоко и шумно дышит, прожигая меня темнеющим взглядом, и отступает на шаг.

– Ты права, – соглашается мужчина. И в моем сердце эхом отдается сожаление. Как легко он обуздал себя и отказался от моих поцелуев. Мог бы для приличия и посопротивляться. Но, видимо, Кларисса целовала его гораздо лучше, чем я, имея обширную базу знаний и многолетний опыт.

Старательно отвожу взгляд, чтобы он не смог прочесть в нем острую обиду и горечь.

– Нам необходимо взять себя в руки и поговорить, – убежденно добавляет канцлер. Его рука проходится по волосам, взъерошивая их на макушке.

Чтобы как-то отвлечься, принимаюсь оглядываться по сторонам, прикидывая, куда мы попали. Комната удивляет своей простотой и уютom. А еще непохожестью на королевские палаты, и мне тут же становится спокойно, словно я, наконец, оказалась дома.

Деревянные стены, высокий торшер возле кровати, неприязнительная добротная мебель. В них нет и намек на богатство и роскошь, лишь качество и удобство. Такой домик вполне мог принадлежать простому жителю, а не канцлеру огромного королевства.

– Где мы? – удивленно спрашиваю.

– В моем охотничьем доме... Тут нас никто не побеспокоит. И, к твоему сведенью, – криво улыбается оборотень. – Если ты в данный момент прикидываешь способ еще раз сбежать, то вынужден предупредить – здесь на много миль вокруг нет ни души.

Вспыхиваю от возмущения, тут же желая доказать, что ни о чем подобном и не помышляла. Но увидев ехидный оскал оборотня, понимаю, что герр канцлер только этого и ждет, и с удовольствием полюбуется на то, как я в гневе буду сотрясать воздух и убеждать его в обратном. Посему цепляюсь совсем за другую фразу, которая меня немного удивляет.

– В твоём? – изумленно переспрашиваю, еще раз оглядывая более чем скромную обстановку.

– Я не всегда был канцлером, – улыбается Рейнхард, на этот раз вполне искренне. – Покой и уединение нужны даже сильным мира сего. Хотя, признаюсь честно, я не был в этом доме уж много лет... Все времени как-то не хватало...

Теперь мне понятно и запустение, царящее тут, и затхлый воздух, и пыль на всевозможных поверхностях...

Это конечно прекрасно, что канцлер нашел минутку провести свои владения, но пока совершенно непонятно, по какой причине именно сейчас и со мной.

– Почему мы тут? – ежусь от прохлады, догадываясь, что температура здесь явно ниже, чем в столице, а дом никак не отапливается, ведь в нем давно никто не жил.

Рейнхард окидывает меня внимательным взглядом и, заметив, что меня начинает потряхивать от холода, подходит к старинному дубовому шкафу, отворяет скрипучие двери и извлекает оттуда пушистый клетчатый плед, который сразу же накидывает мне на плечи. Становится гораздо тепе и уютнее, несмотря на то, от его пальцев, на секунду задержавшихся на моих плечах, меня словно бьет током, и в животе скручивается тугой узел вновь пробуждающегося

желания. Что чувствует в этот момент сам Рейн, не знаю, но ладони быстро отдергивает и руки складывает на груди.

– Вы так и не ответили, – смущенно откашливаюсь. – Что мы тут делаем?

– Пытаемся сохранить тебе жизнь, – серьезно произносит мужчина. – Произошедшее с тобой, явно указывает на то, что предатель гораздо ближе, чем я думал. И доверять не следует никому в замке.

На секунду меня охватывает самый настоящий ужас. Сохранить жизнь? Меня хотят убить? Но зачем? Почему? Что я такого сделала? Я обычная и ничем не примечательная девушка, не принцесса, не королева, даже не аристократка, разве что иномирянка. Но об этом никто не знал... почти...

– Это из-за вас на меня покушались? – снова озвучиваю свою теорию. – И поскольку вопрос касается моей жизни, я хочу знать все! – вздергиваю подбородок, расправляю плечи и твердо добавляю. – Эту информацию вы не имеете права от меня скрывать!

Пускай только попробует снова от меня что-то утаить, увидит, что земные девушки, это не только бомбы замедленного действия, а еще ураганы и тайфуны, сметающие все на своем пути... когда их крепко разозлить.

– Хорошо. Уговорила, – удивительно легко соглашается Рейнхард.

И в душу сразу же закрадывается червячок подозрения – с чего это он так легко согласился. Носом чую, где-то здесь кроется подвох.

Глава 48

Рейнхард

Я вижу, как удивленно распахиваются ее глаза, как приоткрываются в изумлении зацелованные мной ярко-красные губы, как поднимаются вверх тонкие, словно нарисованные брови. Высокий лоб прочерчивает задумчивая морщинка, полагаю, маленькая лисичка изо всех сил пытается понять, что же подвигло меня на такое быстрое согласие и даже не догадывается, что причиной является она сама.

После того сумасшедшего поцелуя я окончательно понял, что бегай, не бегай от судьбы, а она все равно тебя настигнет. Познав вкус ее губ, я понимаю, что отпустить свою избранницу не смогу, отказаться от нее не смогу. И сделаю все, чтобы она была со мной. Я и сейчас невыносимо хочу сжать ее в объятьях, зацеловать до тихих стонов и сладостной дрожи, наблюдать, как разгорается в ней страсть и желание, и наслаждаться этим столько, сколько будет позволено. Но я слишком зол, чтобы поддаваться эмоциям.

Мысль, что Вету могли растерзать, приди я на минуту позже, переворачивает все внутри и отрезвляет моментально. Познать друг друга у нас еще будет время, уж я-то побеспокоюсь об этом, а вот узнать, кто из моего ближайшего окружения точит на меня зуб нужно как можно быстрее. Пока они не предприняли вторую попытку.

Пронюхать, кем для меня является Вета, мои недруги не могли, возможно, просто воспользовались случаем захватить человека приближённого ко мне. Или убрать с дороги конкурентку, уничтожив таким жестоким способом. Не будь Цветана лисой, не продержалась бы и минуты со зверями один на один. Но так жестоко и импульсивно скорее поступила бы ревнивая женщина, а не мой неизвестный враг. Тот бы постарался извлечь пользу, пленив девушку, возможно, повлиять на реформы, которые я усиленно продвигаю в парламенте, или побеспокоиться о сохранении тепленького местечка, зная, что я скрупулезно чищу министерства от взяточников и хапуг.

– Давай мы сейчас сделаем так, – говорю, видя, что Вета продолжает дрожать, даже укутанная в теплые одеяла. – Я разожгу

камин, он быстро нагреет и дом, и воду в трубах. Можно будет искупаться и согреться. За домом смотрят, и дрова должны быть. А вот еду не обещаю, – удрученно развожу руками.

– Спасибо, – тихо произносит девушка, одаривая меня благодарным взглядом. – А на счет обеда не беспокойтесь, я не голодна.

– Это тебе сейчас так кажется. Из-за пережитого стресса... Но увидишь, через полчаса природа возьмет свое. Я так и сейчас не прочь был бы кое-чем полакомиться, – пристально смотрю на нее, думая вовсе не о пище, вернее, не о той, которую мы обговаривали.

Цветана правильно понимает мой взгляд и густо краснеет, а от этого кажется еще милее и красивее. Я уже давно не видел, чтобы девушка так искренне стеснялась, не жеманничала и не старалась привлечь мое внимание. И эта непосредственность как раз таки меня притягивает больше всего.

Разжечь камин дело нескольких минут, и спустя полчаса в доме становится тепло. Вода в трубах тоже быстро нагревается. Пока Цветана плещется в ванной наверху, я быстро ополаскиваюсь в той, что возле кухни и принимаюсь обследовать кладовку.

К моему глубокому удовлетворению кое-какие продукты все же нахожу. Никак, старик Олли постарался и накинул стазис на разложенную на полках снедь, надеясь, что я все-таки найду время посетить родные места.

Спальня находится на втором этаже, и я сразу же слышу легкие тихие шаги на скрипучей деревянной лестнице, а затем вижу в дверях гостиную и саму девушку, кутающуюся в огромный махровый халат.

– Как видишь, обед у нас все-таки будет, – обвожу рукой накрытый низенький стол, на котором покоится огромное блюдо с нарезанными кусочками ветчины и сыра и кофейник с горячим какао. – За едой и разговор легче идет, не так ли?

Вета рассеяно кивает, опускается на пушистую белую шкуру, разложенную на полу возле камина, и с видимым наслаждением протягивает озябшие руки к огню.

А у меня фейерверком в голове взрываются воспоминания.

Пробуждение этим утром я запомню на всю оставшуюся жизнь. Нет, сначала у меня и в мыслях не было, что девушка сбежала. Наивно решив, что преодолеть сильнейшее заклинание, наложенное на двери и

окна, Цветана не могла, я попросту подумал, что моя избранная удалилась в ванную. Но, когда она не появилась в комнате через полчаса, почувствовал неладное.

Я осмотрел все апартаменты до самого неприметного уголка, вызвал стражу, чтобы прочесать сад, и, конечно же, заметил следы остаточной магии непонятной природы. Точно такие же, которые коконом обволакивали саму девушку, начиная с той памятной ночи, когда ее нашел в саду Рикет. Но даже тогда я не допускал, что Вета сама улизнула.

Все мои мысли занимало лишь то, что этот наивный и чистый ребенок сейчас в руках неизвестных мне бандитов. Представляя, как она напугана и, возможно, ранена, у меня самого сжималось сердце. Хотелось уничтожить всех, кто посмел протянуть лапы до моей избранной, начиная от исполнителей и заканчивая заказчиком, кем бы он ни был.

Но, отслеживая шаг за шагом перемещения маленькой чертовки, и сопоставив факты с полузатертыми звериными следами, до меня дошло, что никто никого не похищал. Это сама Вета умудрилась использовать странную магию. Я, конечно, слышал легенды о перевертышах, но думал, что это все сказки. Так неужели моя избранница оказалась этим самым сказочным перевертышем, единственным в своем роде, уж на Эрдлихе так точно?

Не теряя времени даром, я отправил дежурных ко всем порталным салонам Бэрга, а сам двинулся по следу, который вел из городского парка до лавки ювелира. Любопытно стало, что моя находчивая девочка задумала, и как нашла себе сообщника, ибо следов оказалось два вида.

Я не успел на доли секунды, как раз разговаривал с мастером Вайсом, когда пришло сообщение от стражи. Подцепить остаточный след портала для меня было не проблемой, и, похоже, все-таки прибыл я во время.

Жмущаяся ко мне дрожащая лиса, в которой сразу угадывалась Вета, пробудила доселе неведомые мне желания. Гнев на малышку улетучился сразу, осталась лишь темная всепоглощающая ярость на ее преследователей.

И вот теперь она снова дрожит, то ли от холода, то ли от страха, тянется к огню и избегает смотреть мне в глаза.

– Что ж, спрашивай все, что тебя интересует, – протягиваю ей кусочек сыра с ветчиной и наливаю в большую керамическую кружку с толстыми стенками густое какао.

Глава 49

Цветана

Какао? Не может быть! Настоящее, густое, ароматное. Я даже замечаю три маленьких маршмеллоу, плавающих на поверхности напитка. Принимаю из рук канцлера горячую чашку и с удовольствием вдыхаю потрясающий шоколадный запах, не решаясь пока попробовать. Просто наслаждаюсь моментом предвкушения изумительного привкуса какао и растаявших воздушных сладостей в нем и предугадываю ощущение согревающей теплоты, которую подарит этот восхитительный напиток. А еще даю себе время тщательно обдумать вопросы, раз уж получила карт-бланш.

– Давайте тогда по-порядку с самого начала нашего знакомства, – помедлив, начинаю, чуть пригубив из чашки какао. – Почему вы меня забрали из родного мира?

Чувствую, ответ на этот вопрос – ключ ко всему со мной произошедшему. К тому же он очень не нравится Рейнхарду, мужчина снова хмурит брови и тоже задумывается.

– Помнишь, как ты удаляла яд из раны? – начинает он, пристально смотря мне в глаза.

– Конечно, помню. Как такое забыть? – тут же подтверждаю.

Правда у меня больше сохранились воспоминания об ужасе, который меня накрывал колючей волной, о боли, которую чувствовала, режа живого человека, о тошноте, которую испытывала, выдавливая черную насыщенную отравой, кровь. Сама операция для меня сохранилось только в виде каких-то смутных отрывков.

– Ты ведь поранилась, правда? – снова спрашивает канцлер.

Озадаченно морщу лоб, не понимая, к чему он клонит. Может, и поранилась. Только на мне тогда столько было ушибов и царапин, да еще и нога болела немилосердно, что я, видимо мало обратила внимание на еще одну.

– Может быть...

– Понимаешь, – поднимается на ноги Рейн и начинает мерить шагами комнату. – Так получилось, что в этот момент наша кровь

смешалась.

Я уже заметила, что это у него такая привычка. Когда герра канцлера обуревают эмоции, с которыми он не в силах совладать, он принимается либо ходить кругами, либо взъерошивать волосы на макушке, либо и то и другое вместе. Вот и сейчас его рука уже тянется к темным прядям и в волнении принимается их растрепывать. Несмотря на ситуацию, в этот момент Рейнхард мне кажется ужасно милым и каким-то родным. Встряхиваю головой, разгоняя розовый туман умиления, и снова сосредотачиваюсь на разговоре.

– Допустим, смешали, хотя я этого не помню, – киваю в ответ. – Ну и что? Поверьте, я совершенно здорова, никакие болезни, передающиеся через кровь, вам не грозят. Меня обследовали недавно в студенческой поликлинике, брали анализы. Вам нечего бояться.

Мужчина резко останавливается, бросая на меня недоуменный взгляд.

– О чем ты, Вета? Вряд ли у вас на Земле есть болезни, которые было бы не под силу излечить нашим магам, – заявляет он.

– Тогда я ничего не понимаю... – удрученно качаю головой. – К чему тогда то, что у нас смешалась кровь? Мы что, стали кровными родственниками после этого, – не совсем умело шучу, стараясь разрядить обстановку.

– Почти... – тянет канцлер, прожигая меня нечитаемым взглядом.

– Так я теперь ваша сестра? – наивно спрашиваю, и только потом до меня доходит – те чувства, которые я испытываю к Рейнхарду совсем не сестринские, да и он, судя по всему тоже. Сестер так не целуют, а те не отвечают на поцелуй с таким пылом, мечтая о большем. Это немного пугает, и я ставлю чашку на стол, замечая, как начинают подрагивать пальцы.

– Нет, Вета, – хрипло говорит Рейн и подходит ко мне. Садится прямо напротив, настолько близко, что меня мгновенно кидает в жар. – Ты мне не сестра...

Его рука тянется ко мне, подхватывает прядь уже подсохших волос, пропускает сквозь пальцы, лаская подушечками ставший от влаги волнистым локон. Мне мгновенно становится нечем дышать, и электрические разряды пробегают по телу так, словно его ладонь ласкает не волосы, а ставшую невероятно чувствительной кожу, я буквально ощущаю его касания и замираю, затаив дыхание.

– А кто? – облизываю пересохшие от волнения губы.

Его взгляд мгновенно темнеет, становится обволакивающим и исполненным желанием, на которое тут же сладкой дрожью отзывается мое тело.

– Ты моя невеста!

Глава 50

Невеста? Мне кажется, что я ослышалась.... Или он пошутил... Улыбаюсь несмело, показывая, что юмор я оценила, но Рейн по-прежнему серьезен. И в сердце закрадывается холодок сомнений.

– Вы не шутите? – переспрашиваю, ожидая, услышать опровержение, но мужчина медленно качает головой. – Но почему? Как так получилось? Только из-за крови?

Это просто в голове не укладывается, дикость какая-то. Им что, и переливание нельзя делать, а то привяжешь себя к неизвестному донору.

– Не совсем... – говорит Рейнхард, отводя взгляд. – Кровь – очень сильный передатчик энергии и информации. В нашем мире она имеет массу магических свойств. Но все же обмен кровью может навеки связать не каждого... а только тех, кто идеально подходит друг другу по множествам параметров. И так уж совпало, что ты для меня идеальная половинка, моя избранница.

– Но я не хочу! И не требую от вас ничего, – испуганно вскидываюсь.

Идеальная половинка... надо же... И что теперь прикажете делать? Смириться, зарыдать от счастья, что стала невестой канцлера, упасть без чувств от снизошедшей на меня благодати... А если у нас не срастется? Если мы уже через месяц возненавидим друг друга? Ведь ни я, ни он, по сути, не знакомы.

– Это уже не имеет значения. Мы связаны навеки, наши тела уже реагируют друг на друга, причем эта реакция проснулась моментально, а значит нам будет идеально вместе, – на губах канцлера появляется предвкушающая ухмылка.

Вот спасибо, обрадовал! Еще и улыбается так самодовольно.

– А разорвать никак нельзя? – отодвигаюсь подальше, вопреки желанию тела, которое наоборот жаждет оказаться в объятьях мужчины и больше ни о чем не думать.

Взгляд оборотня мгновенно мрачнеет, а губы сжимаются в тонкую полоску.

– Нельзя, – цедит он сквозь зубы. – Ты теперь моя. А если у тебя есть на примете другой... кандидат – советую его забыть.

– Что-о-о? – я настолько удивлена этим заявлением, что больше не могу вымолвить и слова, только открывать и закрывать беззвучно рот от шока. Какой другой? Откуда? Я же взаперти сидела целыми днями!

– То, что слышишь, – одаривает меня тяжелым взглядом мой новообретенный жених. – Иначе... – делает пугающую паузу он. – Этот смертник горько пожалеет, что посмел польститься на мое.

Боже мой, о чем он? Польститься на что его? Я его? Так я ведь не вещь, чтобы кому-то принадлежать.

Теперь-то мне становятся понятны его заявочки о подборе мне достойного кандидата в мужья? Вот он! Достоянейший из достоянейших, цвет нации, завидный холостяк всего Берграйха, если не Эрдлиха, чего мелочиться...

И если б у нас симпатия была настоящая, а не навязанная каким-то странным ритуалом, то можно было бы еще о чем-то думать... А так... Все, что я чувствую... что он чувствует – жалкий суррогат... И как теперь быть?

Хочется плакать, выть от бессилия... Но ведь слезами горю не поможешь... И вдруг... вдруг можно будет найти какой-нибудь выход.

Давлю в себе бушующие эмоции, хватаю в руки чашку с уже остывшим какао и делаю большой глоток. Может, сладкое поможет мне справиться с осознанием того, во что я вляпалась.

– Рейнхард, давайте сейчас оставим эту тему, а то наговорим другу другу глупости, о которых потом пожалеем, – совладав с собой, начинаю я. – Сразу хочу отметить, для вашего спокойствия, что у меня нет никого и быть не может. А теперь объясните мне еще кое-что...

Огонь в глазах канцлера понемногу утихает, и он снова превращается в обычного, уравновешенного человека, то есть оборотня. Ума не приложу, что с ним было... Но меня такой момент немного встревожил, и повторения я не хочу. Откуда я могу знать, насколько он себя контролирует и не навредит ли мне в порыве ярости...

– Извини, я не хотел тебя испугать, – тут же говорит мужчина. – Конечно, спрашивай. Что ты хотела бы узнать?

Немного пожевав нижнюю губу, собираюсь с мыслями и, наконец, озвучиваю терзающий меня вопрос.

– Кто такие перевертыши?

Мужчина вскидывает на меня недоверчивый взгляд.

– Ты не знаешь? Ведь ты сама... – но видя на моем лице глубокое недоумение, принимается рассказывать.

– Пока я не встретил тебя, я думал, что перевертыши, это детские сказки. Но когда увидел твои следы в саду, догадался... Мне известно не многое, в конце концов, я давно был ребенком и подзабыл народный фольклор, но кое-что помню. Перевертышами называли ведьм и ведунов, которые получали возможность превращаться в животное. Они не оборотни, а люди, наделенные ведовскими способностями... Только в Эрдлихе уже давным-давно таких нет. Говорят, маги истребили последнего... Было это лет, этак, тысячу назад... И если б не ты, я так бы и думал, что это всего-навсего легенды.

Чудесно. Это получается я еще и ведьма. Единственная. А вдруг и меня теперь эти маги захотят уничтожить. Что им стереть с лица Эрдлиха одну маленькую неопытную лисичку. Раз плюнуть.

– Вета, ну чего ты испугалась? – протягивает ко мне руки Рейн, и я сама не замечаю, как оказываюсь у него на коленях. – Ты ведь моя невеста и под моей защитой. К тому же это все сказки... Может ведуньи просто так пропали, сила не передалась потомкам. Такое тоже бывает.

– Так выходит меня убить хотят, потому что я перевертыш, – пригреваюсь в его руках и немного успокаиваюсь.

– Нет, не думаю, – целует меня в макушку Рейнхард. – Боюсь, ты была права. То, что с тобой случилось очень похоже на устранение конкурентки, почерк женский. Но клянусь, больше они к тебе не подберутся, только слушайся меня. Ведь не будь ты за пределами дворца, с тобой бы ничего не случилось.

Молча киваю, признавая его правоту. Свобода свободой, но вначале нужно жизнь сохранить, а там уже будем разбираться с избранными и избранницами...

Широко зеваю, прикрывая рот ладонью. После обеда и насыщенного новостями разговора начинает немилосердно клонить в сон. А взглянув за окно, понимаю, что уже подбираются сумерки.

– Вета, ты уже носом клюешь, давай я тебя уложу, – хмыкает канцлер, снова целуя мои волосы.

– Но у меня еще вопросы, – вяло говорю я, чувствуя как путаются от усталости мысли в голове.

– Завтра задашь, – обхватывает пальцами мой подбородок и заставляет посмотреть ему в глаза. – Обещаю ответить на все.

– Сонно моргаю, сражаясь с дремой, и все-таки нахожу в себе силы озвучить еще один.

– Тогда ответьте на последний, – прошу.

– Только если действительно последний, – улыбается канцлер.

– Почему вы мне с самого начала не сказали о том, кто я для вас? Почему утаили о нашей связи, ведь тогда я бы не убежала...

– Ой, ли? – недоверчиво качает головой мужчина. – Что-то мне подсказывает, что наоборот, постаралась бы как можно быстрее улизнуть.

– И все же, – хмурюсь, отчетливо чувствуя, что не все так просто.

– Это все, – невозмутимо пожимает плечами канцлер.

Но что-то все равно царапает меня внутри, какое-то странное несоответствие. И не дает покоя подсознательное ощущение, что часть правды от меня утаили.

Глава 51

Спальня в маленьком домишке оказывается одна... И кровать тоже... Впрочем, Рейнхард даже и не намекает, на то, что будет ночевать внизу на диване в гостиной. Он с видом собственника ложится в постель, и заложив руки за голову, выжидательно смотрит на меня, пока я вожусь с завязками мужского халата, который так удачно нашла в ванной после водных процедур.

Пальцы начинают дрожать, и узел никак не поддается. Но виной всему не упрямый пояс, а мое волнение. Вот что у него в голове? Мы будем спать рядышком, как до этого? Или же он, официально проинформировав меня о моем статусе, будет ожидать большего? Но я к такому не готова... совсем не готова. Вернее, тело-то готово, более того, даже стремится к этому, а вот сознание отнюдь.

Ну, не могу я просто так поддаться инстинктам, не могу. Я любить хочу, и чтоб меня любили. А не считали “по всем параметрам идеальной парой” или от безысходности занимались любовью...

В конце концов Рейн нетерпеливо поднимается, тихо скрипнув пружинами матраса, и, в два шага преодолев разделяющее нас расстояние, освобождает меня от халата. Под ним на мне ничего нет, но мужчина беспристрастно вручает мне в руки свою рубашку. А когда я облачаюсь в нее, дотрагивается ладонью до моей щеки, заставляя посмотреть ему в глаза.

– Вета, я не животное, запомни, — строго говорит он, проницательно догадавшись о причине моего беспокойства. — И не собираюсь на тебя набрасываться. Это не означает, что мне не хочется, тем более, когда ты уже все знаешь и понимаешь, что наша близость неизбежна, но все зависит только от тебя.

– То есть вы меня заставлять не будете, — тихо спрашиваю, стараясь прочесть ответ в его глазах.

– Заставлять нет... А вот убеждать и соблазнять очень даже, — губы Рейнхарда трогает лукавая улыбка. И от этой улыбки у меня внутри все замирает в предвкушении. — Но... сейчас нам нужен отдых. Завтра утром я должен вернуться обратно во дворец, — с сожалением

говорит он, обжигая многообещающим взглядом. – Побудешь немного без меня... Не испугаешься?

Перспектива остаться на целый день в одиночестве в пустом незнакомом доме, по правде говоря, немного все же пугает, особенно после нападения, но я все равно твердо киваю.

– Нет, не испугаюсь. И убежать не буду, дождусь...

– Вот и молодчина, – чмокает меня в кончик носа Рейн. – Я бы с удовольствием остался с тобой, но нужно возвращаться. Государственные дела требуют моего постоянного присутствия, по крайней мере сейчас, когда мы формируем новый законодательный аппарат...

– Я понимаю, – едва слышно шепчу и сама, поднявшись на носочки, осторожно целую его в чуть колючую щеку. – Спасибо, что спасли меня во второй раз...

Глаза Рейна удивленно расширяются, а я понимаю, что это нужно было сделать уже давно. Мои благодарность и поцелуй идут от самого сердца, искренне и совершенно не из-за привязки.

– Давай, Вета, спать, – хрипло говорит мужчина, не отрывая от меня темнеющего взгляда. – А то сдерживаться мне становится все сложнее и сложнее...

Правильно поняв его прозрачный намек, тут же юркаю под одеяло и затихаю мышкой, чувствуя, как прогибается под тяжестью мужского тела матрас. А затем меня сгребают в охапку и крепко прижимают к себе.

– Спокойной ночи, Вета, – шепчет Рейн мне в волосы.

– Спокойной ночи, Рейнхард, – говорю в ответ, чувствуя спиной успокаивающее тепло его тела, мерное глубокое дыхание мужчины, которое действует удивительно успокаивающе, и незаметно для себя проваливаюсь в сон.

Утро я встречаю одна, развалившись звездочкой на пустынной кровати и сбросив во сне часть одеял. В доме тепло и вкусно пахнет – нагретым воздухом, в котором явственно ощущается приятный древесный аромат.

Накидываю ставший уже для меня родным халат и, немного похозяйничав в шкафах, извлекаю из ящика вязанные гетры, которые тут же натягиваю на озябшие ноги. Как хорошо, что у герра канцлера

тут осталась кое-какая одежда, и ее можно использовать без зазрения совести.

В гостиной я нахожу завтрак и записку от Рейнхарда. Мол, вернусь, как только смогу, принесу что-то вкусное и горячее на ужин из королевской кухни. Не скучай!

Повертев в руках бумажный прямоугольничек, аккуратно откладываю его, слегка погладив пальцами витиеватые буквы, написанные темно-фиолетовыми чернилами, и с благодарностью принимаюсь за еду.

Горячее какао, и творог быстро утоляют и так не слишком большой голод, а дальше, убрав и вымыв на кухне посуду, я понимаю, что делать мне совершенно нечего. Скучная книжная полка в гостиной пока не привлекает внимания, а вот двор возле дома, усыпанный белым пушистым снегом очень даже.

Я еще минут десять увлеченно созерцаю сверкающий под солнцем снежный покров, синеющую чуть поодаль кромку леса, и важную белобоку сороку, что-то увлеченно выискивающую на земле, пока желание сию минуту выйти на улицу, не начинает нестерпимо жечь в груди.

Не в силах совладать с ним кидаюсь к шкафу, где нахожу теплые вязанные шоссы, подумав, беру еще одни, подбитую мехом рубашку и жилет, а в шкафу в холле теплый плащ. С обувью возникают проблемы. На меня башмаки герра канцлера непомерно велики, но если обвязать вокруг щиколоток шнурки, то, может, и не спадут.

Так вот разряженная, как самое настоящее огородное пугало, я высовываю нос из дома и тут же зажмуриваю глаза от яркого солнца. Умопомрачительный запах морозного воздуха и соснового леса забивает легкие так, что даже начинает немного кружиться голова. Я немного стою на крылечке, стараясь привыкнуть к ощущениям, а затем делаю осторожный шаркающий шаг вперед.

Свежевыпавший неглубокий снег тут же приминается под тяжелой подошвой, и я делаю еще один шаг. Сорока испуганно вспархивает, но далеко не улетает, а садиться на расстоянии нескольких метров от меня и снова начинает копошиться в снегу. К ней присоединяется оголодавшая товарка, и птицы с двойным энтузиазмом принимаются за работу.

Я немного понаблюдав за ними, решаю немного прогуляться, хотя бы обойти по кругу дом. За двор, мне страшно выходить, хотя Рейнхард и говорил, что я тут в безопасности. Впрочем, и двора-то тут особо нет. Сам дом построен посреди огромной поляны, плотно окруженной высоким хвойным лесом, углубляться в который у меня совершенно нет желания.

Намотав несколько кругов, возвращаюсь к крыльцу и вижу по-прежнему занятых делом сорок, теперь бедняг уже три. Пожалев несчастных птиц, возвращаюсь в дом и, прихватив остатки творога, высыпаю его на землю. Вначале сороки даже внимания не обращают на мое подаяние, но стоит мне только скрыться за дверью, как с голодным энтузиазмом бросаются на угощение.

Я умильно наблюдаю за этим уже из окна гостиной, раздевшись и устроившись на подоконнике. Ходить в халате мне неудобно, а оставшись в одних шоссах и теплой сорочке я чувствую себя вполне комфортно, словно в леггинсах и тунике, и принимаюсь раздумывать над тем, что делать дальше.

Глава 52

Рейнхард

– Вот отчеты, герр канцлер, – тычет мне в руку кипу бумаг верный помощник Гофрид.

Просматривать документы приходится на ходу, задерживаться на работе у меня сегодня в планах нет.

И так, графиня Бульштейн скорпостижно скончалась, упав с лошади. Отчеты двух патологоанатомов и свидетельские показания твердят о том, что смерть была чистой случайностью, и следов насилия нет. Любопытно...

Кларисса очень любила ездить верхом и была умелой наездницей, что же ее подвигло взять, во-первых, на прогулку не свою любимую Луну, а нового и необъезженного жеребца Шварца, во-вторых не удержаться на его спине, когда она с младых лет лихо управлялась с самыми норовистыми лошадьми... Вопрос остается открыт... В том, что от бывшей любовницы избавились, как от главного свидетеля, сомнений не возникает... А вот как... Пригрозили? Возможно... Лошадь отравили? Тоже вариант...

А вот и отчет ветеринара. Шварц был полностью здоров. Был. Его ликвидировали сразу. После происшествия он начал вести себя неадекватно и пришлось животное убить.

Так, что у нас дальше... Допрос Лизхен... Служанки моей невесты. Так... Эта ничего не знает, ничего не видела, верой и правдой служит королевской семье уже десять лет, продолжая семейную традицию. Но на прортальщика Вету навела именно она, хотя и не нарочно. Впрочем, за ней еще стоит понаблюдать. Пока пускай возвращается к своим обязанностям.

Бруна, новенькая, заменяла Лизхен, пока с той беседовали наши доблестные следователи по вопросу прогулок Веты по ночам в королевском саду. Ее и допрашивать нечего, всего-то день провела в покоях Цветаны.

Сестра Лизхен Илма, прортальщик. Вету видела первый раз, но кое-что любопытное сказала. Перед моей нареченной к ней на прием

приходил клиент, записался в последний момент, уговорив принять раньше начала рабочего дня. Настаивал на встрече, делая акцент на срочности и переплачивая за неурочный час, а сам перекинулся парой слов с Илмой и вышел. Но, после отправки Веты зашел снова и попросил отправить в тот же мир. Назвался родственником девушки... Среди трупов, напавших на Вету оборотней, переправленных с Земли, Илма его не опознала. Хотя довольно-таки подробно описала, и художник уже набрасывает его портрет.

Допрос некромантами тоже не дал результата. Оба мертвых оборотня молчат, связанные печатью. Хотя маги уже работают над ее взломом. Надеюсь, они закончат раньше, чем станет слишком поздно. Через несколько дней после смерти мозг полностью разрушится, даже несмотря на наши ухищрения в замедлении процессов гниения, и от таких свидетелей кроме мычания ничего не добьешься.

Остальные документы прячу, просмотрю в лесном коттедже. А сейчас время опрашивать следующего свидетеля, и я хочу при этом присутствовать.

Мальчишка лет двенадцати сидит за столом в допросной и хмуро смотрит на всех исподлобья. Худой, грязный, щуплый... обычный уличный побирушка.

– Я уже все рассказал, – зло фыркает он, увидев меня. – Больше ничего не знаю.

– Так расскажи мне еще раз, я ведь не слышал, – сажусь напротив него и пристально смотрю в глаза. Оборотень. Чистокровный. Какое-то мелкое животное, возможно хищник.

– Пускай те вам перескажут, – презрительно цыкает в сторону оборотней нахальный малой и вольготно откидывается на спинку кресла, складывая руки на груди.

– А хочу тебя услышать, – хмыкаю про себя, но внешне остаюсь таким же суровым.

Несмотря на внешнюю браваду, постреленок явно чувствует во мне сильного хищника, которому инстинктивно следует кориться, но сопротивляется изо всех сил, то ли выгораживая кого-то, то ли просто отчаянно труся.

Запугивать детей я не люблю, но если он вхож в одну из уличных группировок, нужно постараться выжать из него все, что получится.

Гуманно выжать естественно. А потом пристроить к делу. Нечего таким талантливым и смелым оборотням шататься по улице, попадая в новые и новые передряги. Он, судя по всему, умный малый и сразу оценит перспективу государственных харчей и образования.

– Давай так, – смотрю краем глаза на протокол, чтобы узнать имя ребенка. – Флоренс...

– Фриц... – перебивается меня постреленок.

– Прости? – удивленно поднимаю брови

– Меня зовут Фриц, – с нажимом произносит детеныш.

– Хорошо, Фриц, – тут же соглашаюсь. – Мы забываем о твоём вторжении в королевский сад, которое между прочим карается законом. – А ты с нами сотрудничаешь.

– Карайте, – упрямо вздергивает подбородок мальчик. – Максимум – вы меня посадите в тюрьму для несовершеннолетних. А если я вам солью информацию, меня прирежут в первую же секунду на улице.

– Не прирежут, Фриц, – твердо заявляю. – Ты на улицу не вернешься. Я забираю тебя себе.

Глаза мальчишки округляются как два блюдца, кажется он вот-вот упадет от изумления.

– Куда это себе? – испуганно выдавливает он.

– Ты знаешь кто я? – хитро щурюсь.

– Знаю, презрительно кривится ребенок. – Ты булл.

Ругательное название городской стражи слетает с его губ очень даже легко и непринужденно. Гневно дергается один из следователей, оскорбленный подобным высказыванием, второй оказывается более сдержанным, но тоже сжимает кулаки.

– Ты ошибаешься, малыш, -- вкрадчиво говорю, не отрывая взгляда от его глаз. – Я Рейнхард Вельф... Слышал о таком?

Лицо мальчугана удивленно вытягивается, и он сдавленно хрипит.

– Канцлер? Настоящий канцлер?

– Он самый. Так ты будешь рассказывать? – спрашиваю я, и вижу в ответ, испуганный, но исполнений благоговейного уважения и восхищения кивок.

Спустя полчаса я выхожу из допросной совершенно удрученный полученными знаниями. Что понадобилось от Веты Слепому –

главарю местной бандитской шайки – остаётся под большим вопросом.

Попадаю в коттедж я значительно позже, чем рассчитывал. Пришлось отдать множество указаний по поводу своего малолетнего осведомителя, ещё и уверить одного, что милая девушка Виолетта, которая угощала его вкусными конфетами, в целости и сохранности.

В гостиной лесного домика темно, как и на кухне. Но пахнет совсем иначе, чем вчера, пахнет домом, деревом и Ветой, моей маленькой лисичкой, пахнет местом, куда хочется возвращаться снова и снова и это чувство для меня неожиданно дорого.

Моя невеста в спальне, сладко посапывает на кровати в обнимку с какой-то книгой, так и не дождавшись меня. И я, быстро сходяв в душ, аккуратно ложусь рядом, прижимая к себе девочку, ставшую уже для меня удивительно близкой и родной, и сам ныряю в сон. Нужно будет за завтраком кое-что обсудить.

Глава 53

Цветана

Просыпаться полностью взобравшейся на Рейнхарда начинает входить у меня в привычку. Себе же я напоминаю коалу, которая руками и ногами оплела ствол эвкалипта в виде блаженно улыбающегося во сне канцлера. Как в таком положении мы умудряемся преспокойно дрыхнуть, остается тайной за семью печатями.

Потихоньку отползаю, стараясь не потревожит оборотня – видимо, бедняга вчера слишком поздно вернулся – и поднимаюсь с кровати.

На кухне меня ждет обещанный горячий ужин, который в моем случае превращается в завтрак. Хотя есть с утра суп-пюре как-то непривычно, но мне настолько хочется ощутить вкус чего-нибудь жидкого и горячего, что я незаметно для себя уплетаю целую миску, возводя мысленную хвалу предусмотрительному канцлеру, наложившему на еду заклинание стазиса. Хотя и моей “спящей красавице” остается больше половины аппетитно пахнущего блюда.

Безумно хочется кофе, но пока я не умею пользоваться плитой, и приходится ждать пока проснется мужчина. Остатки хлеба я быстренько выбежав во двор, выкидываю прикормленным птицам, которые привели голодающие пополнение.

"Похоже я понемногу обзавожусь хозяйством...", – усмехаюсь про себя, наблюдая, как накидываются на угощение пернатые. А, когда возвращаюсь, Рейнхард уже сидит за столом и доедает остатки супа.

– Доброго утра, – смущенно улыбаюсь, одергивая подол его сорочки надетой на мне вместо туники.

– Доброе, Вета, – окидывает меня изумленным взглядом мужчина.

Ну да, выгляжу я явно необычно для этого мира. Да и для своего, чего уж тут скрывать.

– Извини, я совсем не подумал о твоей одежде. Нужно будет что-то прихватить с собой в следующий раз.

– Все в порядке, – небрежно отмахиваюсь, взбираясь на высокий стульчик у стола. – Меня тут все равно, кроме сорок, никто не видит, – на этих словах мой собеседник многозначительно покашливает, и я торопливо добавляю. – Ну, и вы конечно же.

– Все равно нужно. В таком уж точно нельзя возвращаться домой, – улыбается мужчина и встает из-за стола, чтобы поставить на плиту круглобокий, начищенный до блеска, чайник. – А то скажут, что канцлер денег жалеет на свою невесту.

– А когда мы вернемся? – тут же спрашиваю. Не то, чтобы мне тут не нравилось. Честно говоря, наоборот, в этом чудесном домике я чувствую себя удивительно спокойно и уютно. Мне даже иногда кажется, что мы с Рейнхардом обычная земная семья. Он уходит утром на работу, а я дожидаюсь его дома, занимаясь обычными для домохозяйки вещами. Вчера вот, уборку от скуки сделала.

– Нужно вначале вывести на чистую воду шпиона, который о тебе сливает информацию, – одаривает меня странным взглядом канцлер. Неужели прочел мои мысли? Смущенно опускаю ресницы. – Поэтому я объявлю во всеуслышание, что ты вернешься послезавтра. А еще пустим слух о твоём новом статусе. Это явно заставит злоумышленников нервничать, и они чем-то выдадут себя. А уж после можно и на самом деле во дворец.

План мне нравится. А вот то, что хижину так скоро придется покидать, не очень – снова придется жить в этих палатах, терпеть визиты принцессы и снисходительность Лизхен, наблюдать из окна за жизнью и не иметь возможности выйти на свежий воздух.

– А что вы еще узнали? – спрашиваю, старательно скрывая разочарование в голосе.

– А ты не могла бы ко мне обращаться менее официально? – хмыкает мой будущий муж.

– Ну, я не знаю... – растерянно хлопаю ресницами. – Это как-то неприлично...

Кто он, а кто я... "Тыкать" такому наделенному властью мужчине мне как-то неловко.

– Я твой жених, – напоминает канцлер.

Поджимаю губы. Вопрос о нашем браке для меня по-прежнему остается открытым. Во всяком случае пока. Сопrotивляться неизбежному в открытую глупо... Эх, если бы я действительно была

уверена, что весь тот спектр чувств, которые я испытываю, настоящие, то можно было бы куда-то двигаться. А так...

– Вета, у тебя нет выбора... Все равно больше ни с кем нам парой не быть... – правильно поняв мою заминку, говорит канцлер. – Что тебя пугает? Неужели я настолько плох в качестве мужа?

– А как же... любовь? – спрашиваю я, чувствуя, как болезненно сжимается сердце. – Вы ведь не любите меня... и я... вас...

Откровенничая с канцлером, я чувствую себя глупо и немного нелепо. А ещё боюсь увидеть насмешку в его глазах. Ведь и правда мои слова звучат слишком наивно и как-то по-детски. Но в его взгляде светится понимание и терпение.

– Любовь придет, – берет он в свои огромные ладони мою прохладную руку. – Не может не прийти. То, что мы чувствуем сейчас – это обычное притяжение, инстинкт, физиология. Но что есть любовь? Для тебя...

Его испытывающий взгляд пронзает меня, обжигает огнем, а пальцы ласково поглаживает тыльную сторону ладоней, рисуя на ней замысловатые узоры.

– Я... я не знаю, – растерянно шепчу, впервые задумываюсь над этим чувством.

Я думала, что люблю Сергея, но это оказалось не так. Я думала, что он меня любит, но и тут был обман. Как описать любовь? Оказывается, я ее никогда не испытывала... к мужчине во всяком случае. Если верить фильмам и книгам, – должны быть бабочки в животе, чувство окрыленности... как там еще описывают... потеря аппетита... что-то слишком на признаки гельминтоза похоже, вспоминаю старую шутку.

– Откуда ты знаешь, что-то, что ты чувствуешь ко мне не любовь? – правильно понимает мою заминку Рейнхард.

– Потому, что нас насильно связали? – делаю логическое предположение.

– А если б не связали. Если б мы встретились на улице. Ты бы обратила на меня внимание?

Внимательно смотрю на мужчину оценивая его внешний вид. Красив. Даже очень. Как актер или персонаж из женских романов.

– Обратила бы, – чистосердечно признаюсь. Как на такого не обратить?

– И я тоже, – улыбается оборотень. – Мы не могли не заметить друг друга, понимаешь? Мы и так бы начали испытывать симпатию. Просто считай, этот процесс существенно ускорился. А любовь? Может она уже пришла... просто ты не знаешь...

Слова мужчины зарождают в моей душе кучу сомнений, выбивают из равновесия, и я пока не могу думать об этом.

– А что вы узнали о нападавших на меня? – поспешно интересуюсь, решив подумать о том, что сказал канцлер, когда останусь наедине.

– Не много, – недовольно хмурится он. – Такое чувство, что мы что-то упускаем, что-то важное и очевидное. Но пока ниточек никаких не обнаружено, кроме того, что за тобой следили и знали, в какой ты салон отправишься. Хоть эти знания достались им в последний момент. И что искала тебя местная шайка под предводительством Слепого. А выдал им о тебе информацию твой приятель...

– Какой? – изумленно поднимаю брови.

– Флоренц, – ошарашивает меня Рейнхард

– Вы взяли Флоренца! – задыхаюсь от возмущения. Бедный ребёнок. Он же, наверное, напуган, растерян... Изверги!

На плите, вторя моим эмоциям, начинает свистеть закипевший чайник.

– Взяли... – невозмутимо подтверждает мой собеседник, снимая с плиты испускающую клубы пара посудину. – И допросили.

– Вы поиздевались над невинным дитем? – в голове не укладывается подобное кощунство. – Как так можно! Что с ним?

Взгляд мужчины становится каким-то слишком ласковым и снисходительным.

– Во-первых, это дитя повзрослее тебя будет, – начинает он, разливая по чашкам с сухой заваркой кипяток. Прозрачная жидкость тут же окрашивается в яркий коричнево-оранжевый цвет. – Во-вторых, как тебе в голову такое могло прийти? Мы просто побеседовали. И я забрал мальчугана с улицы. Такие расторопные мне на службе сгодятся...

– Куда забрал? – все ещё не слишком доверяю канцлеру. С чего такая доброта?

– У нас есть муниципальные школы, под опекой министерства образования, – принимается терпеливо объяснять Рейн. – Детям не

место на улице, даже таким сообразительным и самодостаточным. К стати, Фриц о тебе спрашивал. Пускай немного все утрясется, и вы сможете с ним увидеться.

– Правда? – удивленно округляю глаза.

– Обещаю... – гладит меня по щеке мужчина, вызывая в душе незнакомый трепет.

Чай мы допиваем молча, думая каждый о своем. А научив меня пользоваться плитой и пообещав сегодня вернуться пораньше, герр канцлер целует меня в лоб и отбывает на службу. Я вновь остаюсь в одиночестве...

Глава 54

Казалось бы, мне скучать и скучать в этом невольном заточении. Ведь по сути я снова взаперти. Да только мои ощущения разительно отличаются, от тех, которые властвовали надо мной в королевских палатах. Этот маленький лесной домик становится для меня таким островком спокойствия и умиротворения. Я искренне наслаждаюсь каждой минутой, проведенной тут. Моя душа словно излечивается, а мысли очищаются от ненужной шелухи из обрывочных воспоминаний, страхов и навязчивых идей.

Подставив лицо ярким лучам зимнего солнца, сижу на крылечке, закутавшись в целых два теплых плаща и думаю над словами Рейна.

Выхода действительно нет, нам предстоит быть вместе, жить рядом и стать настоящей семьей. Такая связь действительно неразрывна, и судьба, видно, поиздевалась над нами, решив свести человека и оборотня.

Да, я хотела по любви, хотела, как в фильме, в сказке... и чтоб сердце пело, и чтоб душа одна на двоих... но этого не произошло. Зато у меня теперь есть жених. Привлекательный, спасибо Фортуне, но совершенно чужой мне и не любимый. На одном притяжении ведь далеко не уедешь. Только ведь говорят, что любовь живет три года, дальше привычка. И я знаю немало семей, где страсть утихла, а осталась дружба, уважение и теплота. Может, если между нами тоже возникнут хотя бы такие чувства – это уже будет неплохо. И если помечтать, то вполне можно допустить, что и любовь появится со временем.

Заглянув к себе в сердце, я четко понимаю, что уже готова влюбиться в этого несносного канцлера. Воспоминания о том, как он бережно нес меня на руках, целовал, держал в объятьях, заставляют все внутри трепетать, а сердце сладко замирать в груди. И, может... он тоже сможет меня полюбить.

Да, я не такая эффектная, как Николь, не такая опытная, как Кларисса. Но я умею быть верной и честной. Умею заботиться и слушать. К тому же я отнюдь не дурнушка, и, нарядившись в

шикарные наряды, вполне могу посоперничать с некоторыми из местных красавиц. Как там в моей любимой книге говорится – “Мы рождены, чтоб сказку сделать былью”. Пора приниматься за дело. Я смогу быть счастливой, пора уже перестать себя жалеть и мотать сопли на кулак, прошлого не изменишь, а вот будущее вполне. Я сама кузнец своего счастья.

После принятия судьбоносного решения, на душе становится легко и радостно. Имея в голове новый четкий план действий, я чувствую себя снова живой.

Второй вопрос, который меня безмерно волнует – мои проснувшиеся способности. Вчера я попыталась еще вспомнить пару заговоров, но применить их было не на ком. Не резать же себе руку, чтобы прочитать кровоостанавливающее заклятие... Все стишки, которые сохранились в памяти, я решила тщательно записывать, и, найдя в письменном столе гостиной старый пожелтевший от времени блокнот, тут же перенесла их туда, и те, которыми пользовалась и те, которые просто пришли на ум. Оказалось, не много-не мало, а целых десять страниц. Никогда не думала, что все эти шепотки настолько отпечатаются у меня в подсознании.

А по возвращению в столицу нужно будет выпросить у Рейнхарда разрешение на посещение библиотеки, или пускай, если опасается меня пускать куда-либо, мне какие-то книги про перевертышей найдет, ему небось и самому интересно узнать кто его будущая жена.

На минуточку возвращаюсь в дом, чтоб вытащить из духовки творожную запеканку, продукты для которой я нашла в кладовке, и снова возвращаюсь на улицу. В четырех стенах я уже достаточно насиделась.

К полудню на улице теплеет, гирлянды сосулек, висящие под крышей, начинают таять, а снег становится липким и тяжёлым, и у меня в голове возникает странная идея, как можно себя развлечь.

Когда в дверях коттеджа появляется озадаченный моим отсутствием в домике Рейн, я уже водружаю мелкий ком на самый верх пирамиды из снежных шаров, и старательно делаю из палочек глаза, нос и рот. Выражение лица у снеговика получается странное, но я искренне горжусь делом рук своих.

– Вета? – вопрос в глазах канцлера так и светится непередаваемым изумлением. Молча развожу руками, и принимаюсь

отряхивать огромные рукавицы от налипшего на них снега. – Это что?

– Снеговик – невозмутимо заявляю. – Я в детстве обожала такие лепить. У нас все их любят.

– Это какое-то божество? – подозрительно шурится мужчина, спускаясь с крылечка.

Фыркаю от смеха. Надо же, божество... Впрочем, возможно когда-то и было, в дохристианские времена, кто ж его знает. А теперь всего лишь зимнее развлечение.

– Нет, просто забава, – качаю головой и, повернувшись к снежной бабе, начинаю старательно оглаживать ее круглые бока, педантично выравнивая поверхность шаров. Так же красивее...

– А зачем вам лепить чудовище? Это весело? – канцлер обходит по кругу мое творение...

– И ничего не чудовище, – тут же возмущаюсь, обижено сопя замерзшим носом.

Рейнхард, остановившись напротив предмета обсуждения, пристально вглядывается в его рожицу и недоуменно спрашивает:

– А почему он тогда злой?

Я тоже кидаю взгляд на снеговика, справедливо отмечая про себя, что лицо у него и вправду выглядит не слишком радостным и довольным.

– Может, потому что его чудовищем обозвали? – наивно предполагаю, невинно хлопая ресницами.

– Я его не обзывал. Это констатация, – серьезно заявляет мужчина, не поддавшись на мою провокацию.

Вот нет у канцлера, оказывается, чувства прекрасного, и такта тоже нет.

Словно какая то неведомая сила дёргает меня за руку, и я, не успев подумать, набираю пригоршню снега в руку и кидаю в зазевавшегося мужчину. На миг он становится таким растерянно-умильным, что я прыскаю со смеха, согнувшись пополам, а потом мне прилетает в ответ снежок. Минуту я стою опешив, а потом быстро наклоняюсь за ответным, но когда выпрямляюсь, канцлера и след простыл.

Пока растерянно оглядываюсь, выискивая противника, меня обхватывают со спины и крепко прижимают к груди. Сдавленно пискнув, роняю снежный снаряд. И Рейнхард, убедившись, что ему

больше ничего не грозит, тут же меня разворачивает лицом к себе. А затем я получаю горячий сладкий поцелуй.

От этого поцелуя все плавится внутри и ноги становятся ватными. И хочется прижаться к мужчине ещё теснее, раствориться в нем, стать с ним единым целым. С головы падает капюшон, и ветер тут же подхватывает связанные лентой волосы, забирается под ворот плаща. В груди начинает печь, будто маленький пожар разгорается в сердце, обжигая изнутри. С губ срывается приглушённый стон. Его пальцы зарываться в мои волосы, срывают ленту. Запрокидываю голову, чтобы глотнуть хоть каплю свежего воздуха, и его губы принимаются покрывать поцелуями мою оголенную шею. Внутри разливается сладостная истома, ноги уже перестают меня держать, и я хватаюсь за его плечи, чтобы не упасть.

Мы с трудом отрываемся друг от друга, когда громко хлопает, подхваченная ветром незакрытая дверь домика. Он тяжело дышит, я тоже чувствую, как бешено колотится мое бедное сердце.

– Думаю, нам лучше пойти в дом, – говорит немного растерянный канцлер.

– Да, думаю лучше, – покорно соглашаюсь и, немного помолчав, добавляю. – Вы... ты ... иди, я за тобой. Мне... мне подумать нужно...

Рейн одаривает меня внимательным взглядом и нехотя выпускает из объятий.

– Я скоро... обещаю... – убедительно настаиваю. Оказаться сейчас в душном помещении, когда меня словно что-то сжигает изнутри, мне кажется глупостью. Лучше остынуть на зимнем воздухе.

– Я буду рядом, – заявляет мой жених и нехотя шагает к крыльцу.

Согласно киваю, шумно вдыхая через нос морозную прохладу. Жжение в груди не стихает, а наоборот становится все сильнее и сильнее, пока не охватывает все тело. В глазах появляется нестерпимая резь, словно кто-то насыпал песок. Зачерпываю в ладонь горсть снега и тру краснеющие щеки, чтоб хоть чуть-чуть охладить пылающую кожу.

– Вета, что с тобой? – хмурится Рейн, заподозрив неладное. А у меня подкашиваются ноги, и я с тихим стоном валюсь в приятный своим покалывающим ледяным холодом снег.

Глава 55

Сознание меркнет, словно на голову накинули плотный полотняный мешок, отрезав от всего мира. Я шатаюсь в этой темноте, словно крохотная песчинка в толще воды, и лишь изредка до меня доносятся обрывки фраз и успокаивающий знакомый голос.

– Пить, – тихо шепчу надтреснутым голосом.

К моим губам сразу же приникает прохладная гладкая кромка чашки, а в рот тонкой струйкой льется вода.

Глоток живительной влаги по чуть-чуть возвращает меня к жизни, но я не спешу отрываться от сосуда, делая еще несколько. И только затем осторожно поднимаю тяжелые веки.

– Потерпи, милая. Сейчас тебе помогут, – уверяет меня Рейнхард, а затем, взмахнув рукой, открывает портал.

Перед глазами все расплывается, и спустя секунду мы уже не в нашем маленьком уютном убежище, а посреди незнакомого холла.

– Дитрих! – крик Рейна разрывает тишину дома. И столько отчаянья сквозит в его голосе, что мое сердце на секунду болезненно сжимается. – Дитрих!

Мне хочется поднять безвольно обвисшую руку, провести по его жестким черным, как безлунная ночь, волосам, сказать, что все будет в порядке. Но единственное на что хватает сил, это лишь слегка сжать дрожащие пальцы на его плече.

– Дитрих! – снова разноситься холлом.

Шаркающие тихие шаги раздаются откуда-то сбоку, а затем голос доктора удивленно восклицает.

– Герр канцлер?

Недоумение, сквозящее в словах лекаря, сменяется неприкрытой тревогой.

– Дитрих, спаси ее! – прижимает меня к себе Рейнхард. – Пожалуйста...

– Что с ней? – тут же интересуется врач, начиная скрупулезно осматривать меня.

– Я не знаю. Она просто упала. Все было хорошо, – целует мои волосы Рейн, пока лекарь прижимает к моему лбу прохладную ладонь. А затем коротко приказывает следовать за ним.

В теплом помещении жар снова охватывает меня своими огненными объятиями, глаза застилает красная пелена, мешающая рассмотреть образы перед собой. Я лишь чувствую, что меня куда-то осторожно укладывают. И запах чистых накрахмаленных простыней пробирается сквозь туман сознания. Прохладный хлопок приятно касается обнаженных участков пылающей кожи, которых становится все больше и больше.

– Нужно сбить жар, – ладонь врача прижимается к моему лбу и щекам. – Но боюсь, что препараты пока тут бессильны. Слишком быстро поднимается температура.

– И что ты предлагаешь? – деловито интересуется канцлер, аккуратно снимая с меня зимнюю одежду.

– Окунуть ее в ледяную ванну. Это единственный способ, – заверяет Дитрих и, к кому-то обернувшись, приказывает подготовить все необходимое. – Он даст нам немного времени, прежде чем начнут действовать лекарства.

– В ледяную? – в голосе Рейна сквозит недоверие.

– Да, герр Рейнхард, не забывайте, она человек, – веско произносит Дитрих. – Если температура поднимется выше сорока двух градусов, в ее организме начнут происходить необратимые изменения.

В рот мне потоком льется горькая жидкость, от которой немеет горло и становится трудно глотать. Но спустя несколько минут все проходит.

– Рейн, – тихо шепчу, опасаясь открывать глаза. Они настолько немилосердно болят, словно у меня снова корь, которой я переболела в детстве. Яркий свет вызывает нестерпимую резь, и такое ощущение, что все вокруг меня вертится, будто яркие стеклышки в каком-то в странном калейдоскопе.

– Да милая, – моего лба касаются прохладные губы.

– Не уходи, – прошу, нащупывая его руку.

– Не уйду, – обещает...

Обжигающий холод воды пробирает до самых костей, вгрызается сквозь поры, как голодная собака. Мышцы сразу же сводит судорогой, и я хнычу от неприятных ощущений. Разве можно чувствовать

одновременно облегчение от отступившего жара и резкую, непереносимую боль, от которой сжимаются зубы.

Хватаюсь руками за плечи Рейна и жалобно стону.

– Нет, нет, – вырывается у меня. Утыкаюсь носом ему в сорочку и дрожу, прикинув всем телом.

– Потерпи милая, это всего лишь минутка. Давай! – уговаривает меня мужчина, поглаживая по волосам. – Ты же у меня такая смелая. Такая сильная. Вспомни. Ты сможешь.

– Нет, не смогу, – мотаю головой, прижимаясь еще крепче.

– Я буду с тобой.

Рейнхард решительно подхватывает меня на руки и, крепко прижав к себе, сам ступает в ледяную воду. Я хватаюсь за него, как за единственный островок спокойствия, как за спасательный круг в бурных волнах бушующего моря, прикиваю к нему всем телом, чувствуя, как его сила, его уверенность просачивается в меня, впитывается всем моим существом, и отступает путающий сознание липкий жар. Холодная вода ледяным потоком омывает меня, унося с собой сжигающий изнутри огонь. Дрожь, сотрясающая мое измученное тело, отступает, и мышцы расслабляются, давая доступ приятной прохладе, пока я не начинаю стучать зубами уже от холода. И лишь тогда Рейн со мной на руках поднимается из ванны.

А позже, насухо вытерев, переодев рубашку, уложив в постель и напоив еще одной порцией гадкого зелья, канцер интересуется.

– Что это было, Дитрих?

– Я не знаю, герр Рейнхард, – аккуратно завинчивает крышечку на бутылочке с микстурой врач. – Могу только предполагать.

– И? – вздергивает брови оборотень

– Я бы не хотел делать опрометчивые выводы, герр Рейнхард, – мнетя лекарь. Но, увидев грозный взгляд канцлера, поспешно добавляет. – Это теория, не подтвержденная фактами... Думаю... все дело в вашем обряде...

Глава 56

Разговор мужчин до меня доноситься словно издалека, лекарство видимо начинает действовать, и я мягко проваливаюсь в вязкое полотно сна. Приходится изо всех сил бороться, чтобы удержать ускользающее сознание и услышать все до конца.

– Нашем обряде. О чем ты? – изумляется Рейнхард.

Он осторожно садиться на край моей постели и аккуратно поправляет сползшее одеяло.

– Смею допустить, что очередность действий, которую вы нарушили, имела серьезное значение... – трет переносицу уставший лекарь и тоже присаживается на стул возле моей постели.

Какую очередность действий мы нарушили, до меня пока не доходит, но по тому, как хмурится Рейн, понимаю, что он явно догадался, о чем речь.

– Ты хочешь сказать, – сдавленно произносит он, что ее организм требует окончания обряда.

Дитрих сдержанно кивает и, подумав, добавляет.

– При чем, чем скорее – тем лучше....

– Но почему ее? Я себя нормально чувствую... – растерянно произносит он и ласково проводит по моим спутанным волосам.

– Герр канцлер, я снова могу лишь предполагать... Возможно, дело в том, что она человек, и, соответственно, слабее вас. А, может, ей, как женщине, более нужна эта привязка... Для защиты потомства... – разводит руками врач. – Одно могу сказать – если хотите ее спасти, нужно довести обряд до конца и консумировать брак. К сожалению, подобных прецедентов не было в нашей истории. Либо они не известны. Мы и так потеряли время...

В комнате воцаряется какая-то гулкая давящая тишина, кажется, что даже дыхание мужчин не слышно, лишь из моих опаленных жаром легких вырывается прерывистый вздох. Закончить обряд и консумировать брак... Иначе я буду мучиться... Какое решение примет Рейн? Он, мне кажется, и так был не против... Отчего тогда настолько долго думает? Опасается моей реакции?

– Зови его величество, Дитрих, – решительно произносит канцлер. – Сделаем это немедленно... Хотя бы юридическую и магическую часть... Может, что-то и выиграем...

Дитрих согласно кивает и торопливо выходит, а Рейнхард склоняется ко мне и ласково целует в лоб.

– Вета, милая... – тихо шепчет он. – Я знаю, ты не спишь.

С трудом открываю веки и смотрю на мужчину. Его образ расплывается перед глазами, даже мягкий свет в комнате оставляет серьезный дискомфорт.

– Не сплю, – даже и не думаю увиливать. Что тут такого. Речь идет о моей жизни и здоровье, и я имею полное право знать все.

– Ты согласна стать моей женой? – спрашивает канцлер. Его глаза, скрытые в тени, кажутся темными и немного пугающими.словно два бездонных омута, в которые затягивает мою душу.

– Разве от моего согласия что-нибудь зависит? – слабо улыбаюсь, и поднимаю руку, провожу ладонью по его колючей от небритой щетины щеке. Он тут же ловит мои пальцы и прижимается губами к раскрытой ладони.

– Нет, ничего, – покачивает головой. – Если это единственный шанс, то я им воспользуюсь, а твое недовольство как-нибудь переживу.

Я чувствую, как его губы раздвигаются в легкой улыбке, и сама улыбаюсь в ответ.

– Это было неизбежно, – отвечаю. – Рано или поздно нам все равно пришлось бы сочетаться браком. Разве нет? Ты ведь этого хотел...

– Пришлось бы. Никуда ты бы от меня не делась, – сверкает он глазами, видимо, припоминая мой побег. – Но я бы предпочел обряд провести после того, как я наведу порядок в парламенте. Чтоб тебе больше ничего не угрожало...

– Мне и так постоянно что-то угрожает, – пытаюсь шутить. – Думаю, измениться немного.

После этих слов Рейн мрачнеет еще больше, и я ободряюще сжимаю его большую ладонь в своих руках.

– Только... – затаив дыхание, начинаю. – Только у меня есть одно условие.

Брови мужчины взлетают вверх, выражая любопытство.

– Как же наша Вета и без условий, – хмыкает он. Да... В чем, в чем, а в договорах я в последнее время преуспела.

– Ну, это не совсем условие, – мнусь я, краснея на этот раз не от жара, а от смущения. – Скорее просьба. Понимаешь, – стесняясь, отвожу взгляд. – Я всегда очень хотела большую семью, любовь, хорошего мужа, кучу детишек... – Рейн приоткрывает рот, чтобы что-то сказать, но я предупреждающе поднимаю ладонь. – Мои родители... Они умерли рано... Мне было лет шесть. Но я помню, что они любили меня, и друг друга. Очень сильно. И бабушка меня любила... И я прошу тебя... Знаю, между нами любви нет, но мы можем относиться друг к другу с уважением, симпатией...и... доверием. Давай попытаемся... давай попробуем быть хорошей семьей... для наших детей... ведь они когда-нибудь появятся, и для них это будет очень важно...

Моя речь слегка сумбурна и, возможно, не совсем понятна, мысли еще путаются в голове, и я переживаю, понял ли меня Рейнхард. Осторожно смотрю из-под опущенных ресниц, в надежде прочитать на его лице ответ. Но эмоции канцлера скрываются за бесстрастной маской. И это пугает меня не на шутку. С чего я взяла, что он меня послушает, с чего решила, что для него это тоже будет важно? Подумаешь, жена... Разве для него это что-то меняет? Работа – та же, дом – тот же, а интрижкам на стороне законная супруга совершенно не помеха... Это тебе не обычные люди, Вета, высший свет... Семья тут лишь номинально...

Становится больно и обидно... А еще стыдно за свою глупость... Испытывать ко мне влечение и теплые чувства это совсем не означает быть мне верным и хорошим мужем... Видимо я снова обманулась... Наивная, глупенькая Вета...

В этот момент дверь неожиданно открывается и в комнату широким шагом ступает король Орэль, а за ним поспешно семенит Дитрих.

– Ну, и где наши будущие новобрачные? – весело интересуется монарх.

Глава 57

Я слабо трепыхаюсь, чтобы подняться и поприветствовать монарха, как следует, но крепкие руки Рейна удерживают меня на месте.

Добродушный и немного обеспокоенный взгляд короля пробегается по мне – видимо, его ничуть не смущает мое невольное попрание придворных традиций – а затем он переключается на сидящего рядом со мной канцлера.

– Рейн, мне нужно с тобой кое-что обсудить, – многозначительно хмурится его величество Орэль, мигом теряя напускную веселость.

Рейнхард понимающе кивает, легко целует меня в лоб и удаляется с дядей за дверь, а я остаюсь мучиться сомнениями в гордом одиночестве. Дитрих копошится возле стола, раскладывая какие-то инструменты и приборы, за окном смеркается, и особо удачливая ветка мягко скребется по стеклу, нагоняя тоску и волнение. Сонливость, вызванная лекарствами, ввиду последних событий, отступает, словно ее и не было. Я откидываюсь на подушку и прикрываю саднящие веки, чтобы дать глазам немного отдохнуть, но внезапно понимаю, что слышу то, о чем тихо разговаривают в соседней комнате его величество и мой будущий муж.

– Ты уверен? – не скрывая тревоги, спрашивает монарх. – Разве нет возможности немного потянуть время? Ты же себя подставляешь... Если она тебя предаст, последствия будут катастрофическими. Ты готов рискнуть?

Я чувствую, как меня словно кипятком с головы до ног обдаёт. Вот как обо мне думают? Хотя чего я удивляюсь? Они ни меня не знают, ни моих убеждений. Еще и смогла их обхитрить и сбежать. С чего им мне доверять? Ему доверять...

– Да, дядя, уверен, – сквозь заглушающую мысли обиду прорывается голос канцлера. – Ей плохо и больно. Я не могу на это смотреть... – голос Рейна я совершенно не узнаю. Какие-то незнакомые странные нотки звучат в этой фразе, хотя сам тон довольно-таки твердый и бескомпромиссный.

– Неужели эта малышка затронула твое сердце? – удивляется король. – Ты ее любишь?

Я замираю как мышь, напрягаюсь, стараясь не пропустить ни звука. Во рту пересыхает от волнения

– Люблю? – режет, как ножом, изумленный тон Рейна. – Я не могу себе позволить такую роскошь. Но Вета... Она мне дорога. Эта девочка не заслужила того, чтобы расплачиваться за мою жизнь.

Я знаю, знаю, что это не признание, знаю, что он только что молотил какую-то чушь, о любви и роскоши, но сердце все равно бьется в груди, стучит, как молоточек, грозя вот-вот выпрыгнуть...

– Рейн, ты еще не знаешь последних новостей, – как-то слишком веско и значимо произносит король. – Мне об этом доложили всего около получаса назад, буквально перед вызовом Дитриха.

– Есть данные по предателю? Тому, кто следил за Ветой? – тут же догадывается мой будущий муж.

– Да, – как-то слишком виновато подтверждает монарх. – Мне жаль. Это моя ошибка, но это Лизхен. Мы ее задержали. Помнишь одежду, которую служба безопасности передала?

– Одежда Веты? – уточняет Рейн.

– Точнее фартук и чепец, которые принадлежали Лизхен. На них был маячок.

То, что Лизхен передала для меня совсем не является откровением, а вот то, что за мной следили пугает не на шутку.

– Что это за маячок, который королевская служба не засекала? – зло бросает канцлер.

– Это новая разработка. Возможно из соседней Ландрии, – оправдывается король. – Поверь, ни магически, ни визуально он был неразличим. Уж королевская служба точно может гордиться своими специалистами.

– И с помощью его они выследили Вету?

– Именно. Лизхен оставила свои вещи в комнате, которые и взяла твоя невеста для маскировки.

– Ты хочешь сказать, что они предугадали ее действия? Как? У них есть провидец? – изумляется мужчина. А мне становится страшно, очень-очень страшно. Это просто невыносимо чувствовать, что о каждом твоим шаге догадываются, знают, наблюдают...

– Я допускаю это. Хотя, они вполне могли просто следить за служанкой, а Цветана взяла их случайно. Так, что подумай дважды.

Душа ухает в пятки, я боюсь даже сделать вдох. Он откажется... Точно откажется... Сглатываю комок в горле, и задерживаю дыхание.

– Мне и одного раза хватило, — цедит сквозь зубы Рейнхард. — Я женюсь на Вете и смогу ее защитить, — резко закрывает тему мужчина и переводит разговор в другое русло. — Надеюсь, служанку забрали на допрос? Я хочу там присутствовать! Но завтра. Сейчас нужно закончить обряд.

Распахиваю глаза и с трудом заставляю себя разжать пальцы, нервно сжимающие покрывало. Сохранить лицо и сделать вид, что я ничего не слышала, удастся не сразу. Благо, что мужчины, еще какое-то время не смотрят на меня, а обсуждают некие формальности, необходимые для проведения обряда.

Ох, не так я себе представляла свою свадьбу и уж вовсе не думала, что замуж буду выходить в ночной сорочке и лежа в постели, да еще и за живого канцлера.

– Вета, ты готова, — подходит ко мне Рейнхард, пытливо заглядывая в глаза.

Мне хочется завопить, что я ни к чему не готова. И мне страшно, и возникает совершенно иррациональное желание отмотать все назад, потому, как замужество вовсе не входит в мои ближайшие планы, но я лишь сдавленно киваю. Все равно к такому невозможно быть готовым никогда.

Мужчина присаживается возле меня, берет мою ладонь, аккуратно поглаживает дрожащие в волнении пальцы. Его движения настолько легки и нежны, будто я хрупкая фарфоровая статуэтка, которая может от любого неосторожного движения сломаться.

Поднимаю на него глаза и словно в омут ныряю, тону в их невероятной глубине, будто выпадаю из реальности.

Сбоку раздается тихое покашливание. Король хмуриться, вертя в руках какие-то непонятные металлические браслеты. тонкие, изящные, с замысловатой вязью, оплетающей внешнюю сторону металла. По бороздкам надписи проскакивают светло-голубые искорки, указывая на то, что брачные артефакты напитаны магией под самую завязку.

Рейнхард берет в руку один из наручей и мягко надевает на мое запястье. От холодного металла по коже бегут колючие мурашки. Они

будто проникают мою кровь, заражая ее какой-то звенящей будоражащей энергией. А само украшение чувствуется, как что-то очень правильное и родное на руке.

Второй браслет Рейнхард отдает мне.

– Твоя очередь, - шепчет он.

Пальцы слегка покалывает током. Обхватываю металлический ободок и осторожно одеваю на запястье канцлера. На мгновение сердце в груди делает кульбит.

Где-то рядом слышатся слова короля, но самую суть обрядовых заклинаний я совершенно не понимаю. Мое внимание приковано только к Рейнхарду, к его глазам, рукам... нас словно окружает пылающая огненная стена, заключая в магический волшебный кокон. От его браслета начинает тянуться сияющая золотистая цепочка, наращивая звено за звеном, пока не достигает моего запястья. Я зачарованно смотрю за этим таинством, чувствуя, как от звучного голоса короля по телу бегут мурашки. Соединившая нас цепь начинает сокращаться, притягивая наши руки друг к другу, пока они не становятся настолько близко, словно мы сиамские близнецы, связанные запястьями, а затем браслеты вспыхивают, осыпаются золотистой пылью и бесследно исчезают. Обряд закончен.

– А теперь нам пора, – встает со своего места Рейн и подхватывает меня на руки вместе с покрывалом. – Спасибо за гостеприимство Дитрих.

Я прижимаюсь к мужчине, моему... мужу, пряча лицо у него на груди.

– Берегите себя, герр канцлер, – от чистого сердца желает лекарь и смущенно добавляет. – А с консумацией советую день потерпеть. Фройляйн еще не окрепла.

Я чувствую, как краснеет не только мое лицо, а и уши.

– Поздравляю, Рейн, – хлопает его по плечу король.

Мой муж что-то ему отвечает, а затем мы ступаем в портал. Я еще успеваю глухо спросить:

– А... куда мы?

И дыханье замирает от ответа:

– Домой...

Глава 58

Комнату, в которой мы оказываемся, я вижу впервые и с любопытством верчу головой, рассматривая совершенно неприятную и по-мужски лаконичную обстановку.

– Где мы? – изумленно спрашиваю, пока не понимая, куда мы попали.

Может, канцлер снова меня куда-то на край света переместил, опасаясь очередного покушения. Честно говоря, я очень рассчитывала на возвращение в горную хижину, которая успела за эти несколько дней стать мне родной. Но... решение принимала, к сожалению, не я.

– В моих апартаментах во дворце, – отвечает муж, аккуратно укладывая меня на огромную кровать. Яркое покрывало с выбитыми цветастыми узорами по краю, которое мы умыкнули из дома Дитриха, смотрится странно и чуждо на роскошном канцлеровском ложе, устланном пушистой снежно-белой шкурой какого-то неизвестного мне зверя.

Еще раз осматриваюсь, теперь уже с большим вниманием. Так вот где живет мой муж, оказывается. И теперь, получается, я? Ведь Рейнхард четко произнес слово “дом”, я слышала. Или, все же, мне выделяют отдельную комнату. В исторических романах не раз писали об отдельных спальнях для супругов, иметь общую считалось верхом неприличия.

– Тут полностью безопасно, – заметив мой взгляд и истолковав его по-своему, уверяет Рейн. – Доступ имеет лишь мой помощник Гофрид, и то в нежилую часть, и мой личный камердинер. Тебе, правда, пока придется обойтись без служанки, но потом мы ее подберем. Я лично прослежу, чтоб она была более надежной, чем ее предшественница.

– Да, конечно, – киваю я, припоминая разговор с королем.

Значит, предательницу Лизхен будут завтра допрашивать. Интересно расскажет ли мне мой дорогой супруг об успехах в расследовании. Уж очень хотелось бы узнать, для кого так старалась вероломная служанка. Вряд ли это ее идея и инициатива. Неужели принцессе расчищала дорогу к возлюбленному? Николь вполне могла

прозвать о том, что я иномирная – спросить у отца или Дитриха, вряд ли тот смог бы увильнуть от ответа ее высочеству, все ж человек подневольный. А может, просто пальцем в небо попала, или решила, что я телепорт в пределах Эрдлиха собираюсь использовать...

– Тебе нужно отдохнуть, – прерывает мои размышления голос Рейнхарда и извлекает из кармана брюк небольшой пузырек из темно-синего стекла. – И выпить еще порцию укрепляющего снадобья, которое рекомендовал доктор.

А я ведь, в самом деле, как-то по-детски наивно рассчитывала, что неприятные ощущения от незавершенного ритуала, как рукой снимет, когда мы все же его завершим. Ну, или хотя бы станет получше. А особых изменений в самочувствии не наблюдается – то ли времени прошло слишком мало, то ли консумация не менее важна, чем магическое подтверждение. Только сонливость вновь начинает потихоньку подбираться к моему все еще взбудораженному сознанию. А спать мне нельзя, по крайней мере, пока. Я должна хотя бы отчасти понять, что меня ждет.

– Мы за завтраком все подробно обсудим, Вета, – Рейнхард правильно понимает мой упрямый и преисполненный решительности взгляд. – Я обещаю...

– И расследование? – дотошно уточняю. А то знаю я Рейна, как облупленного... уже... Увильнет от темы, если не выбить конкретное обещание.

– И расследование, – вздыхает муж и тут же, подозрительно прищурившись, спрашивает. – Подслушивала?

Кивнув, краснею, как спелый помидор, но взор не прячу. Мне стыдиться нечего. Это же моя жизнь и не интересоваться ею я не могу.

– И все, что вы узнаете от Лизхен на допросе, – в конец наглею, упрямо задирая подбородок.

– И все, что узнаем на допросе, – поразительно быстро соглашается Рейн и протягивает мне стакан с налитым в него лекарством. – Но ты должна стать очень послушной девочкой и беспрекословно выполнять все распоряжения не только лекаря, а и мои тоже...

– Это шантаж, – недовольно ворчу, глотая горькую жидкость.

– Он самый, – подтверждает муж. – А теперь ложись. А я еще поработаю немного.

Честно говоря, я думала, что мы хотя бы вместе уснем, если уж близость нам запретили. Дремать в кольце его рук становится для меня привычкой, острой необходимостью, которую я не в силах преодолеть...

– Да, не такой я себе представляла первую брачную ночь, – тихо сетую себе под нос, ерзая на мягком матрасе в попытках устроиться поудобнее.

Глаза Ренйхарда темнеют, и у меня табуном бегут по коже мурашки.

– Мы наверстаем, – хрипло сулит он, награждая меня тяжелым многообещающим взглядом.

Глава 59

Мне кажется, я засыпаю, даже не успев закрыть глаза. Просто выключаюсь, провалившись в крошечную темноту, и совершенно не знаю, сколько времени мой новоиспеченный супруг провел за своей сверхважной работой, и когда уместился возле меня. Мне хватает и того, что, проснувшись, мой взгляд сразу же упирается в обнаженную мужскую грудь.

Странно, но обычного для таких ситуаций чувства потерянности и дезориентации нет. Как-то сразу понимаю, где я, и легко припоминаю события вчерашнего вечера – подумать только, теперь я жена канцлера Берграйха – да и чувствую себя значительно лучше. Кроме небольшой слабости, ничего больше не беспокоит. А уж ситуация, когда мое пробуждение происходит в объятиях Рейнхарда, в последнее время и так перестала быть из ряда вон выходящей.

Но сегодня... сегодня Рейн для меня как-то по-особенному привлекателен. И я глаз не могу оторвать от спящего мужа. Ровная, чуть тронутая загаром кожа, пульсирующая жилка на мощной шее, темные, слегка длинноватые волосы, завивающиеся на концах в колечки. А еще ресницы, едва заметно подрагивающие во сне, необычайно длинные и пушистые. Мужчинам такие ресницы иметь просто преступление.

Его грудная клетка плавно поднимается и опадает – судя по всему сон достаточно глубокий – и я могу безбоязненно и дальше пялиться на ничего не подозревающего канцлера, совершенно не опасаясь того, что меня могут уличить в этом нескромном занятии. Но спустя несколько минут простые гляделки мне откровенно надоедают. В пальцах просыпается непреодолимый зуд, руки таки и жаждут присоединиться к глазам в изучении того богатства, которое мне досталось в процессе женитьбы.

Я сопротивляюсь вожделению отчаянно, но не долго. И вот уже моя ладонь осторожно ложится на мужскую грудь, легко проходится по гладкой горячей коже, очерчивая рельеф твердых мышц, опускается ниже. Внутри замирает напряжение, я стараюсь не дышать, дабы не

нарушить очарование момента. Только губы слегка покалывает от невыносимого желания поцеловать Рейнхарда.

Я помню, как мы целовались там, возле хижины, помню свои ощущения и нескромные мысли, возникшие в тот момент, а еще томление и жар. И сейчас точно так же – тело словно пронзает острая молния, опалая изнутри своей жгучей стрелой, а затем внезапно мои любопытные пальцы мягко перехватывают.

– Чем это ты занимаешься, маленькая ведьмочка? – интересуется незаметно проснувшийся Рейнхард.

Я вспыхиваю от стыда, не зная, что сказать в ответ. Мои глаза все так же прикованы к его безупречному прессу и моей подрагивающей ладони, заключенной в плен его руки. И даже если б с неба начали падать камни, я была б не в силах поднять на мужа взор.

– Вета, – его пальцы обхватывает мой подбородок, заставляя посмотреть прямо в темные омуты глаз. В их глубине таится опасность и обещание чего-то такого, чему я пока не могу найти определение, но стремлюсь к этому каждой клеточкой своего измученного тела. – Ты играешь с огнем, знаешь об этом?

Я тону в его взгляде, пылая как факел. Как не знать, если я сама сейчас стану пеплом и развеюсь по ветру?

– Да, – шепчу пересохшими от волнения губами и неожиданно для себя выдаю. – Может... мне нравится с ним играть...

Взгляд мужчины становится каким-то отчаянным. В нем светится голод... голод неутоленной страсти. И я чувствую, что точно такая же съедает и меня. Горячая ладонь опалает подбородок, шершавые пальцы гладят нежную кожу на скуле, скользят ласкающими прикосновениями к мочке уха, зарываются в распущенные волосы, обхватывая затылок. Он притягивает меня к себе, его губы накрывают мои, и мир взрывается разноцветными вспышками.

То, что творится со мной сейчас, с нами, то, что я позволяю с собой делать, со своим телом, никогда бы не позволила ни одна воспитанная чопорная леди. Но я не леди, и даже не фройляйн. Я обычная девушка, и мне о приличиях думать сейчас совершенно не хочется. Я просто хочу этого мужчину, своего мужа. Хочу чувствовать его поцелуи и ласки, хочу растворяться в нем с каждым движением, хочу напитываться его силой и энергией, принадлежать только ему

одному, познать волшебство страсти, почувствовать на себе ее неукротимый огонь.

Извечный, как мир, ритм увлекает меня в пучину наслаждения, и я бесстрашно покоряюсь этой волнующей стихии, доверяя Рейну, зная, что не обидит, не сделает больно, а подарит наслаждение, настолько непередаваемое, что я подобного никогда в жизни не то, что не знала, а даже представить не могла.

Глава 60

Шум в ушах затихает, и гулко бьющееся сердце в груди, наконец, успокаивается, восстанавливая привычный ритм. Я прячу глаза, стесняясь взглянуть на того, кто стал моим мужем теперь уже окончательно и бесповоротно. Ощущение неловкости и какого-то непонятого стыда охватывает ледяными клещами, сковывает тело и мысли. И я могу лишь думать об одном – как я осмелилась настолько откровенно предложить себя мужчине, пускай не чужому, пускай мужу, но все же...

Он продолжает целовать мои волосы, поглаживать обнаженную спину, посылая толпы колючих мурашек по позвоночнику, и даже после всего вызывает желание повторить все заново.

– Ты как? – слышу тихий шепот.

– Хорошо, – поспешно уверяю, понимая, что он беспокоиться обо мне. Тем более, что мне действительно хорошо – ни боли, ни дискомфорта я не чувствую. Рейн и в самом деле был осторожен и деликатен.

Интуитивно понимая, что я чувствую неловкость, мужчина не развивает дальше эту тему, лишь крепче прижимает меня к себе. Между нами снова повисает тишина. Но это не напряженная тишина, когда нечего сказать, а мягкая, уютная, как фланель, когда настолько хорошо, что слова излишни. Я даже придремываю слегка, но сразу же просыпаюсь, когда ощущаю шевеления рядом.

– Спи-спи, – ласково говорит Рейн, проводя ладонью по моим волосам.

– Мы же собирались позавтракать вместе и поговорить, – сонно хлопаю глазами и тоже сажусь на постели, придерживая покрывало на груди.

– Потом поговорим, – обещает Рейн и откидывает одеяло, совершенно не стесняясь своей наготы.

– Э, нет! – категорически заявляю, старательно отводя взгляд от обнаженного мужа, и тоже вскакиваю на ноги, но, в отличие от

супруга, тщательно прикрывшись покрывалом. – Ты обещал, что мы поговорим!

От сонливости не остается и следа. Знаю я эту замечательную черту герра канцлера – уходить от ответов.

Муж меряет меня нечитаемым взглядом, но клянусь, в уголках его глаз таятся смешинки.

Наш увлекательный диалог прерывает легкое постукивание в дверь и негромкий мужской голос.

– Герр канцлер, вам помощь нужна?

Помощь? У меня брови ползут наверх, и я тихо прыскаю. В чем помощь? В приструнивании излишне болтливой и непослушной жены?

– Все в порядке, Вим, – откашливается Рейнхард, тоже глотая смешок. – Подожди меня в гостиной.

– Но-но, – заикается таинственный Вим. – Как же вы без меня оденетесь? Это... это моя служба!

Теперь я уже удивленно воззряюсь на самого канцлера. Ты посмотри, какой услужливый камердинер, как о хозяине печется, небось, переживает, чтоб рубашку задом наперед не надел.

– И завтрак! Я принес... – чуть ли не всхлипывает слуга.

– Накрывай на две персоны! – коротко приказывает муж, многозначительно поглядывая на меня.

– Две? – осекается камердинер. И торопливо добавляет. – Да-да, сейчас, герр канцлер...

В гостиной чем-то шуршат, звенят, скрипят входные двери, слышатся тихие голоса. А я внезапно понимаю, что Рейн, конечно, справится с одеждой и спокойно предстанет за столом в лучшем виде, у меня же из нарядов смятая сорочка, валяющаяся на полу, и покрывало, нагло утащенное из дома Дитриха. Как показаться людям на глаза?

А пока я судорожно раздумываю над этим вопросом, Рейн скрывается в недрах гардероба, и спустя минут десять выходит оттуда почти полностью одетый. За это время я успеваю натянуть на себя давешнюю сорочку и осмотреться в покоях мужа на наличие какого-нибудь дополнительного покрывала.

– Вот, возьми, – муж протягивает мне собственный черный атласный халат, который я сразу же накидываю на себя.

– Спасибо, – искренне улыбаюсь, потуже затягивая пояс и подтягивая немного вверх подол одеяния, чтоб при ходьбе не наступить ненароком на край.

Халат хоть и смотрится на мне несуразно, но все же лучше легкой батистовой ночнушки, которая настолько тонкая, что легко демонстрирует все мои прелести окружающему миру.

В гостиную мы входим вместе, рука об руку, и я, наконец, могу разглядеть загадочного Вима, который был столь озабочен помощью своему хозяину, что его горькие стенания периодически слышались все то время, которое мы одевались.

Надо сказать, что вид друг друга нас с камердинером откровенно впечатляет.

Я лично, даже не знаю почему, рассчитывала увидеть щедедушного невысокого мужчину в возрасте, возможно даже седого и до мозга костей утонченного. Передо мной же возвышается самый натуральный шкафообразный лысый амбал, бицепс которого толщиной не меньше моего бедра. По габаритам Вим уступает разве что Рейну, и я с испугу немного прячусь за спину мужа. Что именно ожидал увидеть Вим, остается тайной за семью печатями, но выглядит он не менее удивленным, нежели я.

– Вим, это фройляйн Цветана. Моя невеста, – веско произносит Рейнхард, и я перевожу на мужа ошеломленный взгляд.

Невеста? Он сказал невеста? Не жена? И сердце дергается от тревожного предчувствия.

Глава 61

Цепляю на лицо ледяную маску и в ответ на глубокий поклон камердинера лишь слегка киваю, копируя Николь. Ладно, с невестами-женами разберемся. Да, неприятно. Да, непонятно. Но нужно доверять Рейнхарду, так ведь? Он явно это сказал по какой-то веской причине, и позорить мужа скандалом и выяснением отношений я не намерена. Мы лучше потом, наедине, разберемся.

Вим услужливо отодвигает стул, я величественно, насколько это возможно в мужском халате, в сопровождении Рейна шагаю к нему и аккуратно присаживаюсь за стол. Муж устраивается напротив и жестом отпускает верного камердинера восвояси, давая понять, что и за столом его помощи не требуется. Несчастный слуга хоть и подчиняется беспрекословно, но с видом такой вселенской скорби на лице, что ну просто – обнять и плакать. А я уже не первый раз отмечаю, насколько любят герра канцлера простые люди. Вон даже та самая Лизхен всячески следила, чтоб я ни словом, ни делом не расстроила уважаемого Рейнхарда Вольфа. Осуждать, осуждала мое положение любовницы, а как до дела доходило, чуть ли не сама под любимого канцлера готова была подложить.

– Невеста? – поднимаю брови, когда за камердинером закрываются двери, и мы, наконец, остаемся одни.

Рейнхард невозмутимо разливает по чашкам ароматный кофе и подсовывает поближе ко мне блюдо с пышными булочками.

– Для других пока да, – спокойно объясняет. – Тебя даже в роли моей любовницы пытались похитить, что уж говорить о жене.

– А статус невесты лучше? – прихлебываю горячий напиток из чашки, чтобы хоть как-то успокоиться. Не нравится мне все это, но никто не обещал, что будет легко.

– Не намного, но все же, – заявляет новоиспеченный супруг, щедро намазывая сладким сливочным маслом пышную булочку и протягивая мне. – Пока ты невеста, тебя попытаются обойти более-менее безвредными путями, обыграть, скомпрометировать. От жены же будут избавляться радикальными методами.

– Те волки не выглядели безвредными, – озадаченно хмурюсь, принимая угощение. Не отказываться же мне, муж старался...

– У тех волков, полагаю, были другие заказчики... – задумчиво изрекает Рейнхард и ненадолго замолкает.

Так и не откусываю булочку, а кладу ее на край белоснежной тарелки. Что-то аппетит совсем пропал.

– Рейн, давай по порядку. А то я не успеваю отслеживать, кто хочет от меня избавиться, – фыркаю, стараясь говорить с юмором. Но холодок в сердце все же поселяется, и гложущее чувство беспокойства все еще не позволяет насладиться завтраком, вызывая тошноту.

– Не от тебя Вета, – качает головой муж, отводя взгляд. – От меня... Я их основная цель. Ты всего лишь оружие, которым можно меня поразить сильнее всего.

Склоняю голову набок, стараясь проанализировать его слова. Я – оружие? Но каким образом? “Бомба замедленного действия” – я помню эти слова.

– Там, в твоём мире, – продолжает Рейнхард. – Это был единственный раз, когда опасность угрожала тебе. Это был твой личный враг, но и тут причина во мне. Мне очень жаль, что пришлось тебя во все это втянуть. Я, как мог, старался оградить тебя от всех, скрывал. Только, как показал случай на Земле, предатель намного ближе, чем нам казалось.

– Подожди, – непонимающе хлопаю глазами. – Ты хочешь сказать, что злоумышленник не один? Их двое?

– Вполне возможно, – подтверждает Рейн. – Слишком многим я перешел дорогу. Наш король, мой дядя, Орэль Карлинг, долгое время тяжело болел, да и сейчас здоровье у него слабое, и этим не замедлил воспользоваться мой предшественник. Создав вокруг себя свору лояльных министров и представителей федеральных земель, которые беспощадно обкрадывали не только народ, но и государственную казну, он заслужил благоволения многих аристократических родов. Как ты понимаешь, с моим приходом лавочка прикрылась. Мое преимущество – это безоговорочная поддержка короля, нижней палаты парламента и армии. Но это не означает, что меня не попытаются сместить...

– Хорошо... – понимающе тяну. – Но при чем тут я?

Политические игры, они и в Африке политические игры. На Земле тоже немало примеров подобных ситуаций, только там на жен, вроде, никто не охотится.

– У нас, оборотней, брачная связь – это и так достаточно серьезный обряд, – видя, что я в замешательстве, принимается объяснять Рейнхард. – А уж ритуал смешения крови делает его неразрывным. Ты человек, и подобные действия на тебя влияют не так. Для меня же твоя смерть станет началом безумия.

Нервно сглатываю и заглядываю ему в глаза. Шутит? Не может быть. Это звучит страшно... страшно и несправедливо...

– Но как? Почему? – ошеломленно качаю головой. Сердце бьется где-то под ребрами, как маленький молоточек.

– Волки выбирают пару раз и на всю жизнь, – невозмутимо пожимает плечами Рейн, словно уже смирился с этой мыслью.

– Но король Орэль? – голос от волнения становится хриплым. – Его жена...

– Он не был связан с королевой Кресентией ритуалом, – муж берет мою похолодевшую руку в свои теплые ладони и начинает успокаивающе поглаживать. – Но даже, несмотря на это, ее утрату дядя пережил тяжело. Его здоровье подкосилось в тот момент, когда королевы не стало, и только благодаря Дитриху дядя смог прийти в себя.

До чего же это ужасно. Конечно, подобному далеко до традиций, когда живую жену хоронили рядом с усопшим мужем... Но если кто-то умирает из пары, то у другого больше нет надежды на будущее получается?

– К счастью у оборотней слишком крепкое здоровье, а магия в состоянии излечить почти от любых заболеваний, – продолжает дальше открывать всю правду супруг. – И в большинстве случаев народ Эрдлиха умирает от старости... К тому же, ритуалы на крови теперь практически не проводят, а столь сильная реакция возможна лишь у потомков древних родов.

Я понимаю, что он пытается меня как-то успокоить и примирить с данным фактом, но что-то мне не становится менее тревожно.

– Меня пытаются убить, чтобы устранить тебя от власти? – уточняю.

– Да, – незамедлительно подтверждает муж. – Поэтому, естественно, никто не должен знать о ритуале, и о том, что мы женаты... пока...

– Пока? – тут же переспрашиваю, стараясь не обращать внимания на то, что его пальцы поглаживают уже не тыльную сторону ладони, а внутреннюю сторону запястья, аккуратно там, где видно сеточку голубоватых жилок, вызывая приятные мурашки.

– Пока я не выведу заговорщиков на чистую воду, – продолжает усыплять мою бдительность муж. – К тому же свадьба канцлера это довольно-таки значимое событие, которое стоит провести на более высоком уровне, чем торопливый обряд в гостевой спальне врача.

– У нас еще раз будет свадьба? – округляю глаза, даже не зная, как относиться к этой новости.

– Будет, – неумолимо подтверждает канцлер, и ошарашивает следующим заявлением. – А пока готовься к приему. Тебя нужно представить всем, как мою невесту.

В немом изумлении открываю рот, выдергивая ладонь из его пальцев. Надо же, порадовал, так порадовал. И что я на этом приеме делать буду? Я же не умею бывать на приемах...

– Зачем? – цепляюсь за последнюю соломинку. – Если мне угрожает опасность, не разумнее ли было бы...

– Нет, – отрезает муж. – Во дворце и моих покоях ты под надежной защитой. А о твоём статусе и так наверняка все уже знают, так что тут нечего скрывать.

Задумчиво прикусываю губу, стараясь не смотреть на канцлера. Такое положение вещей не только пугает, но и злит. Вот уж никогда не мечтала иметь публичную славу, и быть у всех на виду.

– А есть подозреваемые? – помедлив, интересуюсь. Ведь не может же Рейн не прикинуть хотя бы парочку вариантов на роль злоумышленника. – Наверняка, это те, кто займут твоё место в случае твоей недееспособности? – логично предполагаю.

– Да, – подтверждает Рейн, откидываясь на спинку стула. – На данный момент подозреваемых двое: Джебберт Иво, сын министра образования Леона Иво, и Симон Ганкард, бывший военный министр, сейчас в отставке, но вполне дееспособный, решительный и готовый в случае чего меня заменить. Есть еще Уотан Нисау, темная лошадка, –

глава верхней палаты парламента. Он открыто не высказывает свою неприязнь, но к прошлому канцлеру он весьма благоволил.

– А кого больше всего подозреваешь? – недовольно хмурюсь. Уверена врагов больше, это лишь самые крупные рыбыны, но ведь есть и поменьше...

– Симона, – тут отзывается муж. – Он был моим главным конкурентом на должность канцлера.

– А Джебберт? – припоминаю имя второго претендента на кресло канцлера.

– Джебберт неплохой малый, во всю увлеченный наукой и своими изысканиями, – хмурится муж. – Но хваткий и сообразительный. Быть канцлером, у него желания нет. Но это лучший кандидат на мое место, и в списке он идет вторым номером. Со всеми ними ты познакомишься на приеме.

Коротко киваю, понимая, что на этом мероприятии, судя по всему, нужно держать ухо востро.

– А кто тогда напал на меня на Земле? – подозрительно прищуриваюсь. – Какая-то несчастная отвергнутая тобой девушка?

Я ведь тоже могу быть догадливой и проницательной.

– Никого я не отвергал, – ворчит муж. – Нет у меня времени на девушек. Не было...

У меня так и чешется язык едко заметить, что на Клариссу хватало, но я вовремя прикусываю его, дивясь своей ревности. Не думала, что я настолько мелочная, что готова ревновать к несчастной покойнице. Сергея вот я никогда не ревновала.

– Ты сейчас Лизхен допрашивать будешь? – торопливо перевожу разговор на другую тему, дабы не сболтнуть чего-нибудь лишнего.

– Да. Нужно узнать, на кого она работала, – кивает Рейнхард. – Пока она отрицает все и вину не признает. К тому же мои люди должны доставить Слепого. Он ведь тоже послал своих шавок тебя пасти. Откуда узнал, что ты там появишься?

– А почему ты мне все с самого начала не рассказал? Не доверял? – становится до ужаса неприятно, как будто я и в самом деле мерзкая шпионка.

– А ты бы доверяла? – отвечает вопросом на вопрос Рейнхард. – К тому же привязать меня кровно к какой-то девчонке слишком уж похоже на продуманный план. Посуди сама – меня закинули в

безмагический мир, в котором “нечаянно” ты меня связала с собой. Как на такое можно реагировать?

– Это была случайность! – возмущенно соплю. Очень мне нужны полуживые оборотни в мужьях. То есть тогда были нужны...

– Теперь верю, – посмеивается над моей реакцией Рейнхадр. – Но тогда... Слишком уж выгодная кому-то “случайность”, ты так не считаешь?

– Да, ты прав, – с выводами мужа не могу не согласиться. Я б и сама так подумала. – Но теперь веришь мне? – спрашиваю и с замирающим сердцем жду ответа.

– Верю, – не разочаровывает меня супруг.

Пальцы, нервно комкающие салфетку, расслабленно разжимаются.

– Почему? Что тебя заставило передумать?

Я сама не знаю, что надеюсь услышать, когда задаю этот вопрос, но в сердце зарождается маленькая, хрупкая надежда.

– Интуиция... Инстинкт, – обжигает меня взглядом муж, и я тихо вздыхаю. Наверное, я все же ожидала другого объяснения.

– Ты расскажешь мне о результатах допроса? – стараюсь скрыть досаду в голосе.

– Обязательно, – обещает Рейнхард, допивая кофе. Похоже, ему уже пора идти.

– И еще, Рейн, мне нужно побольше узнать об этих перевертышах, – торопливо говорю. – Я не понимаю себя, и мне это совершенно не нравится.

– Я посмотрю все, что можно достать, – муж, отодвинув стул, встает со своего места и шагает ко мне. – Но сомневаюсь, что информации будет слишком много.

– Пускай, – тоже поднимаюсь на ноги. – Это все равно лучше, чем ничего.

Рейнхард ласково привлекает меня к себе и дарит сладкий многообещающий поцелуй.

– Мне пора, малышка, – шепчет мне прямо в губы. Рука, обхватывающая мою талию, обжигает сквозь ткань халата. – А ты все же попробуй поесть. Мы слишком много энергии потратили утром.

Я остаюсь за столом одна, послушно пытаюсь запихнуть в себя хоть кусочек. Мысли в голове скачут как стая кенгуру, не желая

успокаиваться. Меня ужасает ситуация в которой я оказалась. Но к своему удивлению больше, чем о себе, я беспокоюсь о Рейне. Не пустая идиотка все-таки, понимаю, чем ему грозят. Ведь поступая, как положено, муж ходит по лезвию ножа, пытаясь вытащить страну из ямы и стараясь не потерять поддержку аристократии и парламента. Глава верхней палаты вполне в состоянии ставить палки в колеса канцлеру и всему правительству в целом, боясь потерять свое положение и плюшки, которыми щедро одарил его и всех представителей верхней палаты предшественник Рейнхарда. Ситуация – хуже некуда.

Дверь тихо приотворяется, сбивая меня с мысли, и в гостиную шагает Вим.

– Фройлян Цветана, – пыхтит мужчина. – Герр канцлер велел подобрать вам некоторую одежду, и я взял на себя смелость забрать несколько ваших платьев из предыдущих покоев. А также все, что может вам понадобиться.

Спасибо, – искренне улыбаюсь камердинеру, ошеломленно наблюдая, как он вносит небольшой сундук, видимо набитый теми самыми вещами. Ну, как небольшой, я уж точно, свернувшись клубочком, могу в нем спрятаться, а так да, по сравнению с остальными, оставшимися в комнатах, небольшой.

– И если позволите, то я бы посоветовал вам сегодня надеть вот это прелестное платье – говорит он, поставив ношу на пол и извлекая из нее ворох шелковой ткани нежного фиалкового цвета с черными вышитыми бисером узорами по подолу и корсажу. – Во-первых, вам изумительно идет этот цвет, а во-вторых, вы сами можете в него облачиться, застежка спереди. Полагаю, вам было бы неловко принимать мою помощь.

– Спасибо, Вим, – удивляюсь деликатности камердинера и поспешно иду переодеваться в предложенный наряд, проникаюсь к этому милому человеку искренней благодарностью.

– А еще герр канцлер велел вам книгу передать, – добавляет мужчина. – Сказал, в обед должны будут принести еще дополнительно. А это его личная, с детскими сказками. Я ее оставлю на столе возле окна.

– Спасибо, – снова повторяю.

Да, день у меня, похоже, пойдет не только в ожидании мужа с работы, а и в приобретении новых знаний.

Глава 62

Рейнхард

Всхлипывающую Лизхен выводят из кабинета, а я устало откидываюсь на спинку кресла.

– Ну, что скажете, герр канцлер? – поворачивается ко мне глава безопасности Клос Сигфрид. – Как по мне, девчонка все же что-то от нас утаила, хотя и плакала весьма натурально.

Лизхен и мне показалась не совсем искренней, видно, что она что-то недоговаривала, юлила, хотя клялась и божилась, что ничего плохого фройляйн Цветане не желала.

– Может ее шантажируют чем-то... – задумчиво изрекаю. – Или кем-то...

Сигфрид подтягивает к себе папку с делом Лизхен Ано и принимается торопливо листать страницы.

– Из родных у нее лишь сестра. Родители умерли. Мужа, детей нет.

М-да, не густо со связями у бедной горничной.

– А что по сестре, – поднимаю брови и протягиваю, руку, жестом показывая, что и сам не прочь просмотреть досье на служанку.

– Чиста, аки слеза младенца, – передает мне документы безопасник. – Проверили ее дважды.

– А начальник ее? Портальщик Меино... – бегло просматриваю глазами исписанные строчки, стараясь найти хоть какую-то зацепку, какую-то маленькую подсказку, ниточку, которая бы вывела нас на главного заказчика.

– Тоже чист, условно – печально вздыхает Сигфрид.

– Условно? – недовольно хмурюсь. Насколько это “условно” меняет картину расследования?

– Есть кое-какие грешки в молодости, – Клос услужливо подсовывает мне папку с досье на портальщика. – Но старые связи остались в прошлом, а так – вполне себе добропорядочный и зажиточный горожанин. Респектабельный и уважаемый многими профессионал.

Проглядываю дело Меино, внимательно изучая те самые “старые связи” о которых упоминал Клос, но там и в самом деле не на что смотреть – несколько студенческих дебошей, одна глупая кража цветов с клумбы добропорядочной горожанки Эвы Фиц, наверное, для девушки старался, и немного мутная сделка с покупкой помещения для будущего портального салона. И на этом все. Вот уже тридцать лет, как Меино не фигурирует нигде, кроме хвалебных статей в газетах.

Похоже, это тупик...

В дверь отрывисто стучат, и в кабинет заглядывает молодой служащий.

– Герр канцлер, – тут же кланяется он. – Герр Сигфрид. Там Слепого задержали. Вести в допросную?

– Само собой, – хмыкает Клос. – Присоединитесь? – это уже ко мне.

Молча поднимаюсь со своего места, тем самым отвечая на вопрос. Узнать, кто заказал Вету дело первоочередной важности на данный момент. И услышать своими ушами, что будет мямливать главарь банды, а не читать в отчете, для меня в приоритете.

Лизхен мы допрашивали в более мягкой и цивилизованной обстановке, девушка и так была на грани нервного срыва, но Слепой такого снисхождения явно не заслужил.

Допросная выглядит весьма подавляюще – серые каменные стены, светильник под потолком, дающий яркий белесый свет, чтоб даже малейшее изменение в мимике подозреваемого было видно, как на ладони, гладкий серый металлический стол, такой же стул и более удобное кресло для ведущего допрос.

Как только мы входим в комнату, я пропускаю Сигфрида вперед и прислоняюсь спиной к стене, показывая, что опрашивать Слепого придется самому главе безопасности. Я же, заняв место постороннего наблюдателя, лишь буду задавать время от времени интересующие меня вопросы.

Слепой сидит за столом со скованными наручниками руками и смотрит на нас исподлобья. А что, старый червяк, неужели не догадывался, к чему приведут игры за спиной канцлера? И не таких ушлых ловили.

Неизвестно почему его прозвали слепым, но видит старик отлично, и сразу же просекает, что дело плохо. Безошибочно поняв,

кто тут главный, вор заливается соловьем, сдавая с потрохами своего нанимателя. Но надо отдать ему должное, пытается выторговать для своих людей, задержанных в ходе операции, поблажки, а некоторым даже волю.

– Да, барон Ганкард это был, – сплевывает на пол Слепой. – Клянусь, чем хочешь.

– Уверен? – подхожу к столу и нависаю над стариком. Слепой нервно сглатывает, я вижу, как от страха расширяются его черные зрачки, закрывая почти полностью янтарную радужку.

– Уверен, герр канцлер. Он этот был! – твердо кивает Слепой. – Что я старого сослуживца не узнаю, даже если он замотан по самые уши в плащ и на голову шляпу натянул.

– И как же ты его узнал? – мне нужны настоящие доказательства, а не память вора, которую он вполне мог и в трактире оставить. Говорят, Слепой покутить любит, и его каждый вечер видят в “Волчьем хвосте”.

– Дык.. как... – чешет затылок потеющий допрашиваемый. – Он ведь не кисло так прихрамывает... Ранение у него было... И хоть Симон старался идти ровно, но иногда припадал на правую ногу.

– У нас много кто прихрамывает, – выпрямляюсь, прекращая давить на Слепого. Он и так уже в полной кондиции. И мать родную сдать готов...

– Так-то оно так... – мнется мужчина. – Но и на пальцах не у всех двойной след от снятой печати. А ведь только у рода Ганкардов два ободка у перстня...

Вот так вести... Впрочем, я ведь и сам подозревал барона... А теперь это все подтвердилось на более серьезном уровне, нежели простые домыслы.

– Герр канцлер, мы вашу девочку не трогали, и пальцем не обидели. Лишь следили на улицах города и передавали герру Симону. И все, – заверяет вор, но для меня это не имеет значения, и на ситуацию никак не повлияет. – Так, может, отпустите меня... – наглет он.

Смотрю на Сигфрида, он терпеливо ждет моего решения.

– Запри его, Клос, – коротко приказываю. – Он мне может еще понадобится...

Глава 63

Цветана

Первый день, как и все последующие я провожу в покоях Рейна, занимаясь изучением загадочных перевертышей, черпая знания из народного фольклора и детских сказок. Упоминаний об этих таинственных созданиях удручающе мало. Лишь вскользь в некоторых легендах нахожу то, что действительно может быть полезно, пока мне на глаза не попадается одна сказка.

Сказка сама по себе незамысловатая, рассчитана на детей и, естественно, о любви и доблести главного героя к прекрасной даме. Но дама эта не совсем и дама, а ведьма, ведунья, в которую влюбился принц оборотней.

Сюжет напоминает сотни таких же земных историй, которые я с удовольствием читала в детстве, воображая себя честной трудолюбивой и безумно красивой “золушкой”. Но в отличие от большинства сказок, как земных, так и эрдлиховских, главная героиня этой книги совсем не любила принца, а жаждала заполучить возможность превращаться в животное. Эту удивительную способность ведунья могла получить, обменявшись кровью с истинным оборотнем, и не просто оборотнем, а потомком древнего рода. Вот хитрая девушка и влюбила в себя невинного принца. Ведь что может быть сильнее королевской крови?

На счету ушлой ведьмы впоследствии оказывается немало разбитых оборотнических сердец и возможность превращаться в около десятка разных животных. Получила ли она по заслугам, не известно. Окончание сказки утеряно... Да и сама книга в весьма жалком состоянии, кажется, что она вот-вот рассыплется у меня в руках. Но кое-что я все-таки узнаю.

Захлопываю аккуратно дряхлый томик и водружаю его на стопку точно таких же. Это что тогда получается – ведунья провела кучу обрядов со своими избранниками, меняясь кровью, заполучила возможность превращаться в животных и толпу мужей в придачу. Значит, эта привязка для нее была совершенно безвредной, только ее

несчастные мужья страдали и потихоньку сходили с ума, когда она их безжалостно бросала? Но так ли это на самом деле? Или всего лишь наивная сказка?

Задумчиво постукиваю пальцем по губам... Получается, то, что я чувствую к Рейну совсем не связано с нашим обменом кровью. И это радует. Удручает другое – знал ли мой дорогой супруг, что у меня есть выбор или схитрил, как всегда, утаив часть правды? Чувствую, нам предстоит новый разговор по душам.

И хоть уверенно могу сказать, что даже если бы эта информация была мне известна, я согласилась бы с условиями Рейна и вышла бы за него замуж, но все равно неприятно. Меня больше сейчас обижает тот факт, что он от меня утаил возможную часть правды. Если конечно утаил. Он ведь мог и не знать.

Еще любопытный момент – ведунья в сказке всегда превращалась в то же животное, что и ее избранник. Тогда почему я лиса, а Рейн волк?

Делюсь своими сомнениями с Дитрихом, который ежедневно заходит, чтобы меня осмотреть, и с любопытством выслушиваю новую теорию доктора. Он предполагает – причина сего явления в том, что я не принимала поначалу Рейнхарда, и моя вторая ипостась изменилась, хоть и не сильно. Лиса тоже все-таки из рода псовых и черная, как волк канцлера. Но они из разных видов.

Больше всего мудрого старичка интересует мой феномен магической силы. Ее природа кардинально отличается от магии Эрдлиха. Мне для наведения заговоров приходится черпать, в отличие от магов, силу не из внутреннего резерва, а из окружающей среды, природы. А поскольку Земля по магическим показателям весьма бедна, мои способности спали до поры, до времени, пока я не попала в Эрдлих. Не подозревая о таких потрясающих умениях, первое время я действовала инстинктивно и неосознанно, и лишь позже ко всему подключился разум.

В другой книге я нахожу упоминание о ведьмах, которые появились просто из неоткуда на огромной железной птице. Главному герою этой сказке, доблестному рыцарю, приходится обратиться к необычным девушкам за помощью в преодолении страшной магической хвори. Одна из них впоследствии становится его женой. Милая история заставляющая задуматься.

Большая железная птица мне напоминает самолет, но если это произошло давно, столетия назад, то может, эти самые ведьмы были даже не с Земли, а с какого-то другого более развитого мира. Каким образом эти несчастные переместились еще и вместе с самолетом для меня загадка. Впрочем, это ведь может быть и просто фантазия с крупинками правды. И эти крупинки мне приходится внимательно вылавливать, чтобы докопаться до истины.

Так и проходят мои дни в изучении материала, беседах с доктором, который весьма увлечен моими способностями и умениями, а еще в ежедневных уроках этикета и танцев.

Прием грядет, как неумолимая снежная лавина, заставляя меня трепетать от страха. Сумею ли я достойно представить себя, как невесту канцлера и не опозорить Рейнхарда своим невежеством? Этот вопрос начал мучить меня с самого первого дня и продолжает по сей день. Именно мне пришлось настоять, чтобы кто-то помог в изучении придворных правил, танцев и этикета за столом. Рейнхард сначала беззаботно отмахнулся, уверяя, что ему глубоко наплевать на мнения придворных, его ведь тоже считают отчасти деревенщиной. Но тут я уперлась рогом. Прием приемом, понимаю, что сейчас канцлеру моему не до соблюдения условностей, но эти самые условности тоже важны. И ко мне приставили учительницу – строгую фрау в наглухо застегнутом черном платье, почтенную вдовствующую герцогиню, какую-то там троюродную или четвероюродную сестру короля, которая давно уже не появлялась при дворе, но сделала одолжение брату и приехала наставлять меня.

Первый раз, когда я увидела почтенную фрау Метчилд, поняла – не сработаемся, и тихонько завыла в душе, тут же пожалев о том, что так настаивала на обучении.

Но я ошибаюсь. Герцогиня оказывается хоть весьма строгой и чопорной особой, и с непревзойденным рвением берется восполнять пробелы в моей голове, но искренне привязывается ко мне, а я к ней.

В горничные я выпрашиваю улыбчивую Бруну. После многократных проверок и допросов ей таки разрешают работать моей камеристкой, но с единственным условием – девушка не должна покидать пределы дворца пока идет расследование и как-либо контактировать с внешним миром. Бруна, к моему великому

удивлению, с радостью быстро соглашается. Хотя фрау Метчилд только хмыкает на мое изумленное непонимание.

– Дорогая моя, – многозначительно сверкает она глазами. – Кто ж откажется служить будущей жене канцлера? Это великая честь, ради которой стоит претерпеть некоторые неудобства, – веско указывает она и тут же принимается дальше впихивать в мою бедную головушку необходимые знания. – А теперь приступим к языку веера. Вы должны им научиться выражать множество эмоций и совершенно без слов. Ведь веер это не только полезный аксессуар...

И лишь ночи, наполненные любовью и лаской снимают звенящее напряжение, в котором нахожусь все эти дни. Я вижу, что и Рейну еще труднее и не жалею на усталость. Новые и новые обстоятельства, которые удастся раскрыть во время расследования, заставляют не доверять никому и подозревать все большее и большее количество придворных. С некоторыми из них мне придется общаться на приеме, сообщает супруг сегодня вечером... Но меня это совершенно не пугает, знаю, что под защитой Рейнхарда мне ничего не грозит.

– Рейн, – тихо зову, проводя пальцем по рельефной груди мужа.

– М-м-м? – сонно отзывается он и, перехватив мою руку, нежно целует пальцы. Мы так и не успели поужинать, изголодавшись друг по другу за весь день.

– Я бы хотела поведать Фрица. Можно это как-то организовать? – судьбой мальчика я интересуюсь регулярно и очень радуюсь его успехам в школе.

Флоренс, как я и подозревала, оказался весьма сообразительным и умным ребенком. Он впитывал знания как губка, и преподаватели не могли на него нарадоваться. Беспризорный малыш с легкостью обогнал в учебе именитых отпрысков аристократов и подавал великие надежды. Рейн однажды упомянул, что моего найденыша ждет великое будущее, на которое у мужа уже есть далеко идущие планы.

– Я подумаю, – помедлив, отвечает канцлер и целует меня в макушку. – Возможно, и получится как-то это устроить. А теперь спи...

Я покорно закрываю глаза, удовлетворившись даже таким неоднозначным ответом. На большее все равно рассчитывать не стоит. Но мужнино “подумать” всегда означает действительно подумать, а не

простую отмазку, чтоб я отстала. Поэтому я более чем уверена, что с Фрицем мы скоро встретимся.

Глава 64

– Тебя долго не было, – хмурится Фриц, засовывая руки поглубже в карманы.

Мы стоим под сенью деревьев в дворцовом саду, и оба неловко отводим взгляд. Я – из-за того, что, в самом деле, долго не навещала, хоть и не по своей вине. Мальчик – стесняясь своих чувств.

Зато я с удовольствием замечаю, что ребенок уже не выглядит настолько истощенным и оголодавшим, светлые пшеничные кудри блестят на солнце, а китель ученика невероятно идет юному дарованию. Сегодня их группу привезли на экскурсию во дворец, и Рейн позволил мне повидаться с моим маленьким другом, хотя и в сопровождении стражи.

К моему глубокому удивлению следуют за мной повсюду не привычные Рикет и Финн, а новые незнакомые и очень-очень хмурые оборотни, представившиеся Зидардом и Тиузом. Как объяснил мне мой драгоценный муж, хоть предыдущих стражников ни в чем не подозревают – те после тщательной проверки оказались чисты, как слеза младенца – но для пущей безопасности их все равно заменили угрюмыми Зидом и Тизом.

– Извини, Фриц, я правда не могла, – виновато опускаю глаза.

– Я о тебе беспокоился, – пинает он носком башмака одинокий камешек на садовой тропинке.

– Я о тебе тоже, – чистосердечно признаюсь. – Мне Рейн каждый вечер рассказывал о твоих успехах в школе, чтобы я меньше переживала.

Малыш вскидывает голову, с изумлением заглядывая мне в глаза.

– Правда? – в его взгляде сияет такое непоколебимое незыблемое детское восхищение, что у меня сжимается сердце.

– Чистейшая, – уверенно киваю. – Он очень доволен твоей учебой. И я тоже. И знаешь что? У меня для тебя подарок.

Засовываю руку в карман платья и извлекаю оттуда знакомую плоскую коробочку. Круглые леденцы с тихим шуршанием

перекатываются в ней, мягко стучаясь о металлические стенки, и у меня сразу же во рту ощущается насыщенный вишневый вкус конфет.

Фриц осторожно берет коробочку из моих рук и, поколебавшись, уже собирается прятать ее в карман, но детская непосредственность все же берет свое. Немного робея, мальчик срывает крышку и вылавливает из недр упаковки несколько разноцветных драже, которые тут же закидывает в рот.

– Хошеш? – предлагает мне, немного коверкая звуки. Набитый сладостями рот не позволяет выговаривать слова правильно. Я, польщенная щедростью Фрица, не колеблясь, беру маленький красный кругляшек. Желанный вишневый вкус фейерверком взрывается во рту.

– Спасибо, – искренне благодарю, мысленно переносясь в то раннее утро, которое мы коротали под ветвями гостеприимного дерева в городском королевском парке.

Сладкое лакомство как рукой снимает вынужденную неловкость, и дальше мы уже болтаем, словно старые приятели, прогуливаясь дорожками сада. Фриц с восхищением рассказывает об учебе, преподавателях, комнате в общежитии, которую делит еще с несколькими мальчишками, и вкусных булочках с какао, коими их потчуют каждый вечер в школьной столовке.

Но все же кое-что неуловимое в его рассказе настораживает меня. Я инстинктивно чувствую, что мальчишка что-то скрывает, особенно, когда задаю вопрос о друзьях.

Внимательно вглядываюсь в его лицо, но Фриц демонстративно широко улыбается и переводит разговор на другую тему, принимаясь расхваливать любимого преподавателя по боевой подготовке.

Мы все дальше и дальше углубляемся в сад, за нашей спиной маячат молчаливые охранники, а перед глазами расстилается гладь пруда.

Ноги сами привели нас к заветному месту. Я вижу, как у Фрица сжимаются ладони в кулаки, сдерживая оборот. Инстинктивно ребенок хочет вновь обратиться в родную ипостась и почувствовать прохладу водоема. Да я и сама с трудом сдерживаюсь, чтоб с головой не ухнуть в прохладные воды озерца. Мы, не стовариваясь, переглядываемся и тихо вздыхаем. Эх, было время...

– А вот вы где? – слышится за спиной тихий голос, прерывающий наши многозначительные гляделки. Удивленно поворачиваюсь и

замечаю привалившегося к дереву мужа. И когда он успел так незаметно подкрасться? Одно слово – хищник!

– Привет, – довольно улыбаюсь, искренне радуясь встрече с Рейном. Не часто мне приходится видеть его посреди рабочего дня, точнее, почти никогда.

– Герр канцлер, – рядом тихо пищит мальчишка и склоняется в почтительном поклоне, как и подобает юному ученику.

Муж отвечает на поклон легким кивком головы, шагает ко мне, чтоб подарить приветственный поцелуй, но не отпускает, как того требуют приличия, а задерживает в объятьях, словно боясь выпустить из рук.

– Рад видеть тебя Флоренс, – он, удовлетворившись тем, что я рядом, встречается взглядом с ребенком. – Я очень доволен твоими успехами в учебе.

– Спасибо, герр канцлер, – тушуетса малыш, но даже стеснение не в силах скрыть его полный обожания взгляд.

– Скажи, а ты бы хотел в будущем работать на королевскую службу безопасности? – интересуется муж, располагая меня в кольце своих рук, так, чтобы я плотно прижималась спиной к его груди, а лицом мы оба были повернуты к нашему собеседнику.

– Шутите? – восклицает Фриц. – Конечно, хотел! Только... только разве туда берут таких, как я, – мигом мрачнеет ребенок и опускает глаза.

– Туда берут талантливых и умных ребят, независимо от происхождения, – уверяет мой супруг. – И если твои успехи будут такими же потрясающими, то тебя ждет хорошее будущее. А пока у меня для тебя есть небольшое предложение, – взор малыша загорается, он вскидывает голову, с любопытством и надеждой смотря на нас. – И, кстати, приняв его, вы с Цветаной можете чаще видеться... – добавляет Рейн.

Мы с Фрицем переглядываемся, и так уже понятно, что ответит мальчик, но последняя соблазняющая фраза была словно вишенка на торте.

– Вета, тебя там уже фрау Метчилд заждалась, – обращается ко мне муж, и я с удивлением понимаю, что мы с Фрицем и правда заговорились, совершенно не замечая времени. – Зид и Тиз тебя проведут. А мы с юным Флоренсом еще немного пообщаемся.

Впервые мне не хочется идти к почтенной герцогине на урок, но приходится себя перебороть. Целую на прощание мужа в щеку и выскальзываю из его крепких объятий.

– До встречи, Фриц. Надеюсь, скоро увидимся.

– Я тоже, – ворчит ребенок, явно тоже не желая расставаться. Но его попытки скрыть недовольство настолько умильны, что у меня на губах невольно появляется легкая улыбка.

Мальчик стоит напротив, по-взрослому сцепив руки за спиной и уткнувшись глазами в землю.

– Эй, храбрец, скоро у нас появится больше времени вместе, не забыл? – шагаю к нему. А затем я неожиданно даже для себя заключаю ребенка в объятия. В первую минуту он застывает словно статуя, и, кажется, даже не дышит, но потом я чувствую, как тонкие детские руки обхватывают меня с необычайной силой. Фриц лишь на несколько минут позволяет себе подобную слабость, а затем поспешно отстраняется. Я широко улыбаюсь, надеясь, что слезы, выступившие на моих глазах совершенно не заметны.

– До свидания Фриц.

– До свидания Вета, – хрипло говорит он.

Я еще раз целую мужа и шагаю к дворцу в сопровождении своей незыблемой охраны, но в последний момент оборачиваюсь и вижу, как доверительно общаются эти двое, обсуждая свои секретные темы, и сердце наполняется непонятной радостью.

Глава 65

Мне казалось, что до приема еще уйма времени, и у меня будет возможность подготовиться. В результате, когда прошлым вечером во время занятий по танцам герцогиня огорошила меня новостью о том, что настолько пугающий меня день уже завтра, я даже сбилась со счета. Вим, который доблестно исполнял роль моего партнера, надо отдать ему должное, даже не поморщился, когда я наступила ему на ногу.

– Не может быть, фрау Метчилд, – остановилась, переводя дыхание, и откинула со лба немного влажную прядь волос. – Я точно помню, что прием должен состояться в субботу.

Мы вальсировали уже не один час, но я все равно иногда сбивалась с ритма и чувствовала себя скованной в танце.

– Все верно, – кивнула герцогиня, постукивая сложенным веером по ладони. – Сегодня пятница. С утра была последняя примерка бального платья, или вы запомнили, фройляйн Цветана?

Точно, была. Только как-то в моей голове эти два события не связались воедино. И теперь вот, после тревожного сна в объятьях мужа и нервного напряжения, которое ни на миг меня не отпускало, до меня наконец доходит весь ужас происходящего. Я и прием... Прием и я...

Несмотря на дни, проведенные в усвоении новых знаний и правил, я все еще ощущаю себя невеждой, и до дрожащих поджилок боюсь всего этого скопления местной аристократии. И ладно бы, если б я была одной из расфуфыренных дам, приглашенных в качестве гостей, а так мне придется занять положение выше их. Мне – выскочке из захолустья и даже не оборотнице. Да они ж взглядами съедят меня и не поперхнуться.

День проходит в волнениях и тревогах. Мне уже успели сделать потрясающую прическу, скрутив волосы венком на голове и выпустив несколько прядок, завитых щипцами в кокетливые локоны. И пока жду свой наряд, чтоб нервно не метаться по комнате, решаю повторить

фигуры танца. Я успеваю дважды прогнать движения самых популярных из них, пока меня не останавливает Вим.

– Успокойтесь, фройляйн, – слегка придерживает меня за плечи мужчина. Подобная вольность, вообще-то, запрещена, но за эти дни Вим стал мне настоящим другом, и я даже не обращаю внимания на это нарушение правил. – Вы только мучаете себя. Поверьте, когда вам придется открывать бал, все вспомнится само собой. А если что-нибудь забудете, то герр канцлер обязательно подскажет, он чудесно танцует.

– Я его опозорю, – шепчу в панике, заламывая руки.

– Ничего подобного, – качает головой добрый камердинер. Гладкая лысина блестит на солнце, и сама напоминая солнечный диск. – Я точно знаю, что в вашей умной головке отложились все необходимые знания. А даже если что-то и напутаете, то не страшно. Герр Рейнхард не обращает внимания на придворный этикет, уж поверьте мне, а на всех остальных не стоит и оглядываться.

Слова камердинера немного успокаивают, и когда в дверях гостиной появляется фрау Метчилд в сопровождении нескольких служанок и модистки, которые аккуратно несут мой наряд, я уже могу хотя бы спокойно дышать.

Вим понятливо удаляется, а девушки под руководством графини и неусыпным контролем Бруны принимаются облачать меня в сие великолепие портновского искусства. Модистка, фрау Лойц, придирчиво осматривает наряд и в процессе одевания кое-что иногда подправляет.

Я себя пока не вижу, лишь чувствую, как туго стягивает талию и грудную клетку плотный корсаж, делаю фигуру изящнее, как ласкают ноги длинные шелковистые юбки, как плотно облегают плечи узкие рукава, заканчиваясь скромными оборками на локтях и оставляя открытыми предплечья. Лишь после окончания всех поправлений передо мной выставляют большое зеркало, а я смотрю в него и не могу поверить, что эта сказочная принцесса – я. Нежно-персиковое платье подчеркивает цвет кожи, заставляя щеки заиграть румянцем, ключицы кажутся необычайно хрупкими и тонкими в открытом вороте, вышитый бабочками корсаж переливается от золотистых нитей, а верхняя юбка наряда раскрывается, являя под собой нижнюю всего лишь на тон бледнее цветом.

И на смену волнению перед приемом, приходит совершенно другое, чисто женское, и такое наивное, – больше чем себе в зеркале, я хочу понравится Рейну. Безумно хочу... Как в фильме. Чтоб он вошел и замер в восхищении, как часто это показывают в кино. Но отчего-то в жизни в такое не верится... Я пытаюсь утешать себя мысленно, что реакция мужчины совсем не важна, главное моя самооценка, мое удовлетворение от собственного внешнего вида, да только когда дверь в гостиную тихо отворяется, я все равно застываю будто соляной столб, чувствуя, как замирает в груди сердце.

Глава 66

Боюсь поднять глаза, боюсь взглянуть прямо и едва сдерживаю себя, чтобы нервно не вцепится руками в юбку. Тишина повисает в комнате, словно липкая паутина, и горло сдавливает от нахлынувшей, как лава, неуверенности.

– Ты... Тебе не нравится? – закусываю губу, наконец, найдя в себе силы взглянуть на Рейнхарда.

Он потрясающе красив в черном фраке, и кажется мне сказочным принцем. Даже не верится, что такой мужчина мой самый что ни на есть настоящий муж. Сейчас, как никогда, я понимаю, что влипла по самые уши, и болезнь по имени любовь уже пустила свои сладкие ростки в моем сердце.

– Вета, – шагает он ко мне, и снова застывает. Его рука, инстинктивно тянувшаяся, чтоб привлечь меня в объятия, опадает, словно он боится дотронуться. Служанки и фрау Метчилд тихо-тихо выскальзывают из комнаты, тактично оставляя нас наедине. – Ты прекрасна... – тихо говорит он.

Сердце в груди делает кульбит, и воздух застревает в легких, превращаясь в тысячи мягких щекочущих перышек. Я опускаю ресницы, одновременно чувствуя смущение и удовольствие от его восхищенного взгляда.

Муж в приглашающем жесте сгибает руку в локте, я несмело кладу ладонь на его предплечье, и вместе мы направляемся туда, где мне быть совершенно не хочется.

Спроси меня потом, как найти дорогу в зал приемов, я бы ничего вразумительного не смогла ответить. Галереи, ступеньки, извилистые коридоры я замечаю лишь краем глаза, все внимание, уделив повторению правил и шагов в вальсе, которым мы должны открывать танцы. А еще прислушиваюсь к какому-то необычному, незнакомому трепетному чувству, которое мной овладевает. Ощущения такие, будто я невеста на собственной свадьбе, красивая, желанная и единственная, идущая под руку с самым восхитительным из всех мужчин на Земле и Эрдлихе.

Погруженная в собственные мысли, я даже не замечаю, как оказываюсь перед высокими двустворчатыми дверями, украшенными позолотой. Лакеи с обеих сторон услужливо распахивают створки, и мы шагаем в наполненный музыкой и разговорами зал, словно ныряем в густой, напитанный искрящимся напряжением кисель инстинктов, чувств и магии.

– Герр канцлер Рейнхард Вольф и фройляйн Цветана Вольф – объявляет распорядитель, и все взоры останавливаются на нас, а вокруг воцаряется гулкая тревожная тишина.

Я вижу в глазах всех присутствующих дам неприкрытое восхищение, направленное на Рейна, мне же достаются настолько злобные взгляды, что я едва не спотыкаюсь на ровном месте.

Разноцветные наряды мелькают вокруг, словно всполохи фейерверка, придворные кланяются и приседают в книксенах, приседают в книксенах и кланяются. Голова идет кругом, я же стараюсь смотреть только вперед, где на почетном месте восседает хозяин всего этого мероприятия, его величество Орэль Карлинг, а рядом с ним принцесса Николетта.

Рейнхард говорит стандартные слова приветствия и пожелания, король что-то отвечает, я улыбаюсь приклеенной улыбкой, ощущая пронзительный взгляд синих, как сапфиры, очей ее высочества. Мне крышка – бьется в голове испуганной птахой единственная мысль...

А когда приходит время всем расположиться у стола, широко улыбающийся монарх внезапно произносит тост и шокирует придворных вестью о нашей с Рейном помолвке, и без того усугубляя мое паническое состояние. Я слышу, как выскользнувший из пальцев Николь бокал со звоном разбивается, а тишина вокруг взрывается возгласами поздравлений. Рейн благосклонно их принимает, перекидываясь общими фразами с доброжелателями, я что-то тоже говорю, если обращаются исключительно ко мне. Но чувствую искреннее облегчение, когда этот бурный поток пожеланий, наконец, стихает, а слуги начинают вносить первые блюда, показывая, что пришло время приступать к торжественной трапезе.

Мы садимся возле монарших особ – я оказываюсь между королем и собственным мужем-женихом – и весь ужин чувствую на себе странный взгляд Николь, расположившейся прямо напротив. Под таким взглядом, естественно, кусок не лезет в горло, и само

употребление пищи становится сущим наказанием. Благо, Рейнхард и его величество отвлекают и развлекают меня беседой.

Затем, когда ужин по регламенту подходит к концу, а присутствующие начинают больше внимания уделять разговорам и сплетням, а не еде, король дает понять, что трапеза закончена. И я понимаю, что пришло время танцев. У меня все холодеет внутри, словно скользкая гадюка поселилась в желудке, и теперь там мерзко ворочается.

– Где твоя смелость, малышка, – склоняется к моему уху муж, увлекая меня в центр зала. Тишину разрывают первые аккорды мелодии, на мою талию опускается теплая ладонь, вторая захватывает в плен мои похолодевшие от волнения пальцы. – Доверься мне, Вета. Просто отпусти себя, не думай ни о чем... – проникновенно шепчет Рейнхард, и у меня создается впечатление, что он не только танцы имеет в виду.

Глава 67

И я отпускаю, полностью... Беспрекословно слушаюсь совета, и превращаюсь в податливую глину в руках мужа. Он кружит меня в танце, и ноги мои четко ступают, словно чувствуя наперед каждый шаг, словно тело мое читает его мысли, словно мы одно целое, одна душа на двоих.

Постепенно напряжение отпускает, и мысли в голове перестают метаться, словно зайцы. Его рука на моей талии, моя рука на его плече... Это так правильно, так понятно... и... совсем не страшно. У меня даже получается выдавить какую-никакую улыбку, которая в скором времени становится вполне искренней.

– Цветана Вольф? – задаю вопрос, который не посмела озвучивать при посторонних. – Это с каких это пор я стала Вольф? Мы же де-юре не женаты...

– Пока не женаты, – поспешно исправляет муж, чуть крепче прижимая меня к себе. – И исключительно де-юре...

– Пока не женаты, – послушно исправляюсь. – Так почему Вольф? И когда?

– Ты хотела Карлинг? – поднимает брови Ренхард. Но, видя, что я совсем не оценила юмора, продолжает. – С самого начала, – ни капли не раскаиваясь, признается он. – И на это было несколько причин.

– Внимательно слушаю, – делаю сосредоточенное лицо, всем своим видом показывая, как жажду узнать эти несколько причин, причем все до одной.

– Мне нужно было дать тебе аристократическую фамилию, не ниже маркиза. Таких родов у нас немного, и знают их все на память. Мой род подходил лучше всего, тем более официально по документам я твой опекун, я говорил об этом, помнишь?

Что-то такое я действительно припоминаю, только тогда моя голова была занята совершенно другими вещами, и я не придавала этим словам особого значения.

– А вторая? – подозрительно щурюсь.

– Вторая сугубо практичная. Ты и так должна была выйти за меня замуж, так зачем же дважды менять фамилию? – хмыкает мой расчетливый муж.

Первый танец заканчивается, начинается играть новая мелодия, более быстрая и зажигательная. Рейн подхватывает меня за талию и увлекает в новый танец. К нам присоединяются другие пары, бал набирает обороты и теряет налет официальности, приобретая более веселый и вольный характер.

После Рейна меня приглашает его величество, затем я снова танцую с мужем, не обращая внимания на чопорных старушек, которые тут же принимаются шептаться о том, что мы нарушили приличия – как так, два танца подряд, а затем и все остальные, когда положено не больше трех, и то лишь супругам. Но мне, как и Рейнхарду становится совершенно безразлично.

Останавливаемся мы лишь тогда, когда мои ноги начинают заплетаться, и я молю о пощаде.

Муж подводит меня к фрау Метчилд, которая о чем-то секретничает с королем, в руки мне сразу же попадает холодный бокал с пуншем, и я, наконец, могу перевести дыхание.

– Как вам бал, милая Цветана? – интересуется его величество, весело блестя глазами.

– Потрясающе! – искренне заверяю, с удивлением понимая, что уже начинаю даже испытывать некоторое удовольствие от приема.

К Рейну подходит низенький полноватый мужчина и, поздравив нас с помолвкой и пожелав всяческих благ, извиняется и просит герра канцлера уделить ему несколько минут внимания.

Отпускаю супруга решать важные канцлеровские проблемы, заверив, что ни ногой не отойду от фрау Метчилд и его величества. А когда Рейн скрывается из виду вместе со своим спутником, начинаю пристально высматривать Николь. Мне до сих пор не по себе от ее взгляда.

Принцесса весело проводит время в компании какого-то молодого человека, лихо отплясывая и громко смеясь. Интересно, насколько искренние ее эмоции. Я всем сердцем желаю, чтоб Ника переключила свое внимание на другого кандидата и оставила моего мужа в покое.

– Фройляйн Цветана, – неожиданно окликает меня король Орэль.
– Разрешите представить вам профессора Леона Иво, нашего

непревзойденного министра образования.

Перевожу взгляд на сухонького полностью седого старичка и широко улыбаюсь.

– Доброго вечера, профессор Иво, – здороваюсь я, протягивая руку, как того подобает этикет. – Мне очень приятно.

– Взаимно, фройляйн Цветана, – кивает министр, блестя светло-голубыми глазами из-за стекол круглых очков. – Поздравляю вас с помолвкой.

Губы старика слегка касаются тыльной стороны моей ладони, затянутой в перчатку.

– Благодарю, – снова улыбаюсь, стараясь не показывать, как утомили меня уже эти церемонии.

Окружающие же не виноваты, в том, что я настолько непривычна к подобным вещам, они-то все правила и нюансы приветствий с молоком матери впитывают, а я себя чувствую сухим листом в водовороте событий.

К нам подходит еще парочка молодых людей, решивших отдохнуть от танцев – светловолосый и кудрявый мужчина и милая шатенка с необычно яркими синими глазами.

– А это мой сын Джебберт Иво, магистр алхимии Бергского Университета Магии – тут же с гордостью представляет его профессор. И я сразу же припоминаю, что это один из «запасных» кандидатов на должность канцлера, а так же бывший подозреваемый. – И его невеста Эрсель Ситроу.

С ними тоже приходится обмениваться заученными любезностями и фразами, но этого магистра я осматриваю более пристально... на всякий случай...

– Как вам Берг? – спрашивает меня Эрсель, когда церемониальные расшаркивания заканчиваются, и мужчины начинают обсуждать какие-то свои вопросы. Фрау Метчилд ушла минут десять назад, сославшись на внезапный приступ мигрени, и я несказанно рада новой собеседнице. Стоять молча, попивая пунш и, время от времени, принимая поздравления, мне кажется невыносимо глупо и немного неловко.

– Берг чудесен, – искренне говорю я.

– Да, он мне тоже безумно нравится. Вы ведь также как и я, не местная? – понятливо сканирует меня взглядом девушка.

– Да, – не вижу смысла отрицать очевидное. – Вы правы.

Эрсель тихонько вздыхает, опуская глаза.

– А вы скучаете по дому? – стесняясь, спрашивает она. – Я – безумно. Но... мне кажется, что этим я предаю Джеба, ведь я его очень сильно люблю...

Она тушует, отводит взгляд и, чтобы скрыть неловкость, хватается бокал с пуншем.

– Я тоже скучаю, – подтверждаю, испытывая необычайное чувство близости к своей подруге по “несчастью”. – Это нормально. Но тут Рейнхард и, значит, мой новый дом. Без него мне там, где я раньше жила, тоже будет плохо, гораздо хуже, чем тут, уверена и вам так же, правда?

– Да-да, конечно, – заверяет меня Эрсель. – Просто тут все такие... такие ... – она отчаянно закусывает губу, подбирая подходящие слова.

– Снобы? – подсказываю я, и мы вдвоем прыскаем со смеху.

– Именно! У нас в Тирлье намного проще общество... – откровенничает девушка.

Мы как-то незаметно находим с невестой младшего Иво новые темы для беседы и переходим на “Ты”. Вечер снова играет красками, омрачает его только то, что Рейна уже довольно-таки долго нет.

Беседа с новой подругой и танцы, в которых моими кавалерами выступают профессор Иво и Джебберт, немного отвлекают, но не надолго.

Взгляд Николь, я чувствую буквально спиной, словно стальная игла ввинчивается между лопаток, и сбиваюсь с ритма во время танца с Джеббертом, но мой партнер делает вид, что ничего не случилось и ловко подхватывает меня, сглаживая оплошность. Звучат последние ноты, мы обмениваемся церемониальными поклонами, и магистр Иво ведет меня к столу нашей небольшой компании. Там уже стоит Николь и, явно ожидая меня, нетерпеливо притопывает ногой. Носочек синей атласной туфельки мелькает бабочкой, слегка поднимая пышные юбки ее платья.

– Мы можете нас извинить, – мило улыбается принцесса, отдавая свой бокал кавалеру, как только я оказываюсь в пределах досягаемости. – Нам с Цветаной нужно кое-что обсудить.

Сердце в груди екает, но я не подаю вида, гордо задирая подбородок. Рейнхард мой муж, я его люблю, он, возможно, меня тоже. А Николь... ее, конечно жалко, но за свое счастье я буду бороться. Надо уже дать понять юной принцессе, что ей с канцлером никогда не светило совместное будущее.

– Очень нужно, – подтверждаю я, бесстрашно смотря в голубые глаза ее высочества, и мы вместе покидаем шумный и немного душный зал.

Глава 68

Мы идем плечом к плечу, совсем рядом, звуки наших шагов сливаются в пугающий унисон. И молчим... Профиль Николь, словно, высечен с камня, резкий и холодный, она явно избегает смотреть на меня, хотя и чувствует мой взгляд.

Ярко освещенная галерея сменяется полузатененным коридором, который заканчивается французскими окнами, выходящими на балкон.

– Ты пожалеешь! – откуда-то сбоку доносится злой шипящий голос. Мы с Николь начинаем одновременно оглядываться по сторонам.

– Я своего решения не изменю, Уотан, – узнаю голос Рейна и резко останавливаюсь, но принцесса неожиданно резко дергает меня за руку и буквально заталкивает в скрытый тенью альков. А спустя несколько минут коридором проносится давешний толстячок, умыкнувший прямо с приема моего мужа, а за ним и сам муж, спокойно шагающий в направлении бального зала.

Так это и есть тот самый глава верхней палаты, Уотан Ниссау, еще один подозреваемый? Ничего себе тут змеиное кодро! Обложили со всех сторон!

– Вот гад, – рядом, почти на ухо вздыхает Николь, выражая солидарное мнение. – Наверное, какого-то своего протеже хотел протащить на хлебную должность.

Мы ждем еще несколько минут, убеждаясь, что коридор пустынен, а затем осторожно выходим из своего убежища. Теперь мне глупые разборки с Николь кажутся какими-то детскими и совершенно не важными. Я только что слышала, как моему мужу угрожал мерзкий толстяк, и его же подозревали до недавних пор в покушении! Не это ли повод задуматься?

Принцесса продолжает и дальше увлекать меня к запланированной цели, и я незаметно для себя оказываюсь на балконе. Кроме нас, тут никого нет, внизу расстилается украшенный фонариками сад, благоухают ночные цветы и огромные мотыльки с

прозрачными крылышками, усыпанными пылью, летают возле нас, привлеченные светом из коридора.

– Как ты могла? – восклицает Николь, как только мы оказываемся изолированными от всех, и нас накрывает полог неслышимости. – Я ведь тебе верила. Думала – мы подруги. Зачем, Вета, зачем? Зачем ты мне соврала? – причитает принцесса. – Почему сразу не сказала, какие между вами отношения? Почему позволила думать, что у меня есть надежда? – она закрывает ладонями лицо и тихо всхлипывает.

Я чувствую себя до отвращения неловко, наблюдая за тем, как едва заметно вздрагивают ее хрупкие плечи, и не знаю, что сказать в ответ. Такие искренние стенания у кого хочешь затронут душу...

– Николь, послушай, – хватаю ее за запястья, заставляя посмотреть на себя. – Я и не думала тебя обманывать. Я, правда, тогда не знала ничего. И вообще не собиралась замуж.

– Не знала? – слезы все еще блестят в голубых глазах принцессы, но всхлипывания прекращаются. – Ты не знала, что он сделает тебе предложение?

– Нет, не знала. Так получилось. Внезапно. Скоропостижно, – объясняю, воодушевленная тем, что Ника, наконец, успокаивается.

– О, – округляет губы принцесса. И ее взгляд тут же перемещается на мой живот. – Поня-а-атно... – тянет она, продолжая туда пялиться. Я краснею, как помидор и уже хочу возразить, но в последний момент останавливаюсь. Какая разница, на самом деле? Пускай думает, что хочет.

– Тогда ладно, – шмыгает носом Николь, и достает из ридикюля кружевной платочек, которым принимается аккуратно промакивать глаза. – Просто, мне неприятно было, что ты меня обманула. Я думала, мы подруги, – невозмутимо заявляет принцесса Николетта, прячет платок обратно в сумочку и, глубоко вздохнув, расплывается в улыбке. – Как тебе мой Август? Правда же он душка?

Я непонимающе моргаю, сраженная столь резкой сменой настроения, и силюсь припомнить этого самого душку Августа.

– Боже мой, Вета! – восклицает принцесса, беря меня под руку, и тянет обратно в зал. – Ты разве не видела? Я с ним уже целых два танца протанцевала! Целых два! А фрау Фук так смотрела, так смотрела! Ручаюсь, если б я не была принцессой, меня тут же ославили бы на весь Берграйх.

Болтовня Николь зудит ненавязчивым фоном, и я мягко подстраиваю ничего не значащие кивки и угуканье, под нужные моменты. А сама усиленно анализирую эту дивную ситуацию. Что это было? Принцесса и в самом деле внезапно влюбилась в этого Августа и забыла Рейна, или притворяется? Что, если это просто искусная игра, дабы усыпить мою бдительность.

– Я была так расстроена вашей помолвкой, так расстроена, – жужжит голос Николь. – А тут он! Прямо, как из сказки. Такой красивый. И веселый. Весь танец меня смешил, представляешь?

– Угу, – не отхожу от стратегии, продолжая перебирать в памяти недавние события.

И еще этот Ниссау... Он грозил Рейнхарду. А вдруг спецслужбы схватили не того. Вдруг за всеми покушениями стоит именно толстячок. Но с другой стороны, вряд ли в департаменте безопасности одни дураки сидят, наверняка у них были основания, на которых Ниссау посчитали непричастным...

Остаток вечера перестает быть томным, меня гложут тревоги, Ренхард, видя мое состояние, тоже хмурится и, как только позволяют приличия, мы, прощаясь со всеми, отправляемся в свои покои.

К сожалению, когда мы оказываемся наедине, и я пытаюсь с мужем обсудить ситуацию, свидетелями которой мы с Николь невольно стали, Ренхард просит меня не забивать свою очаровательную головку глупостями, а с Ниссау он и сам разберется, ибо не впервой. И вообще, колобок этот подлый и мерзкий, но безобидный, так что мне не о чем волноваться.

Успокоил, называется...

Глава 69

“Не так страшен черт, как его малюют” – вертится в голове народная мудрость, пока я раскладываю на столе в кабинете писчие принадлежности и свой блокнот с записями заговоров. Это я о приеме, конечно же. Хотя и к моим загадочным способностям тоже вполне применимо.

В полку исписанных страниц ощутимо прибавилось. Каждую свободную минуту я трачу на то, чтобы пополнить количество вспомнившихся шепотков. Иногда они вспоминаются прямо во время обеда, иногда, когда я сплю, даже в душе было пару раз. И тогда я, где бы не была, все кидаю и мчусь к заветному блокноту. Парочку заговоров мне удалось даже применить на деле. На людях и животных я, естественно, экспериментировать не стала, но растения весьма активно участвуют в моих опытах.

Два небольших фикуса прочно обосновались на подоконнике в спальне. Одному счастливчику достался заговор на рост и плодородие, я, правда, не знаю чем “плодородят” фикусы, а второй был вынужден сам пробивать себе дорогу к звездам. И вот сегодня, спустя неделю я вижу первый ощутимый результат. Нашептанное растение стало выше за своего братца на минимум три сантиметра, разлапистое и сочнее. Его листья торчали, как бодрые заячьи уши и радовали насыщенным зеленым цветом. Второй тоже был неплох, но первый однозначно выглядел лучше.

Свои выводы и наблюдения я тоже скрупулезно заношу в тетрадку, и даже создала таблицу с показателями роста, количества листьев, длины и прочими наглядными признаками. Короче, развлекалась вовсю, пытаюсь хоть как-то понять, чем меня наградила природа и что я могу. Оказалось так же, что больше десяти заговоров подряд у меня не получается. То есть эффекта от одиннадцатого, как кот заплакал. Но вдруг постепенно можно увеличить количество заклинаний? А еще... еще у меня возникает мысль самой создать, свой личный авторский заговор. Интересно, будет ли он иметь хоть какую-то силу?

Мне отчаянно не хватает грамотного наставника. Самостоятельно обучаться тому, о чем сама имеешь весьма смутное представление – тяжело.

– Фройляйн Цветана, – в комнату осторожно заглядывает Вим. – К вам его высочество, Николь.

Нехотя откладываю ручку и чернильницу, незаметно вздыхаю, и прошу камердинера проводить принцессу в гостиную. Игнорировать Нику во второй раз, ссылаясь на головную боль, будет подозрительно и невежливо. А мне так не хочется вновь оказываться в ее обществе, что просто словами не передать.

Весь ее щебет о новой любви ни капли не ввел меня в заблуждение. Хотя тогда, на балконе, я была только рада, что конфликт быстро разрулился, а принцесса нашла утешение на плече одного из приглашенных молодых людей, но теперь-то ... теперь у меня было время все обдумать и проанализировать ситуацию... И вот ни на грамм не верится, что Николетта спустит потерю объекта воздыхания на тормозах.

– Вета, – как только вхожу в гостиную, тут же оказываюсь в душистых объятьях трепетной как лань, девушки. Она стискивает меня настолько сильно, что в голову невольно закрадывается мысль – уж не месть ли это за отбитого жениха. – Как ты себя чувствуешь сегодня? – выпускает из стальных тисков своих рук принцесса и обеспокоено заглядывает в глаза. При чем настолько искренне, что я начинаю чувствовать себя свиньей – обманула человека, а он волнуется...

– Хорошо, – улыбаюсь изо всех сил, чтобы не вызывать сомнение.

– Ты знаешь, – присаживается за столик моя подруга. – Я вчера подумала, что ты специально выдумала причину, чтобы со мной не встречаться. Но вид, и правда, у тебя бледный и измученный.

Я краснею, как небо на закате, и чтоб скрыть неловкость прошу принести нам чай и какие-то сэндвичи или печенье к нему... Обманывать трудно и выкручиваться тоже, не думала, что я на такое способна, а вон как жизнь повернулась...

Между нами повисает тишина, я отчаянно кусаю губы, мучась то сомнениями и подозрениями, то невольными муками совести, принцесса задумчиво созерцает мир за окном. И когда входит в гостиную с подносом Бруна, мы одновременно с Николь вздрагиваем.

– Фройляйн Цветана, – тихо говорит горничная. – Вам тут письмо пришло...

Я недоуменно воззряюсь на нее. Кто может мне писать? Рейн? Фриц? Сердце начинает тревожно колотиться в груди. А служанка, закончив сервировать стол и, разлив по чашкам чай, ставит чайник на место и извлекает из кармана передника небольшой бледно-розовый конверт. Поспешно забираю у нее послание и быстро распечатываю

“Милая Вета!” – гласит размашистый украшенный завитушками почерк. – “Смею надеяться, что тебе так же, как и мне, понравилось время, которое мы провели вместе на приеме. И мне показалось правильным продолжить нашу дружбу, если ты, конечно, не против. Посему приглашаю тебя завтра на прогулку. Как ты на это смотришь? Пожалуйста, ответь, как можно скорее, а то я вся изведусь от волнения. С уважением, Эрсель”

– Кто пишет? – бесцеремонно заглядывает в письмо Николетта, ничуть не испытывая неловкости от прочтения чужой переписки. – О, как здорово!!! Я с вами! – едва пробежавшись глазами по написанным строчкам, заявляет она.

Глава 70

Как откажешь принцессе? Да и какой тут отказ, она ведь не спрашивала позволения. Решила и все...

Прошу принести мне все необходимое для письма и быстро отвечаю Эрсель, что безмерно рада ее приглашению и предложению дружбы, а также, что на прогулку с нами отправится и ее высочество Николь. Нужно же бедной девушке знать, что наша компания внезапно увеличилась. Помнится, на приеме она очень неловко себя чувствовала рядом с принцессой. Посыпаю чернила волшебным песком, который их мгновенно высушивает, и, запечатав послание, прошу как можно скорее доставить его адресату.

– Это просто чудесно, что нас будет трое, чем больше – тем веселее, – щебечет Николь, забыв о зажатом в руке пирожном. – Я вас свожу в свои любимые лавки и салоны. А потом можно будет посетить кондитерскую мастера Нинье, у него просто потрясающие сладости и кофе. Когда мои сестры жили тут, во дворце, мы каждые выходные туда заходили, – планирует принцесса.

А я понимаю, насколько она одинока, и мне ее действительно становится жалко.

Уже вечером я, не удержавшись, таки спрашиваю у Рейна.

– А как проходит детство во дворце?

Мы как раз отдыхаем в постели после бурных ласк и поцелуев. Успев соскучиться за день, как правило, нам вначале не до разговоров, и только потом, когда страсти утихают, приходит время вечерних бесед и обсуждения новостей.

Рейнхард сразу не отвечает, а, задумавшись, перебирает мои распущенные волосы, иногда целуя в макушку.

– Детство во дворце... – медленно начинает он. – Одновременно интересное, ведь ты нигде не получишь таких глубоких знаний, как с придворными учителями, но и... как бы это сказать... ущемленное. Очень мало времени тебе дают побыть ребенком, понимаешь?

Поднимаю голову и заглядываю мужу в глаза.

– То есть?

– То есть, ты уже с самого раннего возраста знаешь на зубок целую сводку правил придворного этикета, и соблюдаешь их неуклонно – объясняет муж. – Эти ограничения, они будто делают тебя сразу взрослым, и относятся к тебе все вокруг, как к взрослому. Обычные детские забавы не для воспитанников дворца.

М-да, действительно не позавидуешь. Я, словно воочию вижу одинокую маленькую белокурую девочку в компании няnek и служанок.

– Мои родители... – продолжает тем временем муж. – Они сразу решили подарить мне другую судьбу, и легко отказались от положения при дворе, удалившись в свое загородное поместье. Там мне позволялось и по деревьям лазить, и в снегу играть с дворовыми мальчишками. Да и по мягкому месту полотенцем приходилось получать от кухарки за ворованные пирожки... Никто не запрещал быть ребенком, дружить с детьми арендаторов, вместе ходить на рыбалку и охоту... – делится воспоминаниями Рейн, а потом внезапно вскидывается и обжигает меня мгновенно вспыхнувшим взглядом. – Вета, к чему ты спрашиваешь? Ты хочешь сказать...

До меня не сразу доходит, о чему это он, а когда доходит, я и сама испуганно вскакиваю. О детях я как-то не задумывалась. Мне кажется, что к чему-чему, а к материнству я точно не готова, тем более сейчас, когда где-то рядом рыщет опасный злопыхатель.

– Нет-нет, – поспешно мотаю головой, затем в мыслях просчитываю дни, и более уверенно повторяю. – Точно нет. Ко мне сегодня просто Николь заходила...

– А-а-а, Ника, – понятливо вздыхает муж, и, притянув меня обратно, снова принимается перебирать мои волосы. – Бедная девочка. Ей несладко пришлось... Слишком рано мать потеряла, затем Амалия, к которой Ника была очень сильно привязана, замуж вышла и уехала... А через несколько лет и Розамунда...

Сочувствие в голове Рейна находит отклик в моем сердце... Может, зря я подозревала несчастную девушку. Уж мне-то лучше кем кому-либо другому, известно, каково это быть почти сиротой и не иметь подруг.

– Нас пригласила на прогулку Эрсель, невеста Джебберта Иво – решаю умолчать о том, что приглашалась изначально я, а Николь сама себя пригласила. – Отпустишь? – просяще смотрю ему в глаза.

Муж поджигает губы, прикидывая что-то в уме.

– Хорошо, – без большого энтузиазма соглашается супруг. – Думаю, ничего вам в толпе среди белого дня не угрожает. Но, все равно, возьмете дополнительную стражу.

Молча киваю, даже и не подумав спорить, хоть и понимаю, что шестью охранниками мы будем выглядеть странно и немного комично. Здоровье и жизнь важнее.

– А что с расследованием? – сразу же интересуюсь. – Новые факты всплыли? Например, кто был заказчиком нападения на меня?

– Да, мы вышли на последнего. Того, который сбежал, – кивает мужчина. – Он утверждает, что заказал нападение все тот же Симон... Из мести... От него жена ушла, когда его сместили с должности.

– М-да, – глухо вздыхаю, утыкаясь носом мужу в грудь. – Порой месть бывает безжалостна и глупа...

– Но ты все равно будь осторожна, – целует меня в макушку Рейнхард. – Официально, дело закрыто. А неофициально, мы продолжаем копать. Уж слишком легко все получилось, словно кто-то специально подсовывал нам в руки очевидные варианты.

– Буду. Обещаю, – поднимаю голову и смотрю ему в глаза. – К тому же о моем умении плести заговоры и превращаться в лису никто не знает.

– И не будет знать, – подтверждает муж. – Секретные преимущества порой многого стоят.

Вот и прекрасно, думаю я, и широко зевнув, поудобнее устраиваюсь на мужниной груди.

– Спокойной ночи, Рейн, – желаю от всего сердца, закрывая глаза.

– Сладких снов, милая, – поправляет на моем плече одеяло муж и заключает в уютные теплые объятия.

Глава 71

Карету немного потряхивает на брусчатой дороге, и я стараюсь смотреть в окно на проплывающие мимо пейзажи. Меня слегка укачивает, и мелькающие за стеклом аккуратные каменные домишки немного отвлекают от бунтующего желудка.

Принцесса и Эрсель о чем-то увлеченно болтают. Несмотря на некоторую скованность, новая подруга весьма быстро находит общий язык с Николь. И теперь они с удовольствием обсуждают модные фасоны, популярные в Берге и Тирлье, сравнивают и оценивают наряды представителей высшего света и просто получают наслаждение от подобной беседы. Я же отчаянно пытаюсь не заснуть, время от времени, позевывая в кулак и пугая попутчиц своей мертвенной бледностью.

– Это все эклеры на завтрак, – с умным видом рассуждает Николь о причинах моего недомогания.

Я рассеянно киваю, соглашаясь сейчас со всем, что мне скажут, лишь бы не трогали, и продолжаю таращиться в окно. Сама же я грешу на рыбу, к эклерам, между прочим, я не притрагивалась. И вспоминаю прошедшую ночь.

Проснувшись я от острого чувства опасности, но, убедившись, что рядом все так же спокойно посапывает муж, и нам ничего не угрожает, успокоилась и попыталась заснуть обратно. Да только объятия Морфея оставались холодными, и никак не желали принимать меня в свое царство грез. Разбудившая меня тревога тоже не исчезла, хоть и уменьшилась, продолжая терзать уставший мозг.

И именно тогда мне в голову пришла отчасти бредовая, но бесспорно гениальная идея – защитить мужа. Неужели имея в арсенале сотни заговоров и шепотков, я не смогу придумать что-то свое, способное обезопасить Рейна от упорного недоброжелателя? Он-то ведь постоянно рискует своей жизнью, продолжая копаться в расследовании и делать доброе дело на благо общества и страны, очищая государственный аппарат и избавляясь от давно уже

нефункционирующих звеньев. Понятно, что у такого оборотня этих недоброжелателей, как блох на бездомной собаке.

Приподнявшись на локте, вывожу знакомые обереги на мужской груди и плечам, рассеянно наблюдая, как невидимые линии начинают светиться, словно посыпанные бриллиантовой крошкой. Лишь один раз мне доводилось подобное сотворить – когда я убежала из дворца. Мысль мелькает и пропадает, а я лишь ощущаю приятное покалывание и тепло на кончиках пальцев, продолжая и дальше творить свое дело. Руны, кстати, тоже нужно будет переписать в блокнот, и к каждой расшифровку объяснительную приделать.

Складываю ладони ковшиком, будто заключая в них остатки волшебства, и тихо шепчу:

– Месяц-братец, и ты, Солнце – отец, защитите моего суженого, моего единственного, и ночью и днем, и летом и зимой, и в этом мире и в другом. Ключ, замок, да будет так!

Осторожно дую на ладони, и с восхищением смотрю, как оседает волшебная пыльца на гладкой рельефной груди мужа, мощным предплечьям, резко очерченным скулам и темным волосам. И сама не верю, что сделала свой собственный заговор. А моя ли это заслуга? Слова, будто сами срывались с губ и выстраивались в речитатив. Только вот измученной я себя чувствую настолько, словно не меньше двадцати обычных шепотков проговаривала. Да и сейчас я ощущаю себя совершенно неважно. На создание собственного заговора, видимо, приходится брать не только больше энергии, а еще и внутренний резерв опустошать, ибо как тогда объяснить мою усталость? А ведь в книгах говорилось, что ведьмы берут силы из окружающей среды, в отличие от магов. Врали? Или дело в чем-то другом.

Незаметно снова зеваю и, наклонив голову, прижимаюсь лбом к стеклу. Мерный перестук колес убаюкивает, лучше колыбельной, и я, справедливо посчитав, что девочки меня разбудят, устало прикрываю глаза. А когда открываю их снова, понимаю, что карета остановилась. Рядом на сидении, склонив голову на мое плечо, мирно дремлет Николь, напротив, скрутившись клубочком, посапывает Эрсель.

Осторожно выбираюсь, аккуратно пристраивая голову принцессы на подголовник и выхожу из кареты.

Открывшаяся моему взору картина, заставляет испуганно замереть. Все – и кучер на козлах, и лакеи, и стража на лошадях, и даже сами лошади, повесив головы, спят. Спят, будто их заколдовали. А впереди, сколько хватает глаза, расстилается незнакомое изумрудное поле, и где-то там, на его краю, я уже вижу силуэты приближающихся всадников.

Глава 72

Сердце в груди стучит набатом, страх, словно скользкие щупальца осьминога, охватывают мое тело, выбивая нервную дрожь. И чувствую... ощущаю всем своим естеством что-то гадкое, чужое, неприятное... Но не от всадников, спешащих к одинокой карете, а откуда-то совсем рядом, близко, пугающе близко...

За спиной тихо скрипнув, отворяется дверца кареты. Вздрогнув, оборачиваюсь назад, и вижу медленно выбирающуюся из недр экипажа Николь. Она неуклюже ступает на землю, подворачивает лодыжку в изящной туфельке и тихо ругается. За ней так же осторожно вываливается из кареты Эрсель. Только невеста магистра Иво не настолько твердо держится на ногах, и тут же падает на колени.

– Вета, что случилось? – хрипло спрашивает принцесса, оглядываясь по сторонам.

Рядом тихо начинают пофыркивать лошади, заспанный кучер резко вскидывает голову и принимается недоуменно таращиться на окружающий нас пейзаж, шестеро стражников позвякивают мечами и спешиваются, заключая нас в защитное кольцо, лакей сливается с каретой, стараясь не дышать, дабы не выдать своего присутствия.

– Это наши, – облегченно шепчет принцесса, хватая меня за руку. Она, как и я, напряженно вглядывалась вперед, пока другие осматривались по сторонам.

Но я и сама без труда замечаю ярко-красные плюмажи на головах коней и до боли знакомую фигуру мужа, спешащего впереди всех.

Он первым прибывает на место таинственного происшествия, резко осаживает взмыленного коня и, спрыгнув на землю, тут же заключает меня в объятья. Я тихо всхлипываю, прижимаясь щекой к колючей ткани его кителя.

– Вета, – целует меня в макушку. – Цветана...

А затем, тихо вздохнув, отстраняет меня, продолжая удерживать за плечи, и заглядывает мне в глаза.

– Зачем ты это сделала?

Я недоуменно хлопаю ресницами, ни в силах понять смысл фразы.

– Сделала что, Рейн? – осторожно переспрашиваю, выскальзывая из объятий.

В душе колючей изморозью ползет холодок.

Рядом спешиваются остальные всадники, тихо перекидываются фразами со своими сослуживцами, охраняющими карету, а я словно истукан замираю и не могу отвести взгляд от необычно холодных глаз мужа. Давно он на меня так не смотрел.

– Зачем ты подвергла опасности ее высочество и фройляйн Эрсель? – нарочито спокойно спрашивает Рейнхард. – Если тебе неволею быть моей невестой, то вовсе не обязательно сбегать таким способом, – стальным голосом говорит он.

– Но я даже не думала сбегать, – качаю головой, делая шаг вперед, но Рейн отступает.

– Я чувствую природу твоей магии, – делает акцент на предпоследнем слове муж. – Кроме тебя такой никто не обладает.

– Нет, Рейнхард, нет, – прижимаю ладонь к тревожно колотящемуся сердцу.

– Вета, – хмурится он. – Ответь мне на один вопрос, только на один... Ты ведь и надо мной колдовала ночью, правда? Ты снова что-то пыталась мне навязать? Может, чтобы я не смог тебя найти, может, чтобы отключилась следилка...

– Это не то, что ты подумал, – нервно сглатываю. – Это было совсем другое.

– Что тогда? – поднимает брови Рейн. – Объясни, что "другое"!

А я беспомощно смотрю на него и не могу издать даже звука. Если я скажу о защите, которую наложила, а рядом будет кто-то сливающий информацию врагу, то я подставлю мужа, и это может стоить ему жизни. А если промолчу, это будет стоить доверия...

– Я так и думал... – едко заключает Рейн, по-своему истолковав мое молчание.

Становится невыносимо больно, словно душу вынули, словно потоптались по ней, измучили, а потом вернули обратно.

Но несмотря ни на что, Рейнхард подводит ко мне своего жеребца, аккуратно подсаживает в седло, запрыгивает следом за мной, и мы трогаемся обратно... домой.

А домой ли теперь? На глаза наворачиваются слезы. А еще обида. Почему он мне не верит? Почему? Ведь в отношениях партнеры должны друг другу доверять, разве нет?

– А ты не догадываешься? – едко шепчет внутренний голос. – Неужели повода не давала?

Давала... и не раз – приходится себе признаться.

Я даже не замечаю обратную дорогу, полностью погрузившись в мысли. Все вокруг сливается в размазанное полотно. Кажется, мы подъехали к дворцу, кажется, Рейн помог мне спешиться, кажется, он за руку вел меня в наши покои... Кажется... кажется... кажется...

И только когда мы оказываемся в наших комнатах, я набираюсь смелости снова взглянуть мужу в глаза.

– Рейн... я должна сказать, – осторожно начинаю.

Но муж медленно качает головой, и я вижу, как его взгляд меняется с безразличного на яростный и опасный. Сердце, оборвавшись, падает вниз, а я невольно отступаю назад.

Глава 73

Только Рейн делает то, чего я от него совсем не ожидала. Он резко заключает меня в объятия, да так, что я чувствую, как мои ребра начинают похрустывать.

– Прости меня, прости, – шепчет он мне в волосы, перемешивая извинения с поцелуями. – Так было нужно.

– Что нужно? – невольно хмурюсь, вырываясь из его объятий.

Теперь меня явно начинает терзать не чувство вины, а обида. Я пока не знаю за что, но где-то внутри зреет странное понимание, что эта самая обида вполне обоснована

Вид у мужа немного всклоченный, но уверенный и твердый. Таким я его привыкла видеть всегда, всегда и во всем – Рейн знает, как лучше, Рейн знает, что делать.

– Сначала скажи мне, как ты себя чувствуешь, – упрямится муж, придиричиво осматривая меня со всех сторон, разве что в рот не заглядывает.

– Да нормально, немного в карете укачало и все, – резко отмахиваюсь, стремясь перейти сразу же к важным вопросам.

Но герр канцлер совершенно не спешит. Он скрупулезно накладывает поверх стандартных заклинаний от прослушки еще одно, свое, которое я уже видела и не раз, устраивает меня на удобной оттоманке у стены, а сам принимается расхаживать по комнате, наконец, приступая к долгожданному разговору.

– Укачало тебя, милая моя, из-за чужой энергетики, которая настолько схожа с твоей собственной, что сразу начала всасываться и перерабатываться твоим организмом, – начинает грузить муж.

– Что? – удивленно хлопаю глазами и сглатываю ком в горле. Воспоминания о поездке снова вызывают легкую тошноту.

– Вета, – присаживается напротив меня на корточки Рейнхард и берет мои холодные ладони в свои, большие и теплые. – Кто-то не просто знает о том, что ты ведьма. А еще и изучил самые близкие тебе заговоры, которые у тебя удаются даже на подсознательном уровне.

– Ведьма? Еще одна попаданка? – удивленно вскидываюсь, даже не зная, как относится к подобному заявлению.

– Нет. Не думаю... – хмурится Рейн. – И это сейчас совершенно не имеет значения. Важно то, что твой секрет раскрыт – это раз, меня целенаправленно пытались настроить против тебя, устроив этот театральный побег – это два, и мы по-прежнему не определили особу этого недоброжелателя, и знаем лишь то, что он достаточно близок к нам всем – это три.

– Но ведьма значит девушка, – пытаюсь рассуждать, в мыслях принимаясь тщательно анализировать поведение подруг, составивших мне компанию в карете.

А их всего-то там было двое. Николь я и так подозревала, а Эрсель... Что ж вполне могла быть и она. Невеста магистра Иво, конечно, очень милая, но внешность бывает обманчива.

– Нет, не обязательно девушка, – развеивает мою гениальную теорию муж. – Это мог быть и мужчина, ведьмак. К тому же, он не обязательно должен был находиться непосредственно рядом.

– Так, ясно, – тяну я, задумчиво покусывая губу. – Как я поняла, ты сразу знал, что я убежать не собиралась... – вот оно то, что царапало меня изнутри и лелеяло обиду. Докопались таки до истины.

– Даже и в мыслях не было, – целует мои ладони Рейн. – Как только маячок на тебе начал выдавать сигнал, что экипаж свернул в другую сторону, я понял – случилось что-то неладное. Но тебя не подозревал никогда.

– Зачем тогда был этот спектакль? – обиженно интересуюсь.

Воспоминание о том, что творилось в моей душе все это время, пока мы возвращались во дворец, заставляют болезненно всхлипнуть.

– Милая, а как ты думаешь? – муж аккуратно вытирает слезинку с моей щеки. – Мне нужно было их обыграть, нужно было показать, кому бы то ни было, что его план сработал. Теперь мы с тобой понимаем, что они нанесут еще один удар. Но будем к нему готовы.

– Ты хочешь сказать, – беру себя, наконец, в руки, пряча эмоции глубоко в душе – не время сейчас раскисать. – Что они захотят меня похитить уже на самом деле, заставив тебя поверить, что я сама сбежала?

– Думаю, именно таков их план. Ты для меня самое важное в жизни, и кто-то это знает слишком хорошо. Как бы я не прятал тебя,

как бы не пытался защититить, кто-то все равно был на шаг вперед, но теперь мы его переиграли. Жаль, что тебе пришлось пережить это все.

Эти слова словно бальзамом растекаются по моему израненному сердцу. Любит... Не может не любить. Не говорят такие слова тем, к кому испытывают лишь симпатию и чувство долга. Любит... И я люблю...

– Я понимаю, Рейн, – сама лгну к нему, стараясь прижаться как можно ближе. Другого выхода не было. Зато теперь нам, наконец, известно, чего от них ожидать, и это того стоило. И знаешь что, – поднимаю голову и заглядываю ему в глаза. – Я все равно чувствовала, что мне удастся тебя переубедить. Я знала, что, может, и не сразу, но ты мне поверишь. И заклинание, которое я делала... я... – краска смущения заливает мои щеки. – Я, правда, колдовала над тобой, но это был защитный заговор... Только ты... тебе он, наверное, совсем не пригодится, – внезапно накрывает меня логичным осознанием. Разве может герр канцлер, второе лицо после короля, быть беззащитным? Да на нем, по меньшей мере, сто охранных заклинаний, да и сам он маг не слабый, если не сильнейший во всем Берграйхе. А тут я, как мышь, со своими детскими шепотками.

– Вета, ну ты чего? – хмыкает улыбающийся Рейнхард. – Уверен, что теперь я с твоим заговором в еще большей безопасности! Правда! – он легонько обхватывает пальцами мой подбородок, заставляя посмотреть в глаза. – Слышишь, Вета? И мне очень приятно, что у тебя возникло желание меня уберечь от опасности...

Я знаю, что все эти слова, чтобы меня утешить, но все равно довольно улыбаюсь, хотя и чувствую себя немного глупо. Моська решила защититить слона.

– И запомни, – снова становится серьезным муж. – Теперь никому нельзя верить. Есть ты и я, и больше никого.

– Даже его величеству Орэлю? – удивленно спрашиваю. – И Виму?

Этим людям Рейнхард всегда говорил, что доверяет, как себе.

– Даже им, – мрачно подтверждает он. – Слишком часто у нашего противника оказывалась в руках секретная информация, которую знал лишь определенный круг лиц.

– И что теперь? – шепчу одними губами.

– А теперь самое сложное, Вета, – отвечает муж, и я удивленно смотрю на него. – Ждать. Ждать, пока он не начнет приводить свой план в действие, поверив, что мы поссорились и разошлись. Но для этого мне нужно будет уйти из покоев и переночевать в другом месте. У всех на виду.

– Я останусь одна? – изумленно распахиваю глаза.

Не то чтобы мне страшно. Я доверяю Рейну, он бы не оставил меня саму, не будь тут полностью безопасно. Просто непривычно...

– Нет, милая, не одна. Я буду рядом, но ты меня не увидишь. И буду тебя охранять. Мои покои защищены, сюда никто не сможет пробраться. А ты ведь сама не выйдешь, правда?

– Правда, – уверенно киваю. С чего мне куда-то выходить, еще и посреди ночи.

– К тому же на тебе мой маячок. И я всегда знаю, где ты.

Наличие следилки успокаивает, как и защита на наших комнатах. Уж с ней-то точно никто не в силах справиться.

– А теперь мне нужно идти. Запомни, что я сказал и никуда не выходи, – муж легонько целует меня в лоб. – И извини еще раз. Мне нужно будет громко хлопнуть дверью, чтоб все уж точно уверились, что между нами не все ладно.

Коротко киваю. Надо так надо, пускай, хоть весь потолок обрушит, главное злодея вывести на чистую воду. А потом сама обхватываю ладонями его лицо и горячо целую в губы.

– Береги себя?

– А ты себя? И как только будет попытка выманить тебя, неважно от кого – Николь, Эрсель, его величество или Дитрих – сразу дай знать. В руку мне попадает небольшая коробочка, величиной с жестянку для леденцов. – Напишешь записку, положишь сюда – и я ее сразу же получу. Это новая разработка нашей лаборатории для общения следователей спецслужб, и о ней никому, кроме артефакторов и порталщиков, которые работали над ее изобретением, не известно. – Мне нужно идти.

– Иди... – тихо говорю, а у самой словно сердце внутри переворачивается.

– Иду, – медлит он и снова принимается меня целовать. – Еще чуть-чуть потерпи, – просит он и опять целует.

Но потом поднимается и широким шагом, не оглядываясь, выходит из комнаты. Я слышу, как громко хлопает входная дверь наших покоев. Ручаюсь, этот грохот слышит полдворца.

Глава 74

Не знаю, может, у меня железные нервы... или каменные... или алмазные – это ведь, по-моему, самый твердый материал в мире... Но засыпаю я словно убитая, ни капли не сомневаясь, что муж в случае чего меня защитит. А утром мне стоит огромных усилий напустить на себя унылый вид, ибо в душе, несмотря на надвигающуюся опасность, все поет и порхает. Вчерашний разговор ясно дал понять, что я значу для Рейна. А так ли важны эти заветные три слова, которые так и не прозвучали, если все остальное указывает на сильные и искренние чувства?

Бруна, как всегда, каким-то непостижимым образом ощущает мое пробуждение и заходит в спальню.

– Доброго утра, фройляйн Цветана! – здоровается она.

Но на щеках верной камеристки не расцветают привычные приветливые ямочки. Вид у горничной печальный и унылый. Она кидает быстрый взгляд на непримятую подушку со стороны мужа и смущенно отводит глаза, убеждаясь, что ночевала я и правда одна. Теперь уж точно весь дворец будет судачить о том, что между нами с Рейном пробежала кошка, если уже не судачит. Слухи в королевских резиденциях разлетаются быстрее, чем горячие пирожки на ярмарке. И кто бы мог подумать, что я так буду радоваться подобным сплетням.

– Доброго, - опускаю взгляд, изображая печаль, и сразу же спешу в ванную, дабы там уж более тщательно настроится – не хотелось бы испортить весь наш план своей радостной моськой.

За дверью слышатся звуки приглушенного разговора. Кажется, я узнаю голос Вима и осторожно выглядываю из ванной комнаты. Но, когда встречаюсь глазами с камердинером мужа, тот виновато опускает взор и, схватив в охапку одежду Рейнхарда, выскальзывает из покоев. Интересно, где все-таки провел ночь мой супруг?

А за завтраком мне приносят записку. И это послание вовсе не от того, от кого я ожидала его получить. Потому что на желтоватом обрывке бумаги чуть корявым детским почерком выведено всего

несколько слов: “Я попал в беду. Помоги, Вета. Жду у нашего дерева. Фриц”.

Кофе колючим комком застревает в горле, и я с трудом его глотаю. Во что вляпался этот ребенок? Неужели мои подозрения насчет его однокашников оказались верны?

Вскакиваю на ноги и опрометью бросаюсь к гардеробу, на ходу скидывая с себя халат.

– Фройляйн Цветана, вы куда? – кричит мне вдогонку ошеломленная Бруна.

И я действительно торможу – а и, правда, куда? Понятно, что мне нужно к городскому парку, понятно, что записку писал Фриц – в этом сомнений нет, понятно, что Фриц – это не Николь, Эстель и другие подозреваемые, а всего на всего испуганный и одинокий мальчишка, у которого кроме меня никого нет, но... Но выбежать сломя голову и попасться в руки злодеям тоже не вариант...

– Мне нужно уехать, – помедлив, отвечаю. – Приготовь, пожалуйста, платье для утренних визитов.

А сама, отдав распоряжение и на время оставшись одна, строчу записку Рейну и быстро прячу в коробочку. Муж должен помочь. И правда, спустя несколько минут жестяная баночка тихо тренькает, и я достаю оттуда небольшой конвертик с письмом и еще чем-то внутри. Быстро пробегаю глазами записку, удивленно хмурясь, и прячу ее в карман. Как раз в карете, пока буду ехать к парку, и разберусь что к чему...

Я даже не замечаю, как оказываюсь на месте, тревога за мальчишку гонит вперед словно плетью, экипаж брошен на широкой аллее, я бегу по узкой тропинке, а за мной оба моих охранника и еще двое в нагрузку – Рикет и Финн.

Фигуру Фрица вижу буквально сразу же. Мальчик стоит у нашего дерева, опустив голову и засунув руки в карманы, рядом валяется полупустой вещевой мешок, словно он собрался в дорогу. И столько обреченности и печали во всей его позе, что мое сердце буквально сжимается от боли.

– Вета, ты пришла? – вскидывает он голову, сразу же заметив меня.

В его глазах облегчение борется каким-то непонятным мне огорчением. Почему огорчение? Не рад меня видеть? Ведь сам звал?

– Я не могла не прийти... – тихо говорю, а потом, не сдержавшись, заключаю ребенка в объятия. Он такой напряженный, как натянутая струна, и весь дерганый, словно за ним гонятся адские псы преисподней.

– Зачем, зачем ты пришла? – тихо стонет он, крепко обхватывая меня рукам. – Как хорошо, что ты пришла, – тут же сам себе противоречит он. – Прости меня, Вета. Прости, – едва слышно всхлипывает, и я чувствую, как платье на моей груди медленно начинает влажнеть, а тонкие плечи под моими руками мелко-мелко вздрагивать.

Я слегка отстраняюсь, чтоб заглянуть в покрасневшие заплаканные глаза мальчика, но шум за спиной заставляет испуганно оглянуться.

Зидарт, Тиз и Финн лежат ничком в высокой траве, а возле них стоит напряженный Рикет, золотистые нити заклинаний медленно тянутся от его ладоней и опутывают сияющей паутиной моих охранников.

– Прости Вета, – снова шепчет Фриц. – У них Женестьева.

– Рикет, как ты мог? – шепчу побелевшими от гнева губами и встаю так, чтобы закрыть своим телом испуганного ребенка за моей спиной.

– Легко, – криво улыбается мой охранник, стряхивая с ладоней остатки заклинаний. Они золотистой пылью осыпаются на землю и оседают в густой ярко-зеленой траве. А спустя секунду в меня летит сгусток черной клубящейся тьмы.

Глава 75

Страха нет. Я лишь думаю, как мне удержать терзаемого чувством вины мальчишку, который так отчаянно рвется меня защитить. Клубок смолянистого мрака, выпущенный в меня охранником, ударяется о невидимый барьер и трухой осыпается на землю. Черные, как сажа, хлопья деактивированного заклинания, словно мертвые бабочки устилают траву, порыв ветра поднимает их, кружит и разносит по парку, как обрывки обгоревшей бумаги.

Рикет недовольно скрипит зубами, и выпускает в меня следующее заклинание, но оно также уничтожается защитой, поставленной на меня мужем. Я делаю шаг назад, отступая подальше. Воздух вокруг начинает мелко дрожать, и с тихим хлопком открывается несколько порталов, из которых выходят четверо стражников и Эрсель. Девушка подходит к Рикету и по хозяйски кладет руку ему на плечо.

– Доброе утро, милый, – целует она его в щеку, а затем поворачивается ко мне. – У нас какие-то проблемы с ней?

Я чувствую, как новоприбывшие воины окружают нас кольцом, отрезая путь к отступлению.

– Твой бывший задействовал какую-то защиту на свою девку, и я не могу ее пробить, – рыкает мой охранник и снова выпускает в меня на этот раз поток белесого света, который мелкими капельками оседает на невидимой стене и скатывается в траву крупными слезами.

– Бывший? – поднимаю брови, думая, что ослышалась. Фриц за моей спиной мелко дрожит, уткнувшись лицом мне между лопаток. Я незаметно нахожу его руку и слегка сжимаю, стараясь приободрить.

Эрсель снова целует расстроенного неудачей Рикета, а затем вальяжно, покачивая бедрами, подходит к защищающей нас с Фрицом грани. Теперь в ней не узнать ту наивную и немного испуганную провинциальную девушку. В широко распахнутых глазах невесты магистра Иво затаилась коварная женская мудрость, которой совсем не должно быть в этом юном взгляде.

Девушка медленно поднимает руку и начинает чертить что-то на прозрачной стене защитного заклинания, окружающего нас. Я вижу,

как появляется в воздухе черточка за черточкой руна разрушения. Такими знаками открывали запертые на замки двери и окна, и мне этот символ прекрасно знаком, хотя заговор, который шепчут губы невесты магистра Иво неизвестен.

Прозрачный барьер начинает мелко подрагивать, словно раскаленный воздух, но затем все равно застывает, и начерченные руны осыпаются пылью.

– Гадство! – шипит Эрсель, и даже ногой притопывает. – Рейн, видимо, какую-то новую разработку задействовал, которую уже ввели после моей смерти, – виновато разводит руками.

– Смерти? – сдавленно хриплю, – Кто ты, к черту, такая?

– Не догадалась? – издевательски поднимает брови девушка. – А я полагала – ты умная... – в притворном разочаровании покачивает она головой. – Раньше меня звали Клариссой... – задумчиво закусывает она губу и выдает. – Клариссой Бульштейн.

Я смотрю на очаровательную в своей невинности Эрсель и никак не могу сопоставить ее образ с любовницей моего мужа, вдовствующей графиней, которая была ровесницей Рейнхарда. Как так? Эрсель не больше девятнадцати, максимум двадцать. Я вообще ничего не понимаю, почему ее не узнали, почему не заподозрили?

– О, я вижу, что тебя удивила, – скалится графиня. Ее лицо преобразается в отвратительную сморщенную маску, в которой уже и не узнать милую девушку Эрсель. – Эрсель жалко... Она была тут так одинока, так несчастна... – хихикает Клариса. – Но мне нужно было умереть и получить новое тело. А наивная доверчивая дурочка считала меня своей подругой, и такой безмозгой овцой грех было не воспользоваться. Маленький заговорчик, пару капель крови, несколько рун, и уже спустя ночь каждая из нас проснулась в новом теле. А то, что эта идиотка обезумела и, попытавшись сбежать, свалилась с лошади, так это чистая случайность, которая мне, надо признаться, очень помогла.

– Ты ведьма? – удивленно округляю глаза.

– Как и ты. Только в отличие от тебя, меня бабуля всему обучила и заставила держать в тайне. Так что, Вета, я посильнее тебя буду. И умнее, так уж точно.

– Не боишься, что кто-нибудь услышит? – едко замечаю я.

– Кто? Я позаботилась, чтоб в эту часть парка никто в ближайшее время не заходил. А уж извлечь тебя из этой штуки – дело времени. Заговоров у меня куча, и в отличие от магических заклинаний им не требуется подпитка из аккумулирующего элемента, – хихикает она, потирая руки. – Рано или поздно твоя защита рассеется, ослабеет, и тогда мы возьмем тебя тепленькую.

– Твой жених с тобой тоже в сговоре? – мрачно спрашиваю, вспоминая о магистре Иво. Мне он искренне понравился, показался умным, милым и совершенно бесхитростным. Жалко ошибаться в людях, причем в который раз... Но предательство Джебберта хотя бы удивления не вызывает, в конце концов, устранение Рейна откроет путь его карьере.

– Кто? Джеб? – фыркает Кларисса. – Да этот тюфяк ни на что не способен. Ему только бы о лекциях и исследованиях своих думать. Нет, Джеб запасной вариант... Как ты думаешь, насколько долго будет Рейнхард горевать о потере невесты? Я постараюсь утешить его как следует... – предвкушающе блестит глазами девушка. – Ну... а если уж так случится, что он меня отвергнет... что ж... Настанет очередь Джеба... Рейн хорош, бесспорно, – едва не облизывается она... – Но им не поуправляешь... А вот магистр Иво – мягкая глина в моих руках.

Рядом с графиней тихо и зло рычит Рикет.

– Ну-ну, милый, ты же знаешь, это все для дела, – похлопывает она его по щеке. – Моей любовью всегда будешь только ты... – смотрит она ему в глаза и страстно целует в губы. – Ты же знаешь, что мне нужно... власть и кровь высших, которые ты дать не можешь. Но как только я, получив все, что нужно, смогу стать перевертышем и управлять королевством руками мужа-тюфяка, мы с тобой заживем как у бога за пазухой...

– Думаю, мы услышали достаточно, – рядом раздается голос Рейна и четверо окруживших нас стражников падают, как подкошенные в траву. На ногах остаются лишь Эрсель и Рикет.

– Ты-ы-ы? – удивленно шипит графиня и вскидывает тонкую руку с заклинанием, но Рейн с легкостью отбивает атаку. В него летит еще парочка боевых пульсаров выпущенных Рикетом, которые также не причиняют вреда мужу. А вот самого стражника ловко облепляет сияющая серебристая сеть, накинутая канцлером. На поляне один за одним появляются новые и новые лица, среди которых я узнаю не

только безопасников, но и ошеломленного и бледного до синевы магистра Иво, его отца и ранее подозреваемого во всех бесчинствах Симона Ганкарта.

Облегченный вздох со стоном вырывается из груди, ноги подкашиваются, и я тяжело оседаю в траву. Рядом под мышку забирается испуганный Фриц.

Обхватываю мальчишку руками и крепко прижимаю его к себе, успокаивая и баюкая, как маленького.

– Все закончилось, все прошло, – тихо шепчу, целуя его в макушку. А затем к нам подлетает Рейн. Он сгребает нас обоих в охапку, так, что Фриц даже тихонько попискивает, а я млею от удовольствия. Незначительная боль сильных объятий словно отрезвляет, заставляет прийти в себя, убедиться, что все позади, убедиться, что чувства его настолько же сильны, насколько и мои.

– Я тебя люблю, – не выдержав, тихо шепчу сквозь слезы.

Он обхватывает теплыми пальцами мой подбородок, заставляя поднять взгляд, целовывает слезы с моих щек, гладит по растрепанным волосам.

– И я тебя люблю, моя смелая маленькая девочка, очень люблю...

Сердце в груди делает кульбит и трепещущей бабочкой замирает внутри... Мне хочется напомнить о том, что оборотни не любят, о том, что он не может позволить себе такой роскоши, о том, что я давно ждала этих слов и вообще-то мужчина должен их говорить первым, но я лишь удовлетворенно вздыхаю, еще крепче прижимаясь к его груди, ощущая себя полностью счастливой.

Эпилог

Два года спустя

Утреннее недомогание к счастью прошло, словно его и не было никогда, и инспекцию нового детского дома, построенного всего несколько месяцев назад, я проводила вполне себе бодрячком. Светлые просторные спальни, огромная столовая, кухня, классные комнаты – произвели на меня приятное впечатление.

Сердце наполняется огромной радостью, когда я думаю о том, что уже через несколько недель детишки из старого здания переедут в это.

История Фрица и его младшей сестрички Женевьевы глубоко запала мне в душу. Мало того, что сиротами в Берграйхе почти никто не занимался. Часто бедные дети жили в развалюхе, именуемой приютом, да еще и впроголодь. Но иногда было намного хуже, когда их все-таки усыновляли. Учета и проверки семей, которые брали опеку над воспитанниками, не было совершенно. Забрали ребенка – и, слава богу, на один рот стало меньше. Это у нас, на Земле, есть социальные службы, которые занимаются подобными вещами, Берграйх же в этом плане существенно отличался.

Я хорошо помню, как пришла со своей идеей к мужу, отчаянно трусая и переживая. Да даже, когда получила одобрение не только супруга, а и самого короля Орэля, все равно страх не пропал. Он просто перешел в иную форму – смогу ли я справиться с тем, за что взялась, не имея ни опыта, ни знаний...

К счастью с помощью Рейнхарда и его величества, мне предоставили очень хорошую команду профессионалов, для которых хоть мое дело и было внове, но прошлый опыт других деяний помог справиться с моей задумкой.

Порой мои идеи и планы выглядели фантастическими и невыполнимыми, порой меня приходилось осаживать в моем энтузиазме. Хотелось делать все и сразу, и получить результат как можно быстрее. Тогда меня мягко приостанавливали и объясняли, почему это невозможно в принципе, или на данный момент.

И вот теперь, спустя два года в Бэрге начала свое существование первая в стране социальная служба защиты детей, которая призвана делать все возможное, чтоб оставшиеся без родителей малыши имели шанс на счастливое будущее, теплый кров, качественное питание, образование и, в идеале, любящую семью.

Фрица и Женевьеву мы, конечно же, усыновили, и теперь Флоренс учится в военном лицее, а малышка Женевьева настоящая взрослая пятилетняя дама, которая меня называет мамой. Я очень переживала, как к этому отнесется ее старший брат, но Фриц на удивление спокойно среагировал, хотя сам предпочитал называть меня Ветой, воспринимая как подругу или старшую сестру.

Николь месяц назад вышла замуж за Августа, который оказался сыном посла соседней Виенны. Насколько знаю, молодые супруги счастливы безмерно.

Джебберт Иво после известия о гибели любимой Эрсель еще больше погрузился в науку, и теперь он самый молодой в истории академии профессор. Но мы искренне надеемся, что найдется еще та девушка, которая затронет его сердце и навеки прогонит печаль из души прекрасного человека, ибо он заслужил счастье и любовь.

Мои попытки найти в Эрдлихе еще таких как я, потомков ведьм, полностью провалились. Так же, как и идея собрать хоть какую-то литературу по этому вопросу. Пока я остаюсь единственная в своем роде.

Карета мягко покачивается, и в окно я вижу, как мы сворачиваем к подъездной аллее дворца. Резкий поворот экипажа внезапно снова вызывает новый приступ головокружения и тошноты. У меня едва получается дождаться окончания поездки. А, как только мягкий толчок свидетельствует о том, что карета остановилась, я, не дожидаясь, пока лакей откроет двери, сама выскакиваю на свежий воздух. И сразу же попадаю в объятия мужа. Он каким-то непостижимым образом ощущает, что я себя плохо чувствую, и кидается мне навстречу. Только тогда, когда оказываюсь в надежных руках Рейнхарда, разрешаю себе расслабиться и позволить сознанию уплыть в небытие.

А прихожу в себя лежа на кушетке. Моя голова покоится на коленях мужа, а надо мной водит руками Дитрих. Острое ощущение дежавю робкой мышью закрадывается в душу, и я тихо про себя улыбаюсь, вспоминая свое прибытие в Эрдлих. Кажется, что это было

вечность назад, и могла ли я тогда подумать, что именно здесь я обрету свое место и свое счастье.

– Ну что ж, милая фройляйн Цветана, – выпрямляется врач и стряхивает с пальцев остатки сканирующих заклинаний. – С большой вероятностью могу сказать, что теперь вы не единственная ведьма в этом мире, – ошарашивает он.

– Дитрих... ты хочешь сказать? – медленно уточняет мой муж...

– Я хочу сказать, что скоро ваша семья пополнится еще одним ребенком. Скорее всего, девочкой, – улыбаясь, подтверждает наши догадки лекарь.

Я поднимаю взгляд на мужа и встречаюсь с его темными, словно расплавленный черный шоколад, глазами, в которых светится немая радость.

– Я тебя люблю, – одними губами шепчет он, целуя меня в макушку.

– А я тебя, – тихо отвечаю, чувствуя, как к глазам подступают слезы счастья.